

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ—АВГУСТ

4
1978

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сумарокова М. М. Ф. Филипович о революционном движении в России (1905—1917 гг.) . . . . .</i>	3
<i>Галактионов И. В. Еще раз об Андрусовском договоре 1667 года . . . . .</i>	9
<i>Кучинко М. М. Средневековые города Побужья в свете летописных и археологических источников</i>	22
<i>Богомолова Н. О пушкинской традиции в творчестве Юлиана Тувима . . . . .</i>	31
<i>Калиганов И. И. Текстологические заметки о южнославянских списках жития Георгия Нового</i>	44
<i>Зеленина Э. И. Терминология ткачества в балканских говорах болгарского языка в ее соотношении с литературной . . . . .</i>	57

К VIII съезду славистов

<i>Кишкин Л. С. О факторах, обуславливающих литературные связи . . . . .</i>	64
<i>Липатов А. В. Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи средневековья (Общие закономерности, связи, специфика) . . . . .</i>	80

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Стеклова Ф. И. В кругу декабристов . . . . .</i>	91
<i>Лабунцев Ю. А. Памятник старопольской письменности</i>	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Тесемников В. А. В. В. Зеленин. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921. . . . .</i>	101
<i>Яковлев Н. Н. Цола Драгойчева. Повели на дълга</i>	103

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Кудрявцева Н. И.</i> Józef Kowalczyk. Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936 — 1938 w świetle raportów posta Czechosłowacji w Warszawie i innych archiwaliów	104
<i>Наумов Е. П.</i> Развитие историографии славянских стран и история византиноведения	105
<i>Липтева Л. П.</i> Новое издание Збраславской хроники	107
<i>Колесов В. В.</i> R. Krajčovič. A Historical Phonology of the Slovak Language.	108

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре, языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1977 г. (продолжение)	112
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Прокофьева Н. А.</i> Заседание Международной комиссии по истории славистики	122
<i>Можжева И. Е.</i> Международная научная конференция по Общекарпатскому диалектологическому атласу	123
<i>Исламов Т., Венедиктов Г.</i> Научная конференция в Будапеште	124
<u>Илья Соломонович Миллер</u>	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Грубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией И. И. Козловская

М. М. СУМАРОВА

Ф. ФИЛИПОВИЧ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ В 1905—1917 ГОДАХ.

21 июня 1978 г. исполнилось сто лет со дня рождения видного деятеля сербского, югославского и международного рабочего и коммунистического движения Филипа Филиповича (Бошко Бошковича). На протяжении ряда лет Ф. Филипович являлся очевидцем и непосредственным участником революционных событий в России. Он принадлежал к числу немногих югославан, которым еще до первой мировой войны представилась возможность познакомиться с ленинскими работами, с опытом борьбы большевистской партии.

Приехав в Россию осенью 1899 г., Ф. Филипович поступил в Петербургский университет. Через своих земляков, учившихся в Петербурге, он установил контакт с социал-демократическими кружками, был связным местной организации РСДРП, а затем пропагандистом. В начале марта 1902 г. принял участие в массовой демонстрации рабочих и студентов Петербурга, сопровождавшейся стычками с полицией¹.

В студенческие годы Ф. Филипович начинает изучать марксистскую литературу. Уже тогда в его личной библиотеке имелись «Нищета философии» К. Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, работа В. И. Ленина «К деревенской бедноте»². В письмах к родным он восторженно отзывался о произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Н. Г. Чернышевского, А. М. Горького³. Поездки на родину во время летних каникул им использовались для доставки в Сербию русской нелегальной прессы — ленинской «Искры» и марксистского научно-политического журнала «Заря»⁴.

Окончив в 1904 г. университет, Ф. Филипович остался в Петербурге на преподавательской работе. В середине сентября 1905 г. он был арестован за принадлежность к Петербургскому комитету РСДРП и заключен в тюрьму. После издания царского манифеста от 17 октября 1905 г. он был амнистирован. Выйдя на свободу, Ф. Филипович продолжал вести пропагандистскую работу, хранил запрещенную литературу, собирал материальные средства для партии и т. д.⁵

Находясь в России, Ф. Филипович не порывал связи с Сербской социал-

¹ М. М. Сумарова. Новые данные о начале революционной деятельности Филипа Филиповича. «Советское славяноведение», 1967, № 1, с. 56—57.

² П. Д а м ј а н о в и ћ. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију. «Годишњак града Београда», кв. VI. Београд, 1959, с. 176.

³ Там же.

⁴ М. М. Сумарова. Там же, с. 57.

⁵ Там же.

демократической партией, активно сотрудничал в ее печатных органах — газете «Радничке новине» и журнале «Борба», снабжая их ценной информацией о различных сторонах общественной жизни тогдашней России. В его статьях и корреспонденциях разоблачалась внешняя и внутренняя политика царизма, вскрывался антинародный характер буржуазно-либерального движения, рассказывалось об эксплуатации трудящихся России, их упорной и самоотверженной борьбе, о полицейском произволе.

Ф. Филипович пропагандировал идеи и опыт первой русской революции, указывал на ее огромное значение для пробуждения политического сознания трудящихся. Касаясь бурных событий 1905—1906 гг., он писал, что движение масс тогда было «настолько сильным, масштабным и революционным, оно столь определенно выражало их экономические и социальные интересы, что бюрократия вынуждена была напрячь все свои силы, развязать белый террор против революционных классов, мстя им за их отдельные успехи, лишь бы удержаться у власти»⁶. Ф. Филипович указывал, что революция была серьезным испытанием для всех классов и партий российского общества. Она раскрыла реакционнейшую сущность самодержавия и наглядно продемонстрировала лицемерие буржуазии, которая по мере развертывания массового движения трудящихся все более утрачивала свою оппозиционность и добивалась соглашения с царизмом. Главной движущей силой и авангардом революции в России, подчеркивал Ф. Филипович, являлся рабочий класс и его партия. Только социал-демократия, писал он, могла бы «довести революцию до ее логического конца»⁷.

Большое внимание Ф. Филипович уделял вопросам, связанным с выборами и расстановкой политических сил в Государственных думах, пристально следил за ходом дебатов, за деятельностью социал-демократической думской фракции. С некоторыми рабочими депутатами он поддерживал личные контакты. Интересно отметить, что именно из его статьи «Русская революция», опубликованной в газете «Радничке новине» в июле 1907 г., в Сербии стало известно о принципиальных разногласиях между большевиками и меньшевиками, в частности по вопросам думской тактики РСДРП в период подготовки к выборам в I Думу, а также о дискуссии, развернувшейся в связи с этим в Петербургской социал-демократической организации. «Все меньшевики, группа Плеханова и его сторонники, — писал Филипович, — выступали за самое активное и энергичное участие в выборах. Между тем большевики, группа Ленина и его сторонников выступали за бойкот выборов»⁸. При этом, по его мнению, тактика бойкота являлась вполне оправданной, принимая во внимание сильные бойкотистские настроения в среде пролетариата и реакционный избирательный закон⁹.

В период столыпинской реакции Ф. Филипович с возмущением писал о кровавых расправах самодержавия с участниками революционных боев, о разгуле черносотенных банд, о зверских истязаниях и убийствах арестованных революционеров, о намерении правящих кругов свести на нет все завоевания пролетариата. «Абсолютизм стремится растоптать все политические права рабочих, чтобы лишить их возможности вести экономическую борьбу, — подчеркивал он. — Предпринята атака на право объединения, а уж о свободе печати и говорить не приходится»¹⁰. По поводу роспуска

⁶ F. Filipović. Izabrani spisi, knj. 2. Beograd, 1962, s. 369—370.

⁷ Ibid., s. 371.

⁸ «Радничке новине», 1907, 26 VII.

⁹ В. И. Ленин впоследствии отмечал, что бойкот Думы в 1906 г. в обстановке начавшегося спада революции был ошибкой, «хотя и небольшой, легко поправимой» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 18).

¹⁰ F. Filipović. Izabrani spisi, knj. 2, s. 328.

царским правительством в июне 1907 г. II Государственной думы и ареста социал-демократической фракции Филипович писал в статье «Разгон русской Думы»: «И судьба II русской думы решена. Режим деспотии, насилия, интриг и грабежа не мог больше терпеть Думу, в которой преобладали свободомыслящие элементы, а особенно не мог терпеть социал-демократическую фракцию, чье влияние на работу Думы было сильным и определяющим»¹¹. Вместе с тем в его работах проводилась мысль о том, что, ликвидируя некоторые, порой даже существенные завоевания масс, прибегая к жесточайшим репрессиям, царизм все же не в состоянии полностью вернуться к дореволюционным порядкам, не в силах сломить волю и мужество революционеров, искоренить стремление к свободе и лучшей жизни, повернуть колесо истории вспять. Революция 1905—1907 гг., указывал Филипович, оставила глубокий след в сознании народа, оказала и будет далее оказывать мощное воздействие на освободительное движение в России и во всем мире.

Ф. Филипович вел занятия на вечерних рабочих курсах при Высшей школе П. Ф. Лесгафта и в народных университетах. Постоянное общение с рабочими, их оптимизм и стойкость помогли ему и в обстановке ревного спада революционного движения сохранить горячую веру в грядущую победу рабочего класса России. «Революция должна восторжествовать, пусть даже колесница революции будет залита кровью»¹², — писал он. — «Да здравствует российский революционный пролетариат!»¹³.

Видя неспособность царского правительства устранить глубокие противоречия в социально-экономическом и политическом строе России, Ф. Филипович предсказывал неизбежность нового революционного кризиса и с нетерпением ждал его приближения. Уже в конце 1910 г., когда обнаружили первые признаки начинавшегося революционного подъема, он отмечал в статье «Брожение в России», что подымающаяся волна рабочих и студенческих выступлений в один прекрасный день «сметет навек царство кнута и палачей свободы»¹⁴. Исход борьбы, подчеркивал Филипович, будет зависеть от способности пролетариата и его партии с классовых позиций проанализировать характер пробуждавшегося массового народного движения, правильно определить формы и методы работы, чтобы направить зреющий в различных слоях населения протест в единое русло общенародной революционной борьбы¹⁵.

В работах Ф. Филиповича, относящихся к 1911—1912 гг., центральное место отводилось показу конкретных проявлений повсеместно растущего недовольства трудящихся. Усиливавшееся стачечное движение пролетариата, массовые политические митинги, собрания и демонстрации, крестьянские волнения, выступления демократического студенчества, мятежи в воинских частях рассматривались им как звенья одной цепи, как факты, свидетельствовавшие о том, что на исторической сцене политической борьбы в России вновь появляются народные массы, прежде всего рабочий класс¹⁶. «Только слепцы могут не видеть, что начинается процесс гибели контрреволюционного режима и идет консолидация сил, которые нанесут ему смертельный удар»¹⁷, — писал Филипович. Для него было очевидным, что Россия вступала в полосу нового революционного подъема, изменялось реальное соотношение классовых сил. Немаловажную роль в уско-

¹¹ Ibid., s. 325.

¹² Ibid., s. 327.

¹³ Ibid., s. 323.

¹⁴ «Радничке новине», 1910, 25 XII.

¹⁵ F. Filipovič. Ibid., s. 351.

¹⁶ Ibid., s. 377, 379.

¹⁷ Ibid., s. 379.

рении этого процесса, указывал он, сыграла кровавая драма, разыгравшаяся 4 апреля 1912 г. на Ленских золотых приисках в Сибири и последовавшие за ней выступления возмущенных народных масс¹⁸. В статье «Политическая ситуация в России», напечатанной в журнале «Борба», Филипович писал: «Грандиозные политические стачки в связи с сленской трагедией и 1 мая без сомнения представляют новую эру не только в рабочем движении, но и в политической судьбе России»¹⁹.

22 апреля 1912 г. в Петербурге вышел первый номер большевистской газеты «Правда», создание которой было, по словам В. И. Ленина, «выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих»²⁰. Филипович принимал участие в ее распространении²¹.

Пребывание в России в период бурных революционных событий оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Ф. Филиповича. Здесь он прошел хорошую политическую школу, обогатился опытом борьбы. С тех пор Филипович считал себя неразрывно связанным с революционной Россией, с РСДРП. «Петербург (Россия), — писал он матери в январе 1912 г., — стал мне второй родиной»²². В связи с предстоящими выборами в IV Государственную думу в одной из его статей говорилось: «Наша социал-демократическая партия также включилась в избирательную борьбу»²³. В Петербурге в 1910 г. на русском языке вышел первый труд Ф. Филиповича «Педагогика математики», подготовленный им совместно с польским ученым В. Мрочеком²⁴.

В начале июня 1912 г. Ф. Филипович выехал в Белград, чтобы приступить к выполнению обязанностей секретаря рабочей палаты²⁵.

Вернувшись на родину, Ф. Филипович продолжал живо интересоваться всем, что происходило в России, встречался с деятелями РСДРП, приезжавшими тогда в Сербию, в частности с Н. А. Семашко. Много лет спустя, давая Филиповичу (Б. Бошковичу) рекомендацию для вступления во Всесоюзное общество старых большевиков, Н. А. Семашко писал: «т. Филиппа Вас. Бошковича узнал в Сербии в 1912—1913 гг. как социалиста, разделяющего взгляды большевиков»²⁶.

В период, когда над Балканами сгустились тучи военной грозы, Ф. Филипович предложил редакциям большевистских газет «Правды» и «Невской Звезды» свои услуги в качестве балканского корреспондента. Это предложение было охотно принято. В письме секретаря редакции «Правды» Л. М. Михайлова от 22 сентября 1912 г. говорилось: «Как можно проще, небольших размеров, но возможно регулярно и часто шлите Ваши корреспонденции — мы их ждем!»²⁷.

С октября 1912 г. по июнь 1913 г. в «Правде» было напечатано шесть статей Ф. Филиповича за подписью «Ф. Ф (Белград)»²⁸. Их содержание во многом перекликалось с основными положениями и выводами ленинских работ, посвященных событиям на Балканах и публиковавшихся тогда

¹⁸ «Радничке новине», 1912, 18 VII.

¹⁹ F. Filipović. Ibid., s. 376.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 427.

²¹ М. М. Сумарокова. Там же, с. 57.

²² П. Дамјановић. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију, с. 189.

²³ F. Filipović. Ibid., s. 379.

²⁴ П. Дамјановић. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију, с. 181.

²⁵ Там же, с. 189.

²⁶ Г. М. Славин, М. М. Сумарокова. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). В кн. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1973, с. 356.

²⁷ П. Дамјановић. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију, с. 191.

²⁸ См. М. М. Сумарокова. Slanci Filipa Filipovića o balkanskim ratovima na stranicama «Pravde» (1912—1913). «Prilozi za istoriju socijalizma», knj. 8. Beograd, 1971, s. 327—338.

также на страницах «Правды»²⁹. Позднее в статье «Ленин и Балканы» Филипович дал очень высокую оценку этим ленинским работам, назвав их классическими. В. И. Ленин, подчеркивал он, «великолепно разоблачал реакционную великодержавную политику международных империалистов на Балканах»³⁰.

Информируя через «Правду» передовую общественность России о причинах и сущности военного конфликта на Балканах, о позиции, занятой социал-демократией балканских стран, Ф. Филипович в то же время знакомил читателей газеты «Радничке новине», журнала «Борба» и других изданий Сербской социал-демократической партии с политической обстановкой в России. Внушительные выступления трудящихся в 1913—1914 гг. по случаю 1 Мая, а также в связи с годовщиной 9 января, перегруппировка политических сил, деятельность рабочих депутатов в IV Государственной думе — все это находило отражение в его статьях. Весной 1913 г. им была написана статья, посвященная памяти В. П. Краснухи — деятеля революционного движения в России, социал-демократа, искровца, который, бежав из сибирской ссылки, во время первой Балканской войны работал врачом в сербских войсках.

Летом 1913 г. Ф. Филипович приезжал в Петербург на Всероссийскую гигиеническую выставку. Итогом этой поездки явилась серия статей об условиях труда и жизни рабочего класса разных стран, в том числе России.

Когда разразилась мировая война, Ф. Филипович вместе с другими сербскими социалистами — интернационалистами занял антивоенную позицию. Депутаты Сербской социал-демократической партии в Народной скупщине (парламенте) выступили против одобрения военных кредитов. Впоследствии Филипович с гордостью писал, что, как и революционный российский пролетариат, сербские рабочие в период войны оставались верными принципам классовой борьбы и поэтому «с полным правом могут сказать, что они добросовестно выполняли свой исторический долг»³¹.

После оккупации Белграда Ф. Филипович летом 1916 г. был арестован австрийскими властями и отправлен в лагерь для военнопленных в Ашах (Австрия), где вел революционную пропаганду среди военнопленных, выступал с лекциями и беседами о Февральской революции в России. Летом 1917 г. его перевели в Вену под надзор полиции. Установив контакты с находившимися там социал-демократами — большевиками, Филипович активно включился в деятельность созданной ими группы.

В Вене Ф. Филипович узнал о победе социалистической революции в России. Зная предвоенную обстановку в России, он смог с самого начала понять суть и правильно оценить значение этого всемирно-исторического акта. Одним из первых югославянских социалистов он воспринял лозунг диктатуры пролетариата. Вместе с другими членами венской большевистской группы Филипович рассказывал австрийским рабочим об Октябрьской революции, о становлении Советской власти, оказывал содействие советской комиссии попечения о военнопленных³².

Стремясь донести правду об Октябре до трудящихся югославянских земель, Ф. Филипович выступил с рядом статей в газете «Глас слободе» — органе Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины. В них разъяснялись этапы революционной борьбы в России, антинародный характер Временного правительства, историческое значение Октябрьской революции, сущность Советской власти, ее политика. Опровергались клевет-

²⁹ Подробнее см. Г. М. С л а в и н, М. М. С у м а р о к о в а. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.), с. 357—360.

³⁰ «Известия», 1925, 22 января.

³¹ F. F i l i p o v i ć. Ibid., s. 448.

³² М. М. С у м а р о к о в а. Там же, с. 58—59.

нические и тенденциозные писания буржуазной прессы, а также утверждения некоторых правых социал-демократов о якобы незрелости объективных условий для коренных социальных преобразований в России, а следовательно, преждевременности социалистической революции. Ф. Филипович доказывал, что Октябрьская революция являлась закономерным следствием социально-экономического и политического развития России в условиях империализма. Прочность Советской власти, по его убеждению, заключалась в том, что революция пробудила невиданную энергию и инициативу широких масс трудящихся. «Творческие возможности народа огромны, — подчеркивал Филипович, — и именно в них молодое российское правительство обрело тот неиссякаемый источник, из которого черпает свои силы»³³. Касаясь положения, сложившегося в международном рабочем движении после победы Великого Октября, он писал: «Русская революция вбила глубокий клин между левыми и правыми партиями. Она поставила всех перед дилеммой — за или против социализма»³⁴.

В это время Ф. Филипович внимательно изучал работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и популяризировал ее в газете «Глас слободе»³⁵. В период развала Габсбургской империи, когда решались судьбы югославянских народов, Ф. Филипович выступил с резкой критикой требования культурно-национальной автономии как антимарксистского, противопоставив ему лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств. Рассматривая национальный вопрос в качестве составной части общего вопроса о революции, он обосновывал свою точку зрения ссылками на Программу РСДРП, принятую II съездом партии в 1903 г., на работы В. И. Ленина³⁶.

В ноябре 1918 г. Ф. Филипович был выслан из Австрии. Прибыв в Будапешт, он вошел в состав большевистской группы при Венгерской коммунистической партии³⁷. В начале января 1919 г. Филипович вернулся в Белград и развил бурную деятельность по созданию единой революционной партии югославского рабочего класса. Будучи в течение ряда лет секретарем Компартии Югославии, а затем членом Исполкома Коминтерна, он вновь и вновь обращался к богатой героической истории революционного движения в России, к трудам В. И. Ленина, к опыту большевистской партии. Неустанно призывал Ф. Филипович трудящихся Югославии к солидарности с первой в мире страной социализма.

³³ F. Filipović. Ibid., s. 452.

³⁴ Ibid., s. 453.

³⁵ П. Дамјановић. Филип Филиповић. Фрагменти за биографију, с. 198.

³⁶ P. Damjanović. Tito pred temama istorije. Beograd, 1977, s. 271.

³⁷ См. Р. А. Ермолаева. О русских коммунистических группах в Австрии и Венгрии в 1917—1918 гг. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 7, с. 67—69.

И. В. ГАЛАКТИОНОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНДРУСОВСКОМ ДОГОВОРЕ 1667 ГОДА

Договор о перемирии, заключенный между Россией и Польшей 30 января 1667 года в Андрусове — крупное событие в истории Восточной Европы второй половины XVII в. Поставив грань русско-польской войне, он одновременно явился началом полосы сближения и совместной защиты национальных интересов этих стран на международной арене.

Вместе с тем, как элемент общеевропейской политической структуры, договор завершил перегруппировку сил в Восточной Европе и сделал Россию ведущей силой в этой части континента.

По своему характеру трактат в Андрусове — компромисс между двумя противоборствующими силами. Экономические и военные возможности России оказались тогда недостаточными, чтобы отвоевать и удержать за собой Украину, Белоруссию и Литву, и правительство царя Алексея согласилось на границу по Днепру. В свою очередь Польша, разоренная войной, ослабленная феодальной междоусобицей, напуганная угрозой турецко-татарского вторжения, не смогла силой оружия восстановить предвоенные границы и уступила России часть захваченных у нее земель.

По условиям договора Россия — формально на срок перемирия, а фактически навсегда — возвратила в свои пределы смоленские и северские земли и подтвердила в международном документе факт воссоединения Левобережной Украины и Киева. Современники высоко оценивали значение договора. В Москве торжествовали победу. Царь пожаловал главу посольской делегации А. Л. Ордина-Нащокина «за ту службу и раденье» в бояре и наделил его крупной вотчиной. Одновременно были награждены землей и деньгами все служилые люди России «за их службу и за кровь», за то, что они «мужественно стояли против поляков»¹. «Русские очень радуются и гордятся выгодным миром, заключенным с Польшей...», — записал в своем дневнике английский врач С. Коллинс, внимательно наблюдавший тогдашнюю жизнь России². Однако часть ближних бояр в правительстве царя Алексея была недовольна границей по Днепру и обязательством сотрудничать с Польшей в борьбе с турецко-татарской агрессией. Мнение этих бояр сказалось позже как на оценке договора, так и на его реализации.

Еще больше споров вызвал договор в Польше. Группа сенаторов Речи Посполитой во главе с Я. Собеским назвала договор «несчастьем» для стра-

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Фонд 79. Сношения России с Польшей. Книги польского двора (КПД), д. 108, л. 170б., 32, 77об.

² С. Коллинс. Нынешнее состояние России. «Чтения МОИДР», 1846, № 1, с. 39.

ны, обвинила комиссаров в предательстве и потребовала продолжать войну с Россией в «союзе» с татарами. Возражая ей, другие сенаторы и значительная часть шляхты настаивали на мире с Россией и добивались ратификации соглашения в Андрусове. «Гремевшая в Европе слава тринадцатилетнего перемирия, коего желали все христианские державы (но едва надеялись), — писал, например, П. Потоцкий, — воздвигает Нащокину благороднейший памятник в сердцах потомков; ибо тот, кто кладет основание миру... оказывает истинную услугу обеим сторонам и достоин большей славы нежели те, которые истощают силы государства бедственными и кровопролитными войнами»³.

Предлагаемая вниманию читателей статья — не историографический обзор означенной в заголовке проблемы. Это — полемическое обозрение современной (послевоенной) литературы, главным образом советской и польской, в ходе которого автор пытается критически проанализировать накопившийся материал, определить и обосновать свою точку зрения по данному кругу вопросов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что не в пример историкам прошлого века, современные историки уделяют значительное внимание русско-польским отношениям второй половины XVII в. в целом и Андрусовскому перемирию, в частности. За границей, например, мы находим анализ договора или его краткую оценку как в общих, так и в специальных трудах, посвященных проблемам внешней политики европейских, в том числе и восточноевропейских стран. Обстоятельно, несмотря на ряд ошибок, рассматривается русско-польское соглашение 1667 г. в книге американского исследователя К. Бикфорда О'Брайена⁴. У немецкого историка Ф. Гребенаума Андрусовский договор тесно связан с борьбой за польскую корону, а оценка его звучит буквально так: «Перемирие, заключенное в 1667 году... и отказ от трона последнего польского Ваза в сентябре 1668 года, приблизили вновь выборы русского претендента»⁵. Упоминание о договоре как антишведском документе мы находим в книге шведского исследователя Б. Фальборга⁶.

В Народной Польше Андрусовский договор 1667 г. нашел отражение в работах А. Коделло, Я. Паевского, К. Пиварского и В. Чаплинского⁷. В сочинениях этих историков мы находим справедливые оценки объективной необходимости сближения и сотрудничества восточноевропейских держав в условиях усилившейся турецко-татарской агрессии и не менее справедливую критику восточной политики Речи Посполитой⁸.

Особенно много по интересующей нас проблеме писал в последние два десятилетия З. Вуйцик. Его перу принадлежат три книги, где излагается подготовка и ход переговоров в Андрусове, оценка договора и испол-

³ «Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича». «Северный архив», 1825, № 20, с. 312.

⁴ C. Bickford O'Brien. *Muskovy and the Ukraine. From the Pereiaslavl Agreement to the Truce of Andrusovo. 1654—1667.* «University of California publications in history», v. 74. Berkeley and Los Angeles, 1963, p. 177—179; И. В. Галактионов. Рецензия. «Вопросы истории», 1965, № 1, с. 177—179.

⁵ F. Grönebaum. *Frankreich in Ost- und Nordeuropa.* «Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa», Bd. II. Wiesbaden, 1968, S. 42.

⁶ B. Fahlborg. *Sveriges yttre politik, t. 2, 1666—1668.* Stockholm, 1949.

⁷ A. Codello. *Rywalizacja Paców i Radziwiłłów w latach 1666—1669.* «Kwartalnik Historyczny», 1964, z. 4, s. 914; J. Pajewski. *Bunczuk i koncerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich.* Warszawa, 1963, s. 107, 110; K. Piwarski. *Oslabienie znaczenia międzynarodowego Rzeczypospolitej.* «Roczniki Historyczne», XXIII, Poznań, 1957; W. Czaplinski. Рецензия. «Kwartalnik Historyczny», LXVII, z. 1, s. 212, 215.

⁸ См. A. Codello. *Ibid.*, s. 914; W. Czaplinski. *Ibid.*, s. 214; J. Pajewski. *Ibid.*, s. 110.

нение его в последующие годы⁹. Им же написан ряд специальных статей, непосредственно связанных с данным сюжетом¹⁰.

Работы З. Вуйцика — последнее слово современной польской историографии по истории русско-польских взаимоотношений второй половины XVII в., в том числе по истории перемирия 1667 г. В книге об Андрусовском трактате польский историк детально исследует предысторию соглашения и приходит к справедливому выводу, что с этого момента Россия постепенно становится ведущей силой в политической жизни Восточной Европы, оттесняя Польшу на второй план¹¹.

Прав автор и в своей оценке международного значения русско-польского трактата. Он ставит его в один ряд с предшествовавшими и сопутствовавшими ему пиренейским (1659), оливским (1660), бредским (1667) и ахенским (1668) договорами¹². Нельзя не заметить также, что З. Вуйцик тесно связывает состояние и характер польско-русских взаимоотношений второй половины века со всем комплексом внешней и внутренней политики Речи Посполитой и опровергает тем самым традиционное заблуждение польской шляхетской и буржуазной историографии, не замечавшей или игнорировавшей эту зависимость.

Однако не все выводы маститого польского исследователя безупречны. Мы уже высказывали свои замечания по ряду спорных и даже ошибочных положений, которые отстаивает З. Вуйцик, рисуя предысторию Андрусовского трактата¹³. Эти замечания нам и сейчас кажутся справедливыми, несмотря на настойчивые возражения польского исследователя¹⁴. В данной статье мы отнюдь не собираемся анализировать многочисленные работы польского историка, а выскажем лишь отдельные замечания по сюжетам, связанным с происхождением и содержанием Андрусовского договора.

Правильным, на наш взгляд, является утверждение З. Вуйцика, что Андрусовский договор близко касался судеб Украины, что компромисс между Россией и Польшей был достигнут «главным образом за счет Украины»¹⁵. Однако его настойчивое стремление представить позицию и политику России в борьбе за Украину адекватными позиции и политике Польши и Крыма вызывает сомнение. «Узлом противоречий в Восточной Европе была Украина, где соперничали Польша, Россия и крымский хан. Каждый стремился захватить Украину», — писал польский историк в 1959 г.¹⁶. Почти дословно он повторяет эту же мысль о соперничестве

⁹ Z. W ó j c i k. Traktat andrusowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959; е г о ж е. Między traktatem andrusowskim a wojną turecką. Polsko-rosyjskie stosunki 1667—1672. Warszawa, 1968; е г о ж е. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674—1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976.

¹⁰ Z. W ó j c i k. Zmiana w układzie sił politycznych w Europie środkowowschodniej w drugiej połowie XVII wieku. «Kwartalnik Historyczny», 1960, № 1; е г о ж е. Znaczenie wieku XVII w historii stosunków polsko-rosyjskich. В кн. Z polskich studiów slawistycznych, ser. II. Warszawa, 1963; е г о ж е. Niektóre zagadnienia polityki wschodniej Rzeczypospolitej. «Rocznik Lubelski», t. V. Lublin, 1962; е г о ж е. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660—1661. «Przegląd Historyczny», 1954, z. 4; е г о ж е. Rzeczpospolita na arenie międzynarodowej w XVII w. В кн. Pamiętnik X powszechnego zjazdu historyków polskich w Lublinie, t. I. Warszawa, 1968; е г о ж е. W sprawie sytuacji międzynarodowej Rzeczypospolitej w XVII w. «Kwartalnik Historyczny», 1972, № 3.

¹¹ Z. W ó j c i k. Traktat..., s. 257, 280.

¹² Z. W ó j c i k. Między traktatem..., s. 7.

¹³ И. В. Г а л а к т и о н о в. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века (Андрусовский договор 1667 года). Саратов, 1960, с. 7—8.

¹⁴ Z. W ó j c i k. Niektóre zagadnienia polityki wschodniej... «Rocznik Lubelski», 1962, t. V, s. 24—28; е г о ж е. Między traktatem..., s. 9, 10, 35.

¹⁵ Z. W ó j c i k. Między traktatem..., s. 12.

¹⁶ Z. W ó j c i k. Traktat..., s. 277.

в 1968 г., добавив только, что на Украине «с 1648 года боролись между собой различные ориентации — не только прорусская, пропольская, протатарская, но и прошведская»¹⁷.

С такой оценкой событий на Украине согласиться нельзя, ибо она **при-**нижает значение Переяславской рады 1654 г., ее главное содержание, ее ядро — волеизъявление украинского народа. Трудовой народ Украины никогда не имел ни пропольской, ни протатарской, ни протурецкой ориентации; он имел только прорусскую ориентацию, о которой не раз заявлял задолго до воссоединения с Россией. Свою волю по данному вопросу он недвусмысленно изложил 8 января 1654 г. в Переяславе, единодушно «возоизв: волим под царя восточного, православного!»¹⁸. Эту свою позицию он неоднократно подтверждал и позже, с позором изгоняя или покидая гетманов-изменников.

Пропольская, протатарская, протурецкая и даже прошведская ориентация свойственны были лишь верхушке украинской старшины и шляхты. В этом как раз и состояло принципиальное отличие позиций России и Польши в «соперничестве» на Украине: если Россия в борьбе за Украину использовала тяготение к ней украинского народа, то Польша опиралась в этой борьбе на предателей из верхов казачества и на орды крымских татар. Не меняет по существу этой оценки то обстоятельство, что царь на Украине проводил классово-эгоистическую социальную и административную политику, защищал интересы и укреплял позиции украинской феодальной знати и казацкой старшины. Такая политика царя вызывала отпор народа, вплоть до вооруженных восстаний; позволяла врагам России на время сманивать на свою сторону трудящихся Украины и атаковать решения Переяславской Рады. Убедившись, однако, куда клонится дело, народ покидал изменников и вновь заявлял о своей верности союзу и дружбе с Россией.

Исходя из этого, мы никак не можем принять тезис З. Вуйцика, что к 1657 г. «московское правление уже опротивело украинскому народу» и он вместе с И. Выговским «отчетливо переходит в антирусский лагерь»¹⁹. Мы не можем принять и такое дополнение к правильному в основном тезису, что «Андрусовское перемирие привело к усилению протатарской и протурецкой ориентации в рядах казацкой старшины и шляхты»²⁰, как «влияние этой ориентации отнюдь не ограничивалось только теми общественными кругами», а касалось «всего украинского общества»²¹.

В этом случае крестьяне и мещане Правобережья восторженно бы встречали татарские орды, прибывшие на помощь П. Дорошенко, признавшему вассальную зависимость от султана. В действительности этого не было. Уже на Корсуньской раде «усе кричали, не хотячи подданными быти турчинове», ибо население этой части Украины, поддержав борьбу гетмана с польскими магнатами, отвернулось от изменника, связавшегося с «бусурманами», «прокляло» его и вскоре стало массами переходить на Левобережье²².

На наш взгляд, З. Вуйцик явно путает два разноплановых общественных движения: антикатолическое, антипольское на Правобережье и антифеодальное на левом берегу Днепра, когда говорит, что «неприятнь и враж-

¹⁷ Z. Wójcik. Między traktatem..., s. 11.

¹⁸ Акты ЮЗР, т. 10, СПб., 1878, с. 219; См. «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам». Киев, 1878, с. 36.

¹⁹ Z. Wójcik. Traktat..., s. 25, 33.

²⁰ Z. Wójcik. Między traktatem..., s. 12.

²¹ Ibid., s. 28.

²² Акты ЮЗР, т. 7, СПб., 1872, с. 99, 173, 174; т. 8, 1877, с. 120, 165, 187; т. 9, 1878, с. 586; «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам», с. 103; С. В е л и ч к о. Летопись событий в Юго-западной России в XVII в., т. 2. Киев, 1851, с. 164.

дебность большей части украинского общества обратилась не только против Польши, но также и против другого участника договора, то есть против России», и в качестве доказательства приводит слова запорожцев: «мы знаем только гетмана и не желаем знать боярина»²³. Действительно, народ на правом берегу Днепра не желал возвращаться под власть Речи Посполитой и негодовал по поводу договора в Андрусове. Народную ненависть к шляхетско-католическому гнету и недовольство русско-польским договором пытался использовать П. Дорошенко, чтобы протолкнуть свою идею «самостоятельной» Украины и подданства турецкому султану.

А на Левобережье движение было направлено против растущего феодально-крепостнического гнета, против социальных и административных реформ царя²⁴. Оно родилось задолго до перемирия в Андрусове, а не «чуть-чуть раньше», как пишет З. Вуйцик, и достигло кульминации в 1668 г. И. Брюховецкому удалось на короткий срок использовать это восстание в своих целях и направить гнев народа, особенно казаков Запорожья, против России, исказив до неузнаваемости содержание русско-польских договоров в Андрусове и в Москве²⁵. Однако его решение о подданстве султану и обращение к татарам за помощью не получило одобрения народа и окончательно изолировало гетмана.

Сомнение вызывает и общая оценка характера русско-польской войны середины XVII в., предложенная польским историком. По мнению З. Вуйцика, Польша в этой войне боролась за возвращение «утраченных на востоке земель», а Россия стремилась «оторвать от Речи Посполитой Украину и Белоруссию»²⁶. На страницах его книги боевые действия России против Польши квалифицируются как «интервенция», «агрессия» или по крайней мере как «экспансия». Так, в книге «Между Андрусовским договором и турецкой войной» он пространно рассуждает об «экспансионистском» характере внешней политики России и о «начале русской экспансии на Запад»²⁷. Автор книги обошел молчанием по крайней мере два принципиальных момента: во-первых, Россия, воюя с Польшей, стремилась прежде всего вернуть свои земли, захваченные у нее польско-литовскими феодалами в предшествующее время, и, во-вторых, Россия, вступив в войну с Польшей, поддержала справедливую национально-освободительную войну украинского и белорусского народов. Прогрессивный характер этой внешнеполитической акции России отнюдь не утрачивается от того, что ее вел царь, что цели царизма были классово-ограниченными, а замыслы далеко выходили за рамки объективных последствий войны. Недоумение вызывает и тот факт, что З. Вуйцик, ссылаясь на А. Волкова, связывает с Андрусовским договором «начало раздела Польши» и говорит даже о «русском панславизме XVII века» или, по крайней мере, о его «ростках»²⁸.

Разошлись мы с польским историком и в оценке турецко-татарской проблемы в русско-польских взаимоотношениях накануне и вскоре после Андрусовского договора. З. Вуйцик считает, что польско-татарский союз, заключенный в 1654 г. против России и Украины — «ключевой вопрос всей внешней политики Речи Посполитой», целиком отвечавший ее госу-

²³ Z. Wójsicki. Między traktatem..., s. 12.

²⁴ В. А. Романовский. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967, с. 41—57, 78, 104—107.

²⁵ Акты ЮЗР, т. 7. СПб., 1872, с. 41, 61, 89 и др.

²⁶ Z. Wójsicki. Traktat..., s. 20, 24, 107, 135, 139.

²⁷ Z. Wójsicki. Między traktatem..., s. 20, 28.

²⁸ Ibid., s. 8.

дарственным интересам²⁹, что «привлечение крымского хана как ценного союзника... было всегда реально и выгодно»³⁰ и что, наконец, «при учете всех минусов татарского союза мы не можем, однако, отбрасывать его огромной военной и, прежде всего, политической ценности»³¹.

Действительно, со стороны военной, союз с Крымом дал в распоряжение магнатов Польши орды татар, которые они использовали в борьбе против России, Украины и Швеции. Военная помощь Польше от татар очевидна, хотя и отнюдь не безущербна³². Что же касается «политической ценности» союза, то она весьма проблематична. Напротив, сотрудничество Польши с Крымом, как мы уже отмечали, свидетельствовало о политической близорукости правящих кругов Речи Посполитой³³. Дело в том, что феодалы Польши, стремясь любой ценой восстановить свою власть на Украине, позволяли татарам грабить, разорять и угонять в плен украинский народ и тем самым укрепляли ненависть народа как против татар, так и против самих себя³⁴.

З. Вуйцик умалчивает об этом. В статье «Финансовая сторона польско-татарского союза 1654—1666 годов» он пишет, что стоимость татарского союза равнялась для Польши 2,5 млн злотых, что эта сумма «не была очень велика» и вполне окупилась «татарской политикой»³⁵. Странное резюме. Мы признаем справедливым упрек З. Либшовской в адрес З. Вуйцика, что он не понял паразитического характера Крымского ханства, оказался «снисходительным к татарам Крыма, оправдывая их грабежи экономической необходимостью»³⁶. На самом же деле татары никогда не довольствовались выплатой «поминок» из королевской казны и главный источник «дохода» видели в грабеже населения и захвате «ясыря», то есть в пленении десятков тысяч жителей Украины, которых потом продавали на невольничьих рынках Стамбула.

Политическая близорукость правительства Речи Посполитой в отношениях с Крымом проявилась и в том, что оно, призвав татар на помощь, позволило им выступать в роли арбитров при междоусобных распрях казачьей старшины и назначать в качестве гетманов своих ставленников. Такая политика Речи Посполитой способствовала вызреванию турецко-татарского плана завоевания Украины. Не соглашаясь с этим, З. Вуйцик уверяет, что «пока Речь Посполитая в союзе с Крымом вела войну с Москвой, ни татары, ни турки не смели проталкивать открыто свои захватнические планы в отношении Украины»³⁷. Заявление, прямо скажем, далекое от истины, ибо всем известны многочисленные предложения Мегмет Гирея и Адиль Гирея И. Выговскому, Ю. Хмельницкому, П. Тетере порвать зависимость от царя и короля и принять протекторат Крыма и Турции³⁸. Да и сам З. Вуйцик упоминает об этом³⁹. Можно напомнить также о П. Дорошенко, который был прямым ставленником хана и подданным турецкого султана. С его помощью Мухаммед IV планировал и

²⁹ Z. Wójcik. Traktat..., s. 20—21.

³⁰ Z. Wójcik. Między traktatem..., s. 14.

³¹ Z. Wójcik. Aspekty finansowe przymierza polsko-tatarskiego w latach 1654—1666. В кн. *Naprawę Rzeczypospolitej XVII—XVIII w.* Warszawa, 1965, s. 153.

³² J. Рајевский. *Bunczuk i koncerz...*, s. 105.

³³ И. В. Галактионов. *Из истории...*, с. 37, 66.

³⁴ Акты ЮЗР, т. 6, с. 29, 73; Д. Н. Бантиш-Каменский. *История Малой России*, ч. 2. СПб., 1903, с. 212.

³⁵ Z. Wójcik. Aspekty finansowe..., s. 153.

³⁶ Z. Libiszowska. Рецензия. «Przegląd Historyczny», 1970, z. 2, s. 322.

³⁷ Z. Wójcik. *Historia powszechna XVI—XVII w.* Warszawa, 1968, s. 458.

³⁸ С. М. Соловьев. *История России с древнейших времен*, кн. 6. М., 1961, с. 110; «Памятники, изданные временною комиссиею», т. 3. Киев, 1852, с. 226; т. 4, 1859, с. 155.

³⁹ См. Z. Wójcik. *Rywalizacja...* «Przegląd Historyczny», 1954, № 4, s. 627—629.

пытался осуществить захватнические планы в отношении Украины да и самой Польши еще в 1666 г.⁴⁰

Политику султана на Украине и его взаимоотношения с Речью Посполитой и Россией накануне Андрусовского договора и в первые месяцы после его заключения З. Вуйцик исследует скрупулезно. Его вывод о том, что русско-польское перемирие могло пресечь «агрессивные начинания» Турции, которая в 1666 г. решила «подчинить себе Украину» и «ударить на Польшу» — не подлежит сомнению. Однако не все положения польского историка звучат убедительно. Сомнительна, например, его версия о дворцовом перевороте в Крыму весной 1665 г. как следствия неудачной борьбы хана Мегмет Гирея за независимость, которую якобы проводил «этот тяготевший к самостоятельности выдающийся правитель»⁴¹. Ссора крымского хана и султана в конце 1664 г. из-за погайской орды, перешедшей в турецкое подданство, не приобрела и не могла приобрести того звучания, о котором говорит З. Вуйцик, так как фронду хана против султана не поддержала местная крымская знать, и Порта с ней легко справилась. Больше того, на наш взгляд, З. Вуйцик преувеличивает степень самостоятельности внешней политики Мегмет Гирея и идеализирует его самого. Современники, хорошо знавшие внутреннюю жизнь Крыма, правильно отмечали, что «крымский юрт в воле султана турецкого: ково он хочет, тово на крымском юрте и посадит»⁴². При оценке этих событий в Крыму более прав француз Бонзи, который писал Людовику XIV, что «враждебные действия татар (против Польши. — *И. Г.*) не оставляли сомнения, что они предприняты по приказу Порты, которая сменила хана татар ради одной цели — вести войну против Польши»⁴³.

Словом, дворцовый переворот в Крыму — одно из свидетельств крутого поворота во внешней политике Порты: султан разочаровался в союзе с Польшей и сбросил с престола его приверженца Мегмет Гирея. Новый хан Адиль Гирей должен был вместе с П. Дорошенко атаковать Польшу и одновременно искать мира и дружбы с Россией⁴⁴. Об изменениях во внешней политике свидетельствуют и посольства Адиль Гирея в Москву с предложением дружбы, и миролюбивый жест самого султана в сторону царя⁴⁵. Принимая в Адрианопле стряпчего В. М. Тяпкина, Мухаммед IV заявил, что его дружба с царем «неизменна и никогда не будет нарушена»⁴⁶. Помощник везиря Мустафа паша уверял москвича, что «он де Василей — гость у них милый, для того, что прислан от великого государя с добрым делом» и просил передать в Москве, что «Мегмет салтаново величество братские дружбы и любви с великим государем... желает и чтобы де великий государь изволил о том слать к Магмет салтану турецкому и хану крымскому послов и дары с ними...»⁴⁷. З. Вуйцик не видит этого поворота во внешней политике султана и утверждает, что посольство В. Тяпкина подтвердило враждебные настроения Порты против России⁴⁸.

⁴⁰ «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам», с. 89; ЦГАДА, ф. 89, Сношения России с Турцией. Дела турецкие 1666, д. 1, л. 89; D. Dorošenko, I. Rurka. Hejtman Petr Dorošenko a jeho turecka politika. «Časopis Národního Musea», R. CVII. Praha, 1933, s. 10.

⁴¹ Z. Wójcik. Między traktatem..., s. 13.

⁴² ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Дела крымские 1666, д. 1, л. 5; д. 2, л. 2, 4, 6, 16; 1667, д. 96, л. 284.

⁴³ С. В. О'Brien. Moskovy and the Ukraine..., p. 20.

⁴⁴ D. Dorošenko, I. Rurka. Hejtman Petr Dorošenko..., s. 10.

⁴⁵ ЦГАДА, Дела крымские 1666, д. 6, л. 6, 13, 28; д. 2, л. 22, 48; 1667, д. 1, л. 29; д. 96, л. 63, 328; Дела турецкие 1666, д. 1, л. 89—90.

⁴⁶ ЦГАДА, Дела турецкие 1666, д. 1, л. 44.

⁴⁷ Там же, л. 76, 127, 129.

⁴⁸ Z. Wójcik. Między traktatem..., s. 63.

Не заметил польский историк аналогичного нюанса и в русско-польско-турецких взаимоотношениях весной и летом 1667 г. Отвечая на свой риторический вопрос: «какая черта была наиболее характерной во внешней политике России и Польши на юге накануне встречи их посольских делегаций в Москве?», З. Вуйцик пишет: «Кажется, что рассуждение наше и приведенный материал источников позволяют утверждать, что истощенные многолетней войной, оба андрусовских контрагента, учитывая тяжелую внутреннюю обстановку, главное свое внимание направляли на то, чтобы договор между ними не толкнул их на войну с могущественной Османской Портой или ее вассалами»⁴⁹.

Этот вывод, однако, не соответствует действительности, хотя, конечно, и в Москве и в Варшаве были люди, которых не устраивал русско-польский союз против Крыма и Турции. В Москве к этой группе относились Ю. А. Долгорукий, Б. М. Хитрово, Н. И. Одоевский, а в Варшаве — Я. Собеский и его окружение. Польский исследователь не пожелал, например, заметить того, что в Москве с середины 1667 г. по этому вопросу победило мнение А. Л. Ордина-Нащокина, и русское правительство призвало Польшу активно защищать собственные интересы на юге — разрушить казацко-татарский союз и принудить хана к «союзному» соглашению «с обоими великими государи»⁵⁰.

В Польше же, напротив, сохранялось недоверие к России и отчетливо проявлялось стремление подорвать ее позиции на Украине. Вопреки букве и духу Андрусовского трактата правительство Речи Посполитой пыталось любой ценой восстановить союз с Крымом и Турцией, а военный удар России направить против украинского казачества. Переговоры польских дипломатов в Адрианополе и в Бахчисарае, Подгаецкий договор с казаками и татарами — яркое, но не единственное свидетельство такой политики⁵¹.

В советской историографии оценка русско-польского договора 1667 г. противоречива. По мнению С. В. Бахрушина, Л. А. Никифорова, Е. В. Чистяковой, И. Б. Грекова и Г. А. Санина соглашение в Андрусове — успех России, ее дипломатическая победа, закрепление в юридическом акте военно-политического превосходства над Польшей⁵².

Напротив, Л. В. Олейник, хотя и рассматривает русско-польское перемирие как «суровую необходимость», не считает, однако, договор победой русской дипломатии на том основании, что Россия, во-первых, могла получить в Андрусове больше, чем получила, а, во-вторых, после перемирия «началась патость на Украине»⁵³. Этот тезис о договоре как исходном моменте народного движения на Украине еще раньше высказали Е. И. Стецюк и Е. М. Апанович⁵⁴.

⁴⁹ Ibid., s. 67.

⁵⁰ ЦГАДА. Дела крымские 1667, д. 96, л. 34, 93, 112, 113, 130, 131, 190, 309.

⁵¹ ЦГАДА. Дела польские 1667, д. 9, л. 3; д. 10, л. 2; Г. И. Павлицев. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину, т. 2. СПб., 1878, с. 364; С. В. О'Вриен. *Moskovy and the Ukraine...*, p. 122; L. Hubert. *Zatargi z Turcja w 1667r. i poselstwo H. Radziejowskiego*. «Pamiętniki Historyczne», t. II. Warszawa, 1861.

⁵² «История дипломатии», т. I. М., 1959, с. 296; «История СССР с древнейших времен», т. 3. М., 1967, с. 140—141; И. Галактионов, Е. Чистякова. А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961, с. 98—99; И. Б. Греков. «Вечный» мир 1686 года. Л., 1950, с. 1. Диссертация; Г. А. Санин. Взаимоотношения России и Правобережной Украины на рубеже 60—70-х годов. Автореферат. М., 1970, с. 3, 10.

⁵³ Л. В. Олейник. З історії російсько-українських і польських відносин. «Український історичний журнал», 1963, № 2, с. 65.

⁵⁴ К. І. Стецюк. Народні рухи на Лівобережній Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. Київ, 1960, с. 290; О. М. Апанович. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії (50—70 рр. XVII ст.). Київ, 1961, с. 207.

К числу дипломатических промахов А. Л. Ордина-Нащокина относит договор Т. Н. Копреева, ссылаясь на то, что трактат в Андрусове не разрешил всех русско-польских противоречий, позволял Польше «вмешиваться во внутренние дела России» и оставил, как она думает, Украину «незащищенной от ударов» Польши, Турции и Крыма, хотя «наметил путь для успешной борьбы русского и польского государства с турецкой агрессией»⁵⁵. Политическим идеалом А. Л. Ордина-Нащокина был союз России с Польшей против Швеции, «которая оттеснила русское государство от морских торговых путей, от политического и экономического общения со странами европейского континента»⁵⁶.

О договоре как антишведском документе говорят также В. А. Голобуцкий⁵⁷, С. Фейгина⁵⁸. А. А. Савич в духе украинской националистической историографии прошлого века рассматривает договор как русско-польскую «сделку», в итоге которой Украина была «разделена надвое» и Польше было возвращено то, что Россия «уже имела в своих руках»⁵⁹. С ним солидарны и поддерживают его мнение об Украине, «разорванной надвое» в Андрусове, В. У. Олейник и Б. Ф. Поршнев. При этом первый из них знамя борьбы «за воссоединение Украины» вручил П. Дорошенко и объявил его борьбу за гетманскую власть «кардинальной проблемой того времени, началом и концом всех других проблем»⁶⁰. А второй — связал договор с именем А. Л. Ордина-Нащокина, который якобы выступал во время переговоров в Андрусове «как агент или пособник... панской Польши»⁶¹.

Попробуем разобраться в этих строгих, но порою слишком эмоциональных оценках русско-польского соглашения 1667 г. Прежде всего не вяжется с текстом договора утверждение, что он заключен между Россией и Польшей во имя борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю. Андрусовский трактат не антишведское, а антитурецкое соглашение. В нем нет ни одной статьи, которая бы прямо или косвенно задевала интересы Швеции. Зато есть три статьи (18, 19, 30), которые говорят о русско-польском союзе против хана и султана⁶². Современники и в Москве и в Варшаве именно так понимали содержание договора 1667 г. А. Л. Ордин-Нащокин предлагал даже расширить антитурецкий блок, справедливо считая, что «оборона против бусурман не только тем великим государствам (России и Польше. — И. Г.) имети достойно, но и всем великим государем христианским то дело потребно»⁶³.

Конечно, сам факт примирения, а тем более сближения России и Польши создавал потенциальную угрозу Швеции, которая была их соперницей на Балтике. Угроза была тем реальнее, что балтийский вопрос для Рос-

⁵⁵ Т. Н. К о п р е е в а. Русско-польские отношения во второй половине XVII века (От Андрусовского перемирия 1667 года до «вечного» мира 1686 года). Л., 1952, с. 95, 509. Диссертация; е е ж е. Русско-польские отношения во второй половине XVII века, с. 6, 12, 14. Автореферат.

⁵⁶ Т. Н. К о п р е е в а. Русско-польские отношения..., с. 11.

⁵⁷ В. А. Г о л о б у ц к и й. Запорожское казачество. Киев, 1957, с. 314—315.

⁵⁸ С. Ф е й г и н а. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин. «Исторический журнал», 1941, № 5, с. 48.

⁵⁹ А. А. С а в и ч. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. Уч. зап. МГПИ им. Потемкина, 1947, № 2, вып. 2, с. 137.

⁶⁰ В. У. О л і ї н и к. Про маловідомий історичний художний твір. «Український історичний журнал», 1971, № 8, с. 72.

⁶¹ Б. Ф. П о р ш н е в. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 240—241; И. В. Г а л а к т и о н о в. Освещение внешней политики России и Польши середины XVII века в новой книге Б. Ф. Поршнева. «Советское славяноведение», 1972, № 5, с. 86—88.

⁶² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. I. СПб., 1830, с. 665, 668.

⁶³ ЦГАДА. Дела польские 1668, д. 12, л. 24.

сии второй половины XVII в. не был снят, а лишь отсрочен другими более острыми внешнеполитическими проблемами, в том числе и русско-польской войной. С конца 60-х годов на юге страны резко обострилась турецко-татарская опасность. Она то и не позволила России бороться со Швецией за выход к Балтийскому морю в 70—80-х годах этого века ни дипломатическим, ни военным путем, хотя отношения с северным соседом осложнились в указанный период дважды⁶⁴.

Не можем мы полностью принять и утверждение Т. Н. Копреевой, что «после 1667 года русско-польские отношения продолжали оставаться ведущими в дипломатической жизни обоих государств»⁶⁵. Действительно контакты, дипломатическая переписка и обмен посольствами между Москвой и Варшавой после Андрусова были активными. Зачастую, однако, переговоры между Россией и Польшей в это время носили острый характер и не всегда давали положительные результаты. Договор 1667 г. не снял польской опасности для России, ибо магнаты Речи Посполитой не отказались от притязаний на земли Смоленщины и Левобережной Украины.

Но рассуждать о примате польской проблемы, об угрозе «прямой агрессии», о подготовке магнатами «нового похода» на восток и «вмешательстве» Польши «во внутренние дела России» на основании статей Андрусовского договора⁶⁶ по меньшей мере неточно, так как события не подтверждают такого вывода. Напротив, в послеандрусовский период и для России и для Речи Посполитой ведущей во внешней политике стала турецко-татарская проблема. А достижение соглашения о взаимной помощи в рамках двухстороннего или общеевропейского союза составляло суть дипломатической полемики, несмотря на сопротивление отдельных групп феодалов России и Польши, вопреки очевидному недоверию правящих кругов этих стран друг к другу.

На наш взгляд, нельзя также связывать с договором 1667 г. и раздел Украины «надвое» и обращение гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко в Крым и Турцию за помощью. В исторической литературе давно установлено, что Украина разделилась по Днепру не по злой воле А. Л. Ордина-Нащокина, а в итоге ожесточенной борьбы между Россией и Польшей, и что этому в немалой степени способствовала предательская политика украинской шляхты и казацкой старшины — сторонников И. Выговского, Ю. Хмельницкого, П. Тетери и П. Дорошенко. Андрусовский договор лишь зафиксировал то, что до него сложилось и реально существовало⁶⁷.

Что же касается протурецкой политики П. Дорошенко и восстаний на Украине во второй половине 60-х годов, то эта проблема намного сложнее, чем она представлена в работах Л. В. и В. У. Олейников. Выше мы уже говорили, что характер общественного движения на Украине был неоднородным: на правом берегу Днепра в 1666 г. П. Дорошенко в союзе с татарами развернул ожесточенную борьбу с Польшей, демагогически обещая широким массам народа создать «единую» и «независимую» Украину под протекторатом султана. Для П. Дорошенко русско-польское примирение означало крах его честолюбивых замыслов и толк-

⁶⁴ Г. В. Ф о р с т е н. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700 гг.). «Журнал министерства народного просвещения», 1899, ч. 323, с. 278—279, 308—320.

⁶⁵ Т. Н. К о п р е е в а. Русско-польские отношения..., с. 225.

⁶⁶ Там же, с. 6, 12, 14.

⁶⁷ О. М. А п а н о в и ч. Там же, с. 208; Z. W ó j c i k. Między traktatem..., s. 28; В. О. Э й н г е р т. Дипломатические сношения Московского правительства с Правобережную Малороссией в 1673 г. ЖМНР, 1898, ч. 317, с. 119.

нуло гетмана на сближение с Крымом и Турцией. Именно поэтому он, получив осенью 1665 г. булаву из рук крымского хана, одновременно стал хлопотать в Стамбуле о «покровительстве и защите»⁶⁸.

Враждебность гетмана к русско-польскому соглашению отражала вместе с тем отношение к договору его хозяев — султана и хана, так как Андрусовский трактат мог помешать осуществлению их захватнических планов в Восточной Европе. П. Дорошенко они рассматривали при этом как ударную силу, авангард в борьбе против Речи Посполитой и России. Уже в апреле 1666 г. турецкий везирь писал гетману: «так как вы при посредничестве крымского хана пришли к Порте, то в силу обязанностей к Высокой Порте пойдете вместе с ханом заодно (против Польши.— И. Г.) и свою верность и послушность докажете и проявите»⁶⁹. Обстоятельства, как видим, сложились так, что эгоистические интересы гетмана и внешнеполитические расчеты султана совпали и они избрали Андрусовский трактат в качестве объекта атаки, пытаясь его разрушить ударом по Польше. Спекулируя на естественном стремлении украинского народа к независимости, на его ненависти к польским феодалам, П. Дорошенко удалось поднять народ на борьбу под национальными антипольскими знаменами, в том числе под лозунгом борьбы с Андрусовским договором, который закреплял Правобережье за Речью Посполитой.

А на Левобережье и в Запорожье в это время разгоралась борьба против социальной и административной политики царя и гетмана И. Брюховецкого. Эта борьба, как мы знаем, началась задолго до Андрусовского перемирия и достигла своей кульминации через год после его заключения в восстании 1668 г. Характер и причины этой борьбы обстоятельно исследовали украинские историки В. А. Романовский, Н. И. Марченко, Е. И. Стецюк и Е. М. Апанович⁷⁰, с выводами которых об антифеодальном характере этого движения нельзя не согласиться. Нам бы хотелось обратить внимание лишь на одну деталь: начиная с Переяславского восстания 1666 г., вплоть до восстания 1668 г. в событиях на Левобережной Украине отчетливо видны провокационные действия турецко-татарской агентуры и прежде всего П. Дорошенко⁷¹.

Гетман Правобережья и его агенты пытались использовать промахи в политике русского правительства на Украине, чтобы дискредитировать решение Переяславской Рады и поколебать дружбу русского и украинского народов. В ход были пущены клевета, убийства, провокации, демагогия и шантаж, рассчитанные на подрыв позиций России на Левобережье. П. Дорошенко удалось спровоцировать выступление И. Брюховецкого против России, но достиг он немногого, хотя и провозгласил себя в 1668 г. гетманом всей Украины. Запорожье и Левобережье уже в следующем году отвергли его протурецкую ориентацию и вновь поддержали Москву⁷².

Следовательно, чтобы правильно оценить украинские аспекты Андрусовского трактата, надо принять во внимание различный характер движения народных масс на правом и левом берегах Днепра накануне и вскоре после русско-польского перемирия. Именно это позволяет нам сделать

⁶⁸ «Летопись Самовидца...», с. 89; ЦГАДА. Дела турецкие 1666, д. 1, л. 89; О. М. Апанович. Там же, с. 222, 229.

⁶⁹ D. Dorošenko, I. Rurka. Hejtman Petr Dorošenko a jeho turecka politika. «Casopis Narodního Musea», R. CVII. Praha, 1933, s. 10.

⁷⁰ В. А. Романовский. Перепись населения..., с. 102—121; М. Марченко. Повстання в Переяславському полку... «Вісник Київського університету», 1959, № 2, с. 99—110; К. Стецюк. Народні рухи..., с. 270—283; О. М. Апанович. Там же, с. 190—200.

⁷¹ ЦГАДА. Книги крымского двора, д. 44, л. 3, 28; Акты ЮЗР, т. 6, с. 116—187, 200; ЦГАДА. Дела крымские 1666, д. 2, л. 33.

⁷² Акты ЮЗР, т. 7, с. 174, т. 8, с. 6; т. 9, с. 70.

вывод, что не договор сам по себе явился первопричиной этого движения; оно вытекало на Правобережье из традиций национально-освободительной борьбы украинского народа против шляхетско-католического гнета, а на левом берегу Днепра — из недовольства народа социальной и административной политикой царя. Андрусовский договор в этом случае послужил лишь поводом для усиления антипольской и антирусской агитации на Украине, которую вел П. Дорошенко и которую поддерживал крымский хан ⁷³.

Вот почему мы никак не можем согласиться с утверждением В. У. Олейника, который пишет, что союз гетмана с татарами был «естественным» ответом на русско-польский договор, что это «единственный» шаг, вынужденный «трагической необходимостью» ⁷⁴. Вопреки фактам В. У. Олейкин считает, что П. Дорошенко, став гетманом, «не спешит обращаться за помощью к туркам», и с большим апломбом исправляет точную дату (1666) признания гетманом вассальной зависимости от султана, данную В. А. Голобуцким ⁷⁵, на 1669 год. Это — прямая идеализация П. Дорошенко и всей его внешней политики, направленной якобы не на борьбу за власть над всей Украиной ⁷⁶, а на защиту «национальных интересов украинского народа» ⁷⁷.

Итак, Андрусовский договор 1667 г. стал для России и Польши своего рода гранью. Он знаменовал собой прекращение магнатско-шляхетской экспансии на восток и заметное ослабление роли Речи Посполитой на международной арене. Одновременно он демонстрировал возросшую мощь России и ее роль ведущей силы в политической жизни Восточной Европы.

Договор по своей сути был компромиссом между этими странами. Россия не имела сил, чтобы решить проблему воссоединения всей Украины и Белоруссии, а Польша не смогла силой оружия восстановить довоенные границы и отдала России земли Смоленщины, Северщины и Левобережной Украины. Договор, следовательно, закреплял раздел Украины, сложившийся к 1663 г. в ходе русско-польской войны и в результате предательства частью украинской шляхты и старшины заветов Б. Хмельницкого. Этим самым он дал дополнительный повод к развертыванию антирусской и антипольской агитации среди украинского народа, которая слилась воедино с широким социальным движением, охватившем Левобережье, и национально-освободительным, антипольским движением на правом берегу Днепра.

Ярым противником договора был чигиринский гетман П. Дорошенко — крупный феодал, политический интриган и демагог, ставленник турецкого султана и крымского хана. Предав национальные интересы народа, он пытался создать для себя «самостоятельную» Украину, сделав ставку на султана. Турция и Крым охотно поддерживали его иллюзорные планы, так как видели в русско-польском сближении серьезную для себя опасность. Все это привело к созданию в середине 60-х годов XVII в. на юго-востоке Европы агрессивного блока, поставившего целью поссорить Россию и Польшу и отобрать у них Украину.

Недальновидная, классово-ограниченная политика польских магнатов создала условия для вызревания этих планов. Накануне русско-польского перемирия и в первые месяцы после Андрусова казаки П. Дорошенко в союзе с татарами, демонстрируя миролюбие в отношениях с Мо-

⁷³ ЦГАДА. Книги польского двора, д. 116, л. 13; Акты ЮЗР, т. 6, с. 183, 192, 194, 200, 202, 211.

⁷⁴ В. У. Олейник. Там же, с. 74.

⁷⁵ В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество, Киев, 1957, с. 312.

⁷⁶ О. М. Апанович. Там же, с. 197, 223, 224.

⁷⁷ В. У. Олейник. Там же, с. 74.

сквой, открыто атакуют Речь Посполитую. В Москве боярская партия поверила миролюбивым жестам Турции и Крыма и пыталась смягчить анти-турецкое звучание Андрусовского договора. Глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин также пытался мирным путем расколоть казацко-татарский блок и остановить турецкую агрессию, призывая соседние страны Европы к миру и сплочению против султана. С середины 1667 г., когда враждебные замыслы султана и крымского хана на Украине стали очевидными, Москва твердо стала на позицию совместного русско-польского выступления и совместной защиты своих интересов на юге.

Однако в Польше события разворачивались в ином плане. Хотя сейм весной 1667 г. и утвердил русско-польский договор, недоверие и вражда к России в правящих кругах Речи Посполитой сохранились. Часть магнатов Коронной Польши верила в «дружбу» с ханом и пыталась любой ценой ее восстановить. Она старалась подорвать позиции России на Украине, столкнуть русскую армию с казачеством и втянуть Москву в войну с Крымом и Турцией при невыгодных для нее условиях.

Андрусовский договор, как известно, имел широкий европейский резонанс: кроме России, Польши, Крыма и Турции его содержание касалось Швеции, Австрии, Бранденбурга и Франции. Русско-польское перемирие вызвало недоверие шведского короля Карла XI, так как открывало перед Россией возможность возобновления борьбы за Балтику. Однако внутренние события в стране и внешнеполитическая обстановка помешали тогда А. Л. Ордину-Нащокину осуществить план дипломатического давления на скандинавского соседа. Усилившаяся в 70—80-х годах XVII в. турецкая опасность вновь сняла с повестки дня российской внешней политики балтийскую проблему.

Австрийская империя рассматривала примирение своих восточных соседей как факт для себя положительный, так как они могли стать потенциальным резервом Леопольда I в войне с султаном. Напротив, для Франции Андрусовское соглашение было невыгодно, так как создавало угрозу ее северному партнеру — Швеции. Кроме того, негативное отношение Людовика XIV, Карла XI и курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма к русско-польскому договору объяснялось династической проблемой — слухами о борьбе России за польский королевский престол.

М. М. КУЧИНКО

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ПОБУЖЬЯ В СВЕТЕ ЛЕТОПИСНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В эпоху средневековья на землях, расположенных в бассейне Западного Буга, существовало немало городов, которые были средоточием ремесла, торговли, являлись политико-административными и культурными центрами. Они часто упоминаются в древнерусских летописях в связи с различными историческими событиями и неслучайно издавна привлекают внимание историков-медиевистов. Большой интерес исследователей к этой территории и, конечно, к городам, объясняется тем, что они находились на стыке двух больших этнических общностей — восточнославянской и западнославянской — и на пограничье раннефеодальных государств — Киевской Руси и Польши, между которыми существовали постоянные связи, оставившие глубокий след в истории и культуре местного населения. Здесь нет необходимости касаться политических отношений между Русью и Польшей, которые непосредственно затрагивали и данную территорию, так как этот вопрос достаточно полно освещен как в советской¹, так и в польской² историографии. Рассмотрим кратко летописные и, более подробно, археологические источники, позволяющие осветить экономику, материальную и духовную культуру, этническую принадлежность населения рассматриваемых городов, его связи с соседями.

Из довольно многочисленных городов Побужья X—XIII вв. охарактеризуем только те, на территории которых проводились археологические раскопки. В статье они рассматриваются в хронологической последовательности в зависимости от их первого упоминания в летописи.

Среди средневековых городов Западного Побужья большое значение имел Червен, первая запись о котором в Ипатьевской летописи относится к 981 г. в связи с походом киевского князя Владимира Святославича на западные земли, когда он «... зая грады Перемышль, Червен и ины городы иде суть и до сего дне под Русью»³. Вопрос о локализации древнего Червена долгое время был дискуссионным. Одни исследователи (С. Закшевский, В. Кентшинский) отождествляли его с Червоноградом на Днестре, возле Залещиков, другие (И. Натансон-Леский) считали, что он находился возле с. Чернеева вблизи Холма, а третьи (М. И. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, С. Кучинский) локализовали его в с. Чермно над Бугом. Археологические исследования, начатые в 50-х годах XX в. подтвердили последнее предположение. Городище летописного Червена находится над р. Гучвой, впадающей в Западный Буг, окружено земляным валом высотой до

¹ В. Д. Королук. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.

² B. Włodarski. Polska i Ruś 1194—1340. Warszawa, 1966.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. II. М., 1962, стлб. 69.

5 м. Детинец овальной формы расположен на возвышенности в урочище Большое Замчище. Археологами найдено там несколько полуземляночных жилищ и хозяйственных ям-погребов, значительное количество фрагментов гончарных горшков, сковородок и амфор. Среди других находок следует упомянуть железные рыболовные крючки, ножи, цилиндрические замки, наконечники стрел и фрагменты кольчуги. Изделия из камня представлены точильными брусками, шиферными пряслицами и нателным крестиком. Найдены также бронзовые лировидные пряжки, серьги минского типа, фрагмент плетеного браслета, серебряный перстень со щитком, довольно много стеклянных разноцветных бус, браслетов и бронзовый крест-энколпион⁴. Материал позволяет датировать город X—XIII вв., что не противоречит и письменным сообщениям.

Одним из древнейших и, пожалуй, наиболее важных городов был Владимир-Волынский, первое летописное упоминание о котором относится к 988 г. Под этим годом сделана запись о передаче города киевским князем Владимиром Святославичем в удел своему сыну Всеволоду⁵. Конечно, сам факт передачи этого города великим киевским князем сыну Всеволоду в 988 г. может быть поставлен под сомнение, так как в этой же записи говорится и о выделении городов Борису и Глебу — сыновьям от византийской принцессы Анны, на которой Владимир Святославич лишь в 988 г. женился. По-видимому, исходя из этого, автор исследования о древнерусских городах М. Н. Тихомиров считает, что первое достоверное упоминание Владимира-Волынского в летописи относится к 1044 г.⁶. Действительно, разбивка событий по годам в Ипатьевской летописи не всегда точна. На этот факт уже обращали внимание историки. И все же возникновение Владимира в X в. можно считать достоверным. Об этом свидетельствуют как археологические материалы, так и изученная нами в 1975 г. стратиграфия на детинце. Она показывает, что наиболее ранний слой относится к X в. Древний Владимир находился на правом берегу р. Луг при впадении в нее р. Смочи и состоял из детинца и окольного города. Детинец, занимавший высокую четырехугольную площадку размером 100 × 150 м, был обнесен мощным земляным валом. Центральный въезд на городище находился в северной части оборонительного вала. По-видимому, небольшой проход на городище был также в его южной части. Это можно предположить, наблюдая значительное понижение вала на одном участке. Быть может, это и есть те двое ворот, которые известны по летописи под названием Киевских и Гридшинных. За валом был глубокий ров, остатки которого четко прослеживаются и ныне. Другая линия оборонительных укреплений Владимира окружала окольный город, длина которого вдоль реки Луг была свыше 1 км, а ширина — 800 м. В целом линия укреплений охватывала город сплошным полукругом и не имела разрыва. Только в северо-восточной части города эта линия пересекала болотистую пойму р. Смочи и здесь, возможно, валов и рвов не было.

Археологические исследования доказали, что стольный Владимир был большим городом. Здесь найдены остатки восьми древнерусских храмов. Среди них наиболее интересным является Успенский собор, построенный князем Мстиславом на рубеже 50—60-х годов XII в. Храм после перестройки в XIX в. сохранился до наших дней. Интересным архитектурным сооружением был храм, остатки которого под названием «Старая кафедра» находятся в с. Федоровка на окраине города. Раскопки его проводились в прошлом столетии. Повторно храм раскапывался в 1975 г.

⁴ K. J a z d ż e w s k i. *Ogólne wiadomości o Czermnie — Czerwieniu*. «ArcheologiaPolski», т. IV, з. 1. 1959, s. 56—91.

⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 105.

⁶ М. Н. Т и х о м и р о в. *Древнерусские города*. М., 1956, с. 35.

П. А. Раппопорт. Судя по всему, его можно отнести к XI—XII вв.⁷ Здесь найдены майоликовые плитки, плинфа, захоронения и другой материал. Особо следует отметить найденный здесь нами в 1973 г. бронзовый нательный крест-энколпион местной работы, на котором помимо изображений святых, имеются надписи: на одной стороне «Борис», а на другой — «Глеб»⁸. Интересен храм, открытый М. К. Каргером вблизи Васильевской церкви на ул. Советской. Он был шестистолпный, трехнефный. Здесь обнаружена плинфа, майоликовые плитки, которыми украшался пол, куски фресковой росписи и другой материал, датируемый XII—XIII вв.

Проводились раскопки и в урочище Михайловщина, где была открыта ротонда, датированная серединой XIII в.⁹ Она свидетельствует о несомненных связях волынского зодчества XIII в. с архитектурой соседних западнославянских стран и, в частности, Польши. Аналогичные ротонды обнаружены в Кракове на Вавеле, на острове Ледницком и в Гьече¹⁰. Открыты также жилища, производственные и хозяйственные сооружения. Найдены керамические изделия, железные ножи и ножницы, цилиндрические замки и ключи к ним, боевые топоры, наконечники копий и стрел, мечи, кольчуги, шпory. Из украшений — серебряные височные кольца, серьги, перстни, стеклянные браслеты и бусы, бронзовые и каменные нательные крестики и др. Весь комплекс позволяет датировать город в рамках X—XIII вв.

Под 1018 г. в Ипатьевской летописи сделана первая запись о граде Волыне, возле которого произошла битва между войсками Ярослава Мудрого и польского князя Болеслава Храброго, пытавшегося захватить киевский престол для своего зятя Святополка: «Ярослав же множество совокупирси, варяг и словены поиде противу Болеславу и Святополку и прииде к Волянью и стаща обашол реки Буга»¹¹. Как показали археологические раскопки, он находился на месте современного с. Грудек Надбужный Грубешовского повята при впадении р. Гучвы в Западный Буг. Детинец древнего Волыня расположен в урочище Замчиско размером 70×80 м, к которому примыкает окольный город, укрепленный деревянно-земляным валом. На городище открыто несколько прямоугольных полуземлянок с глиняными печами и значительный вещевой материал, представленный главным образом, керамикой. Найдены также железный меч, топор, фрагмент кольчуги, ножи, трубчатые замки, пряслица из розового шифера, бронзовые и серебряные височные кольца, перстни, стеклянные браслеты, бусы и др. На детинце обнаружен могильник с захоронениями в гробах, ориентированными головами на запад. Инвентарь погребений состоял из серебряных полутораоборотных и эсвидных височных колец, сережек киевского и минского типов, бронзовых перстней и керамики. В целом материал датируется IX—XIII/XIV вв.¹²

Важную роль на изучаемой территории играл город Берестье, впервые упомянутый в летописи под 1019 г. в связи с бегством Святополка Окаян-

⁷ П. А. Раппопорт. Раскопки церкви «Старая кафедра» во Владимире-Волынском. Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 385.

⁸ М. М. Кучинко. Исследования в Черновицкой и Волынской областях. Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 311—312.

⁹ М. К. Каргер. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском. Уч. зап. ЛГУ, вып. 29, Л., 1958, с. 25—26, рис. 9.

¹⁰ A. Z a k i. Wczesnopiastowskie budowle Przemyśla i problem ich konserwacji. Ochrona zabytków, t. XIV, z. 1—2. Warszawa, 1961.

¹¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 130.

¹² Z. Rajewski. Sprawozdanie z badań na grodach czerwieńskich. Sprawozdania Archeologiczne, t. II, 1956, s. 49—53; L. R a u h u t. Sredniowieczne cmentarzysko-szkieletowe na stan. 1—A w Gródku Nadbuznym. Sprawozdania Archeologiczne, t. II, 1956, s. 78—81.

ного в Польшу после разгрома его войска Ярославом Мудрым¹³. Центральная часть города — детинец был расположен на мысе между Бугом и Муховцем. К нему примыкал окольный город. Здесь обнаружено несколько десятков наземных жилых и хозяйственных построек, а также керамика, деревянные остатки ткацкого станка, лопатки, ложки, железные топоры, тесла, ножи, пружинные ножницы, стеклянные браслеты и бусы, фибулы балтского типа и другие вещи, которые могут быть отнесены к X—XIII/XIV вв.¹⁴

На левом берегу Западного Буга находился летописный Белз, первое упоминание о котором под 1030 г. очень кратко: «В лето 6538 Ярослав възя Белз»¹⁵. Остатки древнего города обнаружены в урочище Замочек. С южной стороны он был защищен рекой Солокией, с северной — старицей этой же реки и укреплен по периметру валом. С восточной стороны к детинцу примыкал окольный город, а въезд находился с северо-востока. Исследования, проводившиеся здесь в 30-х годах и в настоящее время¹⁶, позволили открыть ряд жилищно-хозяйственных сооружений, керамику, шиферные пряслица, меч, боевой топор, шпоры, ножи, бронзовые височные кольца и серьги минского типа, нательный крест-энколпион, свинцовые печати и другой материал, позволяющий датировать город X—XIII вв.

В 1097 г. в связи с княжескими междоусобицами впервые названы в летописи Бугск (Бужеск) и Всеволож¹⁷, которые были важными городами Волынской земли. Первый находился в междуречье Буга и Полтвы и был защищен валом высотой около 4 м и рвом длиной 440 м. Всеволож располагался на правом берегу Буга возле современного села Старгород и занимал площадку размером 150 × 100 м, укрепленную валом и рвом. По-видимому, город был основан сыном киевского князя Владимира Святославича Всеволодом, княжившим на Волыни в конце X в. Археологический материал позволяет датировать оба города в рамках X—XIII вв.

Большой интерес представляет городище древнерусской крепости Сутейска, расположенного у слияния рек Вепр и Пор возле с. Сонсядка повята Замость. В русской летописи он впервые упомянут в 1097 г., когда был захвачен князем Давидом Игоревичем: «Давид заем Сутейску и Червен»¹⁸. Город был построен в 30-х годах XI в. на русско-польском пограничье Ярославом Мудрым. Детинец прямоугольной формы был окружен валом высотой свыше шести метров и рвом с юго-восточной стороны. Въездов было два — с востока и с запада. С северной стороны к детинцу примыкал окольный ремесленный посад, защищенный с востока валом и рвом, с запада крутыми спусками, а с севера — болотистой низменностью р. Пор. С южной и западной сторон проходил дополнительный вал.

На городище польской исследовательницей З. Вартоловской¹⁹ открыты полуземляночные жилища столбовой конструкции с круглыми глиняными печами, хозяйственные постройки, зерновые ямы, колодец глубиной 16 м, фрагменты глиняных горшков и сковородок, железное тесло, острога, несколько ножей, шиферные пряслица и др. Значительная часть находок — военного назначения. Это железные мечи, боевые топоры, наконечник копья, умбон со щита, шпоры, стремяна и др. Большой интерес представляют находки пяти оловянных печатей волынского князя Давида Игоревича.

¹³ ПСРЛ, т. II, стлб. 132.

¹⁴ П. Ф. Лысенко. Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 153—160.

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 137.

¹⁶ Фонды Института общественных наук АН УССР; В. М. Патегрич. Раскопки в древнем Белзе. Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 337—338.

¹⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 231, 241.

¹⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 246.

¹⁹ Z. W a r t o ł o w s k a. Gród Czerwieński Sutejsk na pograniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958.

вича (рубеж XI—XII в.) с надписью на греческом языке «Господи помоги рабу твоему Давиду, архонту Руси». В целом городище датируется XI—XIII вв. Чрезвычайно большую роль в польско-русских отношениях в средневековье играл Дорогичин над Бугом. Первое упоминание о городе в Ипатьевской летописи относится к 1142 г.²⁰ Здесь в 1255 г. галицко-волинский князь Даниил Романович получил из Рима корону и титул короля «прия от бога венец в городе Дорогичине»²¹. Древний Дорогичин, расположенный на правом берегу Западного Буга на Замковой горе, был укреплен валом и рвом. Широкие раскопки на городищах проводились польским археологом К. Мусянович²². Было открыто 14 наземных жилищ с глиняными куполообразными печами и несколько полуземлянок. Некоторые из них были одновременно мастерскими, о чем свидетельствуют найденные в них глиняные сопла для нагнетания в печи воздуха, куски крицы и железного шлака. Вне жилищ обнаружено несколько печей и очагов. Открыто также значительное количество зерновых ям грушевидной формы и одно наземное длинное сооружение, вероятно, склад для товаров.

В процессе раскопок на городище выявлено большое количество разнообразных материалов. Это горшки, миски, сковородки, бокалы, чашки и амфоры. Из глины изготовлены также поливные погребушки, писанки, фигурки воинов. Найденны железные ножи, пружинные ножницы, трубчатые цилиндрические замки, ключик к ним, рукоять меча, шпоры и наконечники стрел разных типов. Изделия из камня и кости представлены шиферными пряслицами, точильными брусками, жерновами, разнообразными гребнями и рукоятью боевого ножа с надписью кириллицей такого содержания: «Ежиков нож, а иже его украдет проклят бом». Интересны украшения: бронзовые стеклянные браслеты и перстни, трехбусинные серьги, височные кольца, лировидные пряжки, фибулы, бусы и другие. Найдено также несколько тысяч оловянных пломб, которые представляют особый интерес, ибо свидетельствуют о связях этого города как с центральными городами Руси, так и Польши, Германии и других стран. В совокупности материал позволяет датировать город XI—XIII вв.

Важным городом Побужья был Холм, столица одноименной земли и Галицко-Волинского княжества. Этот город играл большую роль в XIII—XIV вв. Он заслуживает более пристального внимания еще и потому, что в его истории имеется много неясного, в частности, неясно пока время возникновения города. В Галицко-Волинской летописи рассказ об основании Холма записан под 1259 г. в связи с описанием пожара. Трудно, однако, согласиться с тем, что он был основан после татаро-монгольского нашествия. По-видимому, на месте Холма раньше существовало открытого типа неукрепленное поселение, на котором жили восточные славяне. Позже это поселение переросло в городище. Об этом свидетельствуют деревянные конструкции в валах и керамика XI в., найденная здесь археологами.

Очень возможно, что в XI в. на Высокой горке существовала крепость из глины и дерева, со временем разрушенная, название которой, однако, сохранилось в памяти местных жителей. В связи с этим интересной является запись в летописи о встрече Даниила Романовича с местными жителями. Князь спросил их: «Како именуется место се?» и получил ответ: «Холм ему имя есть»²³. Итак, местные жители называли Холмом какое-то поселение, существовавшее здесь раньше. Это подтверждается такими со-

²⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 310.

²¹ Там же, стлб. 827.

²² K. M u s i a n o w i c z. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu. Materiały Wczesnosredniowieczne, t. VI. Warszawa, 1969, s. 7—237.

²³ ПСРЛ, т. II, стлб. 842.

ображениями. Летописец часто употребляет термин «созда», причем даже в том случае, когда имеется в виду обновление. Так, под 1259 г. говорится об основании Холма и одновременно Угровеска. Но ведь последний существовал уже в 1204 г.²⁴ и, следовательно, в 1259 г. он мог быть только укреплен новыми валами, а не вновь построен. Точно так же летописец говорит и о Холме. Под 1223 г. сказано: «Даниил созда град именем Холм»²⁵, а под 1235 г.: «Кондратови ставшу, где ныне град Холм стоит»²⁶. Выходит, что города Холма тогда еще не было. Но, очевидно, этого нельзя утверждать, потому что в летописи под тем же 1235 г. рассказ продолжается так: «Прииде вестъ Даниилу, в Холме будучи ему, яко Ростислав шел есть на Литву»²⁷. Выходит, что в 1235 г. Холм существовал и в нем княжил Даниил. Под 1240 г. записано: «Ростислав Володимиричъ приидет к Даниилу в Холм»²⁸, под 1243 г.: «Даниилу же будущу в Холме... Даниил же затвори Холм»²⁹, а под 1248 г. сказано: «еще бо Холму не поставлену бывшу Даниилом»³⁰. Из всего вышеизложенного следует, что Холм существовал и раньше, но в нем не было оборонительных укреплений, по крайней мере, до 1243 г., когда его уже можно было «затворить» перед татарами. Итак, Даниил «созда» город на возвышенности, где согласно преданию было когда-то поселение, а может быть, и земляная крепость. Таким образом, анализируя летопись, можно предположить, что княжеский Холм строился приблизительно с 1223 по 1243 г. Сначала Даниил возвел небольшое укрепление, «градец мал», а потом построил «град иный, его же татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Русскую пойма»³¹. Посреди города была построена деревянная башня на каменном фундаменте. Она была покрашена известью, «убелена яко сыр, светящися на всеи стороны»³², а возле нее выкопан глубокий колодец. Желая превратить Холм в большой город, «Данило нача призывати приходеи немци и русь, иноязычници и ляхи. Идяху день и во день и уноты и мастера всяции бежаху ис татар, седельници, и лучници, и тульници и кузнеци железу, и меди, и серебру; и бе жизнь, и наполниша дворы окрест, поле и села»³³.

Детинец летописного Холма находился в центре современного города на «Высокой горке» и занимал площадку размером 60×40 м. Он был укреплен валом и рвом. К нему примыкал окольный город. Археологи открыли на городище фундаменты каменного дворца длиной 22,5 м, при толщине стен 2 м. Обнаружены также фундаменты стен церкви св. Ивана и башни, описанных в летописи. Найдено значительное количество обломков баз, архивольтов, косяков порталов и др. Во время раскопок валов обнаружены внутренние деревянные конструкции, найдена керамика XI—XIII вв., серебряные эсоконечные височные кольца и кольца скрученные в полтора оборота, перстни, стеклянные бусы, браслеты и другие изделия.

На территории названных городов археологами обнаружено значительное количество объектов и многочисленный вещевой материал, позволяющий охарактеризовать экономику, общественный строй, духовную культуру населения, его этническую принадлежность и связи с соседями. Найденные орудия труда, остатки злаков в Грудке Надбужном, Дороги-

²⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 721.

²⁵ Там же, стлб. 740.

²⁶ Там же, стлб. 775.

²⁷ Там же, стлб. 777.

²⁸ Там же, стлб. 788—789.

²⁹ Там же, стлб. 794.

³⁰ Там же, стлб. 799.

³¹ Там же, стлб. 843.

³² Там же, стлб. 844.

³³ Там же, стлб. 843.

чине, Владимире и др. говорят о наличии там земледелия. Однако основным занятием горожан было ремесло и торговля.

Четко выделяются металлообработка, ювелирное дело, гончарство, обработка дерева, камня и кости, прядение и ткачество. О металлообработке свидетельствует прежде всего открытие железоплавильных горнов в Дорогичине, а также наличие железного шлака и крицы во Владимире-Волынском, находимые во всех городах изделия из железа. Ювелирное ремесло представлено найденными матрицами для отливки энколпинов во Владимире-Волынском, кусками олова, меди и бронзы в Холме, Дорогичине и др. Значительно больше свидетельств о развитии местного ювелирного дела дают самые изделия из цветных металлов.

Во всех названных городах, естественно, развитым было гончарство, о чем свидетельствует большое количество керамических изделий. О развитии прядения и ткачества говорят повсеместные находки шиферных пряслиц для веретен, деревянных частей ткацкого станка в Бресте и остатки тканей в Дорогичине и Бресте. То же можно сказать и об обработке камня, дерева и кости. Во всех городах Побужья они представлены очень выразительно.

Большую роль в развитии городов Побужья играла торговля, возникшая в процессе накопления излишков продукции, «которая, — как отмечал К. Маркс, — не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости... находится вне круга первых необходимых потребностей»³⁴. Естественно, велась оживленная торговля с соседними городами. О торговле городов Побужья с Киевом свидетельствуют находки амфор для вина, стеклянных браслетов, серебряных и золотых украшений в Белзе, Волыне, Владимире, Дорогичине и др. Особенно важную роль в торговле между Киевской Русью и ее западными соседями играл Дорогичин, где найдено несколько тысяч свинцовых и оловянных пломб, которыми опечатывались товары. Знаки свидетельствуют, что около 25% товаров принадлежало киевскому князю Всеволоду Ярославичу (1078—1083) и черниговским князьям Олегу Святославичу (умер 1115 г.) и Всеволоду Олеговичу (1139—1146). Видимо, эти князья вели особенно активную торговлю с Польшей и западноевропейскими странами. 75% знаков на пломбах можно связать с боярами и купцами, которые вели как оптовую, так и розничную торговлю с Польшей. Значительная часть пломб имеет знаки и надписи латинскими буквами. Поэтому можно сделать вывод о торговле Центральной и Западной Европы с Русью. Значение Дорогичина как международного торгового центра подчеркивается находкой на его территории пластинки с изображением герба Венецианской республики — крылатого льва. На существование торговых связей с северо-западной Европой указывают находки женских шумящих подвесок ятвязского происхождения в Дорогичине, фибул балтского типа в Бресте и Дорогичине, эсовидных височных колец западнославянского происхождения в Дорогичине, Волыне, Чермне, Холме и некоторых соседних поселениях. Надо подчеркнуть, что через эту территорию проходил торговый путь, соединявший Русь с Польшей. Именно на этом пути находились города Берестье, Дорогичин, Червен и др., которые в силу своего местоположения приобрели также большое военно-стратегическое значение.

Будучи центрами экономики на землях Побужья и играя значительную роль в экономических связях Руси с Польшей и другими землями, средневековые города этой территории вместе с тем являлись очагами культуры. Развитой была архитектура, о чем свидетельствуют остатки гражданских и культовых сооружений во Владимире-Волынском, Холме

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 109.

и других городах. Постройки украшались декоративной резьбой по камню и мелкой пластикой, о чем говорят находки в Белзе, Владимире, Дорогичине, Холме и Сутейске: каменные детали украшений храмов, глиняных фигурок воинов, игрушек и др.

О значительном культурном уровне городского населения Побужья свидетельствуют памятники письменности и литературы: надписи на уже упомянутой рукояти ножа из Дорогичина, на свинцовых печатях Давида Игоревича из Сутейска, а также на камнях из Холма, на крестике-энколпионе и амфоре из Владимира-Волынского.

Эти находки свидетельствуют, что грамотность в средневековых городах Побужья была явлением не парадным, а общераспространенным. Историк В. Н. Татищев, основываясь на показаниях, очевидно, не дошедших до нас источников, писал, что во Владимире-Волынском уже в конце X в. существовала школа при епархии, где воспитывались проводники русской грамотности и что эту школу посетил летописец Нестор «смотрение ради училищ и наставления учителей»³⁵.

На исследуемой территории в X—XIV вв. развитой была литература. Во Владимире и Холме переписывались церковные книги и составлялись летописи. До нас дошло рукописное «Галицкое Евангелие поповича Евсевия», написанное в Холме в 1283 г. и «Холмское Евангелие» (XIII—XIV вв.)³⁶. Расцвет литературы падает на время княжения во Владимире-Волынском Владимира Васильковича (XIII в.), которого летописец называет философом и книжником. Князь лично переписал несколько «апостолов» и Евангелие. В 70—80-х годах XIII в. была составлена Галицко-Волынская летопись, по-видимому, кем-то из окружения Владимира Васильковича. Надо сказать, что значительный уровень культуры местного населения был обусловлен его успехами в трудовой деятельности.

Одним из сложных и наиболее запутанных является вопрос об этнической восточнославянской или же западнославянской принадлежности местного населения. Этот вопрос раньше решался исключительно на базе скурых письменных сообщений средневековых авторов, которые к тому же разными исследователями интерпретировались по-разному, часто тенденциозно. Только благодаря накоплению археологических материалов, являющихся наиболее объективной базой для исследований, удалось решить этот вопрос. Анализ и сравнение местных материалов с материалами из глубинных районов Руси и Польши позволил нам прийти к выводу, что абсолютное большинство из них связывается с древнерусской культурой, а отсюда явствует, что и основное население здесь было восточнославянским, древнерусским³⁷.

Вместе с тем, на территории рассмотренных городов обнаружены памятники, которые связаны со старопольской культурой и являются свидетельством контактов между двумя славянскими народами. Это, прежде всего, упомянутые уже раньше остатки круглых храмов — ротонд, обнаруженных во Владимире-Волынском. Затем — глиняные сосуды с цилиндрической шейкой, найденные в Дорогичине, Волыне и Червене. По определению польского археолога К. Мусянович, эти горшки принад-

³⁵ В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 115.

³⁶ Г. А. Нудьга. Література XI—XIII ст. Торжество історичної справедливості, Львів, 1968, с. 63.

³⁷ Детальнее об этом см. М. М. Кучинко. Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. Исследования по истории славянских и балканских народов, эпоха средневековья. М., 1972, с. 78—91; е го ж е. Південнозахідні межі розселення східних слов'ян у IX—XIII ст. Український історичний журнал, 1973, № 9, с. 98—105; е го ж е. Про племінну належність ранньосередньовічного населення Побужжя і Посання. «Археологія», 1975, вип. 16, с. 77—82.

лежат мазовшанам³⁸. Западнославянского происхождения являются чаши на высокой полой ножке, найденные в Дорогичине, аналогии которым известны только из центральных районов Польши. К числу западнославянских находок следует отнести также серебряные и бронзовые женские украшения, височные эсоконечные кольца, найденные в Вольне, Дорогичине и Холме. Как показывают археологические источники, район Нижнего Побужья был заселен смешанным населением. Так, в Дорогичине, Холме, а также на соседних поселениях вблизи Дорогичина в Невярове, Сохах, Каменке, Обниже вместе проживало древнерусское и старопольское население. Здесь имеются могильники, на которых есть и древнерусские курганы и мазовецкие погребения с каменной закладкой. Причем в последних часто попадаются древнерусские украшения. В целом же необходимо отметить, что определенное количество находок западнославянского происхождения, обнаруженных на территории городов Побужья попало туда в результате торговых и культурных контактов между древнерусским и польским населением. Наличие таких контактов было вполне естественным для пограничной территории, каковой в X—XIII вв. был бассейн Западного Буга.

---

³⁸ K. Musiałowicz. Mazowieckie naczynia z cylindryczną szyjką na tle słowiańskiego materiału porównawczego. Wiadomości Archeologiczne, t. XVIII, z. 3—34, s. 345—370.

Н. БОГОМОЛОВА

О ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮЛИАНА ТУВИМА

Я плачу и молюсь, горю и плачу снова...

Ю. Тувим

«Бурный талант огромной силы, пылкость и трудолюбие, никогда не покидавшие его, впечатлительность и писательский темперамент, дерзновенность и юмор позволяют сравнивать его с поэтом, с которым соединяли его какие-то непостижимые узы, — с Пушкиным», — напишет уже после смерти Юлиана Тувима, вспоминая о нем, Ян Бжехва¹. Влияние русского гения на одного из тончайших польских лириков несомненно.

Пушкинская традиция в творчестве Тувима — одна из интереснейших проблем сравнительного литературоведения — почти не изучена². Настоящая статья является первой попыткой сопоставительного исследования и прежде всего краткого анализа тувимовских переводов пушкинской поэзии, первой попыткой проникновения — в значительной степени интуитивного — в поэтический мир Пушкина и Тувима.

В то время когда правительственные круги буржуазной Польши разжигали ненависть не только ко всему советскому, но и русскому, Тувим посвящает себя переводам русской классической литературы³. В 1931 г. увидит свет признанный шедевром тувимовский перевод «Медного всадника», а с 1934 г., окончательно покоренный Пушкиным, Тувим начинает усиленно работать над его поэзией. В 1937 г. выходит книга великолепных тувимовских переводов избранной им пушкинской лирики — «Лютня», приуроченная к 100-летию смерти русского поэта, ставшая подлинным открытием его гения.

В «Лютне» представлено 80 произведений Пушкина, среди них — 66 лирических стихотворений, «Эпиграмм» к «Цыганам», отрывки из «Полтавы», «Пира во время чумы» и «Медного всадника». В конце помещается 11 эпиграмм. Тувимовские переводы охватывали творчество Пушкина с 1817 г. и до последних лет его жизни, при этом с незначительными отступлениями был выдержан хронологический порядок.

¹ J. B z e c h w a. Okruchy wspomnień. «Wspomnienia o J. Tuwimie». Warszawa, 1963, s. 119.

² Информация о переводах Тувима поэзии Пушкина содержится в кн.: М. Ж и в о в. Ю. Тувим. Жизнь и творчество. М., 1963. В Польше общая оценка тувимовских переводов дана, в частности, в предисловии С. Полляка к кн.: J. T u w i m. Z g o s y j - s k i e g o. Warszawa, 1954, s. XI—XIII, XIV, XVI.

³ О смелой и мужественной позиции Тувима в 30-е годы, когда отношения с СССР были обострены, пишет Т. П. Агапкина. См. «Письма русских корреспондентов в архивах польских писателей». «Советское славяноведение», 1975, № 2, с. 89—96.

«Лютня» открывается отрывком из оды «Вольность» — самого страстного из юношеских пушкинских стихов, послужившего поводом к первой ссылке поэта. Над фрагментом была помещена виньетка в виде пятиконечной звезды, в которой рецензент «Варшавского дзенника народного» усмотрел крамолу. Отвечая на его нападки, Тувим вспомнил, как 110 лет назад, а именно в 1827 г., шеф жандармов Бенкендорф также был напуган виньеткой к «Цыганам».

Рядом с вольнолюбивыми стихами (отрывком из оды «Вольность», «Во глубине сибирских руд», «Анчар») в «Лютне» представлены и шедевры пушкинской лирики, среди них — «На холмах Грузии печальной...».

Тувим стремился передать творчество Пушкина во всей многогранности, и все же заметна его особая симпатия к стихам-раздумьям о поэзии. Излюбленная Пушкиным тема поэта и поэзии представлена у Тувима такими стихотворениями, как «Жуковский», «Муза», отрывком из «Разговора книгопродавца с поэтом», «Поэт» и др. Польский поэт находился под обаянием самой личности Пушкина, очень остро ощущая трагизм его судьбы. Мотив гонения, рока, один из главных в пушкинской поэзии, отражен в выборе для «Лютни» таких стихотворений, как «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Дорожные жалобы», «В альбом», «Эпилог» к «Цыганам» и др.

В «Лютне» преобладают стихи, относящиеся к 1827 — 1830 гг., т. е. к самым плодотворным и одновременно самым трагическим в жизни Пушкина. Тувим воскресит в них две грани пушкинского гения: высокий лирический накал и дар обличения. Под его пером пушкинский стих звучит так же вдохновенно, как звучал когда-то при жизни его творца.

Переводы, помещенные в «Лютне», как и вся последующая работа Тувима над пушкинским стихом, — свидетельство бережного отношения к тексту оригинала и преимущественно к его стилю (к слову поэт всегда был необычайно чуток), глубокого проникновения в его историческую, бытовую и фольклорную среду, ощущения неразрывности содержания и формы.

И все же обращает на себя внимание стремление Тувима «осовременить» пушкинский стих, придать ему новый заряд активности. С этим связано, в частности, изменение названий ряда пушкинских стихотворений: «Соловей и роза» («Соловей» — у Тувима), «Поэт и толпа» («Чернь». Трудно сказать, намеренно ли вернулся Тувим к первоначальному варианту названия или просто ему не было известно новое, так как в изданиях 30-х годов было распространено название «Чернь»), «Дар напрасный, дар случайный...» (у Тувима — «26 мая 1828 г.», так как Пушкин написал стихотворение в день своего рождения), «Ворон к ворону летит» (у Тувима — «Шотландская песня», так называлось стихотворение в первом варианте, в издании 1829 г.) и т. д. Почти во всех случаях, меняя название, Тувим хотел оттенить, сделать ударными главную мысль или основной образ пушкинского стихотворения.

С внутренней установкой Тувима вскрыть «истинно динамический заряд пушкинской поэзии, взрывающий все, что старо, зло, реакционно»⁴, связан и выбор для перевода отдельных фрагментов стихотворений. Так, из оды «Вольность» Тувим перевел последние, наиболее резкие строфы, с которыми Пушкин обращается к отечественным тиранам. Из «Разговора книгопродавца с поэтом» — отрывок, где непосредственно выражено пушкинское кредо. Из «Подражания Корану» — I, V, VI фрагменты с выразительным общественным звучанием⁵.

⁴ J. Tuwim. Aleksander Puszkina. «Pisma prozą». Warszawa, 1964, s. 201.

⁵ И лишь однажды Тувим отступит от своего стремления, напротив, ослабив смысловое звучание пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», опустив самые смелые фрагменты, очевидно, опасаясь упреков в богоульстве.

Тот же момент бросается в глаза и при образно-стилевом анализе тувимовского перевода. Так, в переводе «Анчара» вместо образа князя-тирана в заключительных строках появляется «король», который в восприятии Тувима был однозначен «царю» (свидетельство тому — ряд других переводов). В начальной редакции у Пушкина тоже выступал «царь», который был затем снят по цензурным соображениям.

В переводе «Мирской власти» явно осовременены строки:

Widać stojących groźnie z obu stron
Dwóch wartowników zamiast świętych żon.
Na co, powiedzcie, kaski, karabiny, strażę?

У Пушкина:

Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.

В переводе «Поэта и толпы» строки: «Precz! Cóż poetę natchnionego Obchodzi wasz plugawy los?» звучат острее, чем в оригинале (сравни: «Подите прочь — какое дело Поэту мирному до вас!»).

Усиленным оказался и мотив рока, гонения, трагизма пушкинской судьбы. В переводе «Элегии», например, Тувим намеренно вводит такие слова, как «судьба» (los), «фатальный» (fatalny), которых нет в оригинале, а «треволненья» переводит словом «беспокойство» (niepokój) (кстати, «беспокойство» вместо «волненья» выступает у Тувима и в «Осени»). Образ судьбы, скрытый в подтексте «Эха», у Тувима заявляет о себе непосредственно. «Полон тревоги» (pełen trwogi) — это определение неожиданно появляется и в переводе «Музы».

И в стихах-раздумьях о быстротечности жизни, о близком конце заметно усилена Тувимом трагическая окраска. Так, в его интерпретации элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» резче и откровеннее, чем в оригинале, выражена мысль о смерти:

Niemowlę miłe gdy całuję,
Wnet myślę: żegnaj! czas mi w grób!
Swego ci miejsca ustępuję,
Dla ciebie — rozkwit, a ja — trup.

У Пушкина:

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

Трагически усилены Тувимом и строки в «Стихах, сочиненных ночью во время бессоницы»:

Ciemno. Gdybym usnąć mógł!
...Baby Parki bełkot zły,
Spiącej nocy trwożne sny,
...Czemu mnie tak trapisz dzisiaj,
...Chce zrozumieć cię, odgadnąć,
Tajemnicą twą zawiadnąć.

В оригинале:

Мне не спится, нет огня:
...Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье
...Что тревожишь ты меня?
...Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Тувим-переводчик ощущал «поразительную сжатость» пушкинского слова, его высокую простоту. Эта простота и одновременно редкая выразительность пушкинского слова создавали необычайные трудности, требовали от переводчика огромного мастерства, сдержанности. Вместе с тем Тувим боялся утратить хотя бы малейший оттенок мысли, мельчайший образный штрих. Однако в поисках адекватных соответствий в польском языке ему, по-видимому, мешали и собственное упоение, завороченность словами, и опыт «младопольской» поэзии с ее словесной щедростью, дань которой он отдал в ранний период. Так, вместо емких образов: «...новы все впечатленья бытия» («Демон»), «...храни меня во дни гоненья» («Храни меня, мой талисман»), «внезапно поражал» («В часы забав иль праздной скуки...»), «угасшее веселье» («Элегия») — появляются более сложные, описательные, менее выразительные: «...świeży i uroczy. Był dla mnie każdy objaw bytu», «W dni trwogi, troski, przeciwności», «raził mnie nagle i ogłuszał», «rozkosze i biesiady».

Порой тувимовский образ оказывался более бледным: «понурая ночь» (ponura noc) вместо «мрачные затворы» («Во глубине...»); «Na morzu życia, gdzie śród mgły, w wichurze, Samotnym żagle mym miotają burze» — «На море жизненном, где бури так жестоко Преследуют во мгле мой парус одинокий» («Близ мест, где царствует Венеция златая»), а подчас даже искаженным: «wstydliwą» вместо характерно-пушкинского — «унылой» («Прощание»).

Замена мужской рифмы женской в «Обвале» (в соединении с синтаксическими смещениями) вызывает изменение интонационно-ритмического рисунка (и отчасти образно-стилевого строя). А казалось бы совсем незначительное отступление в переводе стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» — выделение первой строки двойным восклицанием — повлекло за собой изменения более значительные, смягчая глубину пушкинской горечи.

У Тувима:

O daremnel o zwodnicze!
Życie, na co mi cię dano...

У Пушкина:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

В поисках современных созвучий порой терялся чисто пушкинский колорит, когда вместо «обители» («Мадонна») появлялся «dom», вместо «зрим» («Мирская власть»), — «widać», вместо «по прежню следу» («Подъезжая под Ижору») — «znów przyjadę», вместо «одолжен» («Умолкну скоро я...») — «odstapiony».

Возможно, Тувим избрал для названия своей книги переводов образ «лютни», а не излюбленный Пушкиным образ «лиры», обращаясь к традиции, идущей от Кохановского (этот же образ выступает и непосредственно в переводах, в частности в стихотворении «К Жуковскому»).

Самостоятельный раздел в «Лютне» составляют эпиграммы, открывающиеся стихами «О, муза пламенной сатиры!». Интересно, что именно этим стихотворением хотел когда-то открыть свой сборник эпиграмм сам Пушкин. Среди переведенных польским поэтом эпиграмм есть и эпиграмма на графа Воронцова. Неизвестно, почему Тувим избрал вариант: «Полу-герой, полу-невежда...» (вместо: «Полу-милорд, полу-купец...»). Может быть, он привлек его своей дерзостью, показался более понятным для польского читателя. Может быть, Тувим просто имел перед собой именно этот вариант, распространенный в изданиях 30-х годов.

Непосредственное соприкосновение Тувима с пушкинской поэзией при работе над переводом не прошло для него бесследно. Она способствовала подъему в Тувиме творческой энергии. Пушкинские мотивы и образы, волнующая поэтическое воображение Тувима, то непосредственные, то осложненные другими ассоциациями, оживали в его поэзии. Иногда это было не влияние, а скорее созвучие. Поэты, казалось бы, такие далекие во времени, разделенные целым столетием, родившиеся в разных странах, в разных социальных и исторических условиях, становились «непостижимо» близкими.

30-е годы — особый период в творчестве Тувима. Его поэзия той поры — это взлет лиризма, рождение самых зрелых, самых совершенных лирических стихов (сб. «Чернолесье», «Цыганская библия», «Пылающая суть»), восходящих к традиции Я. Кохановского и великих польских романтиков А. Мицкевича и Ю. Словацкого. Это и вершина сатирического творения — «Бал в опере».

Тувимовская поэзия конца 20-х и в особенности 30-х годов драматична. Обостренность восприятий и впечатлений, изначально свойственная Тувиму, теперь становится особенно ощутимой. Вот почему и в его интерпретации Пушкина усилена трагическая интонация. Острая, мучительная тревога почти не покидает в ту пору поэта. К личной горести, вызванной немилостью к нему определенных кругов и откровенными преследованиями, присоединялось предчувствие грядущей катастрофы, которую пророчески предсказывал не один Тувим. В поэтической атмосфере «боли и тоски» таилось беспокойство, ощущались исторические и социальные намеки, составлявшие подтекст самых интимных, далеких от общественных потрясений стихов. Тревожные пожары бушевали в его поэтическом крае Чернолесья.

«Отзвуки первой бури и раскат второй наполнили жизнь моего поколения тревогой, чувством неуверенности, ощущением, что все временно, проходящее, а ты сам повис в опасной пустоте. В земле еще лежали невзорвавшиеся артиллерийские снаряды 1914—1918 гг., а мы уже предчувствовали и ожидали снаряды Люфтваффе», — писал позже Тувим⁶.

...Zabłąkany śród wozów, pojazdów,
wagonów,
Śród dyszłów i buforów wiję się
jak gad.
Tysiącem śmierci tysiąc wjeżdża na
mnie zgonów,
Kończącą wiecznością zabija mnie świat.

Заблудившийся среди телег, повозок,
вагонов,
Среди дышел и буферов, я извиваюсь,
как змея.
Тысячью смертей надвигается на меня
тысяча кончин,
Круговоротом вечности убивает меня мир.

По-видимому, у Пушкина заимствовал Тувим образ телеги, используя его не только в качестве названия стихотворения, но и сделав его одним из главных связующих образов. У Тувима образ телеги имеет двойственное значение: реальной телеги и другой, божественной, звездной, связанной, по-видимому, с миром античной мифологии. Есть среди греческих мифов о героях миф о Беллерофонте, возмечтавшем взлететь на Пегасе на Олимп и жестоко наказанном за это Зевсом, ниспославшим неистовую

⁶ J. T u w i m. Dzieła, t. III. Warszawa, 1958, s. 581.

ярость коню, сбросившему героя. Образ крылатого коня Пегаса — излюбленный тувимовский образ — здесь преобразовался в «звездную телегу». А в мечте поэта, чтобы его «растоптала звездная телега Христа» (где образы античной мифологии переплетаются с евангелическими), мечте о трагическо-возвышенной смерти как вызове реальной действительности — содержится намек на гибель Беллерофонта.

Перенесенный в иную, польскую действительность 30-х годов, осложненный другими ассоциациями, тувимовский образ расходуется с пушкинским. У Пушкина образ телеги, дороги рождался под впечатлением его вынужденных скитаний по России — отсюда и полные горечи стихи «Телега жизни» и в особенности «Дорожные жалобы» с их мотивом скитания, растерянности, неустроенности в сложной последекабрьской действительности 30-х годов.

В центре тувимовской «Телеги» те же поэтические переживания личности, мятущейся от ощущения постоянного одиночества, неприкаянности, затерянности, вечного страха и тревоги перед цивилизованным городом, городом кошмара, где «тысячу раз на день переезжают, давят, ломают кости и режут пополам». Характером личностных переживаний, жуткой символикой городских картин тувимовская «Телега» близка блоковскому восприятию города — «страшного мира» (период тувимовского увлечения поэзией Блока приходится на 20-е годы).

Польский поэт тяготился откровенной травлей (мотив гонения, преследования ощутим в «Телеге»). Современники вспоминают, что создавалось ощущение, словно Тувим жил в гетто⁷. Наверное, не без влияния Пушкина — автора «Не дай мне, бог, сойти с ума...», тоже задохавшегося в душной атмосфере петербургской жизни, родились горькие тувимовские строки «Стихов с глухим концом» (сб. «Цыганская библия»).

Польская действительность 30-х годов, когда были обесценены идеалы, где слова о «народном благе» стали пустой газетной фразой, где царил ненавистный поэту, стереотипный, обесцвеченный тип мышления, все больше делается чуждой и враждебной Тувиму. Вот почему так близки и дороги ему пушкинские стихи: «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831).

Два последних стихотворения создавались в самый разгар выступлений болгаринской клики против только что вышедшей в свет поэмы «Борис Годунов». Несовместимость поэта и толпы — глухой и чуждой — вырастает у Пушкина в глубокую, органически вошедшую в его творчество тему одиночества художника во враждебном обществе. Но одновременно с ощущением одиночества, скованности, ущемленности («Эхо», «Поэт») звучит и гордое утверждение его идеальной свободы и права на независимое творчество («Поэт и толпа», «Поэту»), звучит страстный протест против оков, налагаемых на поэта властью.

Тувим не только перевел большинство из этих стихотворений. Их мысли, их живое волнение продолжали жить в его поэзии. Пушкинским строкам:

...Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

«Поэт»

⁷ Тувимовская страсть к коллекционированию оставила печальное наследие в виде унижающих, пасквильных статей, заметок, фельетонов, сочиненных в «его честь». Поэт обвиняется в большевизме, в еврейском происхождении, в отсутствии патриотизма и кощунстве над национальными святынями, в... деморализации армии. Обвиняется, подобно Пушкину, в безнравственности, в пагубном воздействии на молодежь.

Тебе ж[эху] нет отзыва...Таков
И ты, поэт!

«Эхо»

оказывались созвучны тувимовские:

...Без отклика взывать все тяжелее...
Мой скорбный голос в пустоте затих.

«Посреди дня», сб. «Чернолесье»
Перевод А. Ахматовой

W tym wieku rozjątrzonym, wydętym, okrutnym —
Przechodzę, mijam, milczę: obcy, zimny, smutny...

...В этом веке напыщенном, горячечном, жестоком
Я прохожу, миную, молчу: чужой, холодный, печальный.

«...Et arceo», сб. «Цыганская библия».

Итак — тема отчужденности, несущая трагический оттенок, в которой сложным образом преломились и общеромантический конфликт личности с обществом и блоковское ощущение ее неприкаянности в «страшном мире». И может быть, не возникало бы ассоциаций с Пушкиным, если бы этой теме не противостояла другая, контрастирующая с ней тема протеста и утверждения творческой свободы, которая волновала Тувима еще в 20-е годы:

...Нет, вам не добиться ни службой, ни лестью
Моего свободного званья поэта.

«К генералам», 4-й сборник стихов (1923)
Перевод Д. Самойлова

Есть у Тувима стихотворение, в названии которого содержится намек на пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Случай с редактором» (сб. «Цыганская библия»). Стихотворение Пушкина более глубокое: здесь мысли и о высоком назначении поэзии, и о славе, и тема отчужденности поэта, как сквозная тема. Сам диалог поэта с книгопродавцом — это своеобразная символизация его душевной раздвоенности и двусмысленного положения в свете. Но и у Тувима и у Пушкина мир творческого «вдохновенного досуга, вдохновенного труда» несовместим с реальностью. У Пушкина нравственная и экономическая зависимость художника от «железного» века, где «без денег и свободы нет», несущая личностный оттенок, ощущается очень остро.

У Тувима «Случай с редактором» кажется просто шуткой по поводу несовместимости двух образов мышления, делового, рационального, и — поэтического, шуткой, сродни пушкинской эпиграмме «Прозаик и поэт». Поэзия для него — вечное чудо, непостижимое, дерзновенно разрывающее всяческие оковы. Поэтому такой неожиданной метаморфозой заканчивается «его» разговор с редактором:

Kulą buchnąłem w otchłai
I opryskałem zadumionego
redaktora pluskiem zaświatów.

...Неожиданно я низвергнулся в бездну
И обрызгал изумленного редактора блеском неземных миров.

Но за шутливым тоном скрывался глубокий подтекст. Тувим протестовал против скованности, ущемленности творческой свободы художника в тогдашней действительности, ибо рациональный, стереотипный образ мышления, с одной стороны, и фразерство — с другой, процветали в период санации.

Мысли о преследовавшем роке, раздумья, порой горестные, о славе:

Что слава? Шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

«Разговор книгопродавца с поэтом»

нередко посещали Пушкина, тревожа его воображение. И одновременно рождалась гордая вера, что память о нем будет жить в веках в сердцах потомков:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрейского столпа.

Пылкая привязанность к жизни, дерзновенность, свойственная обоим поэтам, заставляла их одинаково отвергать славу холодную — «монументальную».

«Боже святой! Не хочу быть памятником!» — вырвется у Тувима в его более раннем стихотворении «Кричу!» (4-й сборник стихов).

«Безумному», казалось, сгоравшему в стихах Тувиму, подобно мятежному, «непокорному», с душой полной страсти, Пушкину, грезился не покой, а буря, когда в последнее мгновение его будет «трепать воюющий от жалости ветер». Мотив судьбы поэта, мучительных раздумий о славе и бессмертии вызвал к жизни одно из наиболее «пушкинских» стихотворений Тувима — «К судьбе» («Цыганская библия»):

Miłość mi dałeś, młodość górna,
Dar ładu i wysokie żądze.
I jeszcze, na uciechę durniom,
Raczyłeś dać mi i pieniądze...

Любовь дала ты мне, горенье,
Дар слова, молодости силы,
А дуракам на утешенье —
И о деньгах не позабыла...

Перевод Ю. Абызова

Тувимовское стихотворение перекликается с несколькими стихами Пушкина. Начальные строки напоминают его ранние полусутошливые миниатюры «Моя эпитафия» (1815), кстати, переведенную Тувимом, и «К портрету Вяземского» (1820):

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом...

Поэзия в восприятии Тувима — «гармонический дар» Аполлона и дар «безумия» («безумья капелька запала В мой тусклый мозг игрою радуг» — перевод Ю. Абызова). Вновь — близость к Пушкину, а общий исток для них обоих — Гораций, который видел в поэте «прокаженного», «бесноватого или лунатика», одержимого высшей силой⁸.

Но далее Тувим, напротив, как бы внутренне полемизирует и с Пушкиным, и с Горацием, и со всей поэтической традицией:

...I kiedy kształt żywego ciała
W nieład rozpadnie się plugawy,
Ta strofa, zwarta, zwięzła, cała,
Nieporuszona będzie stała
W zimnym, okrutnym blasku sławy.

⁸ См. Б. И. Б у р с о в. Судьба поэта. «Звезда», 1975, № 11, с. 149. Образ поэта — личности, наделенной сверхъестественной, «безумной» силой, возникает у Тувима в стихотворении «Разговор» (сб. «Слова в крови», 1926).

Smutku! Uśmiechu! Melancholio!
 W beben żałobny bije gloria...
 I smutnie brzmi: «Dum Capitolium...»
 I śmieszne jest: «Non omnis moriar...».

...Когда же в хаос плоть живая
 Рассыплется, — как величаво
 Строфа петленная, литая,
 Останется в веках, блистая
 Холодным излученьем славы.
 Печаль! Улыбка! Меланхолия!
 Дробь барабанов скорбных — Глория!
 И грустно так: «Dum Capitolium...»
 И так смешно: «Non omnis moriar...».

Перевод Ю. Абызова

«Non omnis moriar» — иронически-печально звучат в его интерпретации горацянские строки. Совсем по-иному, чем в пушкинском завещании «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Там — итог пройденного нелегкого пути, осознание себя национальным поэтом, выразителем высоких общественных и нравственных идеалов своего времени и твердая уверенность, что его «душа в заветной лире... прах переживет и тленья убежит».

Здесь — та же вера в вечность, нетленность поэтического слова, противостоящих бренности человеческой жизни. Поэзия переживает своего творца. Но не гордость, как у Пушкина, вызывает эта вера, а печаль⁹: «Строфа нетленная, литая, Останется в веках, блистая Холодным излученьем славы».

У Пушкина душа поэта продолжает жить в его творении, а для Тувима — это и много, и мало. Отсюда и грустно-ироническая тувимовская концовка.

И все же особая атмосфера тувимовского стихотворения, та свойственная лишь Пушкину светлая тень печали, в соединении с насмешливо-озорным тоном, нередко скрывавшим за собой горечь, что уловил и заставил по-новому прозвучать Тувим, делает его поистине пушкинским.

Как и многих больших поэтов, Тувима мучила загадка бытия, уходящего времени, могучих жизненных истоков и — необратимости смерти. «Мимолетность существования он переживал несказанно глубоко, его стихи хотели задержать уходящее время, запечатлеться в нем, как в воске. Тайна этой поэзии кроется в ее многозначности, в том, что в ней сливаются безраздельно угроза небытия и блеск повседневно, осязаемого в своей реальности дня»¹⁰, — писал С. Полляк.

При этом если Пушкина даже в наиболее пессимистических стихах не оставляло мужество, Тувим, пожалуй, более тяготеет к крайностям, у него резче проступают различия между стихами, написанными «во мраке» («С крохами юности что делать?», «Ночь», «Вздых» — об утрате надежды, об угасании былых порывов, страхе небытия и поисках забвения) и, напротив, в светлой тональности («Дар», волнующий нежной влюбленностью в мир природы, свежестью чувств и видения предметов и красок).

Сила же «органически присущего Пушкину глубокого жизненного оптимизма была столь велика, что и в самых трагических сторонах жизни Пушкин открывал такую красоту и такое стремление к развитию, которые во многом смягчали ощущение трагизма и, не преодолевая его окончательно, предохраняли поэта от безнадежного пессимизма»¹¹.

⁹ Подобные мысли, хотя и в несколько ином преломлении, Тувим высказывал и в стихотворении «На похороны Словацкого».

¹⁰ S. Pollak. Spotkanie z poetą. «Wspomnienia o J. Tuwimie», s. 390.

¹¹ Б. П. Горюцкий. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, с. 410.

В пушкинской лирике 30-х годов, которая привлекала к себе особое внимание Тувима, как бы борются два начала: тревоги, тоски, сомнений, жажды забвения, ощущения близкого конца и — надежды, стойческого терпения, верности «гордой юности», светлого вдохновения, непреклонной веры в жизнь, в ее вечное возрождение, в могучую силу творческого духа. Даже когда обступал полный «мрак ночи», поэт старался не потерять нить жизни, уловить смысл бытия:

...От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

«Стихи, сочиненные ночью
во время бессонницы»

И все же есть что-то удивительно близкое у тувимовского стихотворения «Неизвестное дерево» (сб. «Слова в крови») и пушкинского — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Созвучность возникает не столько в мыслях — думы о необратимости смерти посещали многих поэтов, сколько в самом строе их, в эмоциональной атмосфере, в настроении.

Под пушкинским стихотворением стоит дата: 1828 год. Поэта неотвязно преследуют в ту пору думы о смерти. В черновиках остался след затаенной боли, отступившей на второй план в окончательном варианте.

У Тувима поэтический отклик вызвала смерть Стефана Жеромского. На это указывает посвящение к стихотворению. Но в нем нет ощущения внезапности обрушившегося на поэта потрясения. Чувствуется, что оно, как и у Пушкина, глубоко выстрадано.

Образ дуба, который появляется у Пушкина, размышлявшего о быстротечности человеческого века в сравнении с бытием природы:

...Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов...

в тувимовском стихотворении разрастается до главного, охватывающего все пространство стихотворения образа. Поэт в раздумьях о собственном близком конце обращается к дереву, предназначенному ему для гроба:

Дерево, мой друг зеленоглавый,
Где шумишь ты кроною кудрявой,
Где растешь ты, скоро ли на гроб мой
Кто-то спилит ствол твой величавый?...

Перевод В. Левика

Тувим больше связан с народной, песенной традицией, Пушкин — с литературной (романтической):

...И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в страстии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

В задушевных строках, в интимном обращении (у Пушкина — к себе, у Тувима — и к себе, и к дереву-другу, существу очень близкому) чувствуется в «Незнакомом дереве» песенная тональность.

Близость — не в образном строе, а в интонации раздумья-вопроса, в глубокой печали.

Среди потока смятенных мыслей — вдруг как бы наступает покой, завершенность:

...Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать...

Та же привязанность к родной земле чувствуется и в последних строках Тувима о «земле единственной, земле родимой, раненной его смертью в самое сердце».

Оба стихотворения, возникшие под влиянием печальных дум о близком конце, о необратимости жизни, — казалось бы, трагические в своей главной интонации, — оптимистичны в целом. Исчезает одна человеческая жизнь, но вечен и огромен жизненный поток. «Красою вечною сиять» будет, как и прежде, природа (Пушкин). О таящихся в земле благотворных истоках, дарующих новую жизнь, говорит и Тувим:

Чтоб меня к себе ты прирастило,
Вынесло из тьмы своею силой,
Чтобы — корни с плотью — мы срослись бы,
Разветвились оба над могилой...

Перевод В. Левика

И лишь в одном они расходятся: русский поэт в отличие от Тувима не завидует молодым, приветствуя их цветение, мечтая, чтобы его могила была озарена светом «молодой жизни».

Эта вера в вечную смену бытия, в его постоянное обновление, в скрытые в нем могучие истоки, вера, которая подавляла ощущения преходящести жизни, близкого конца, состояния тревоги, тягостных раздумий о завтрашнем дне, таком же ненадежном, как и прошлое, не оставляла Пушкина до конца его дней. В различных вариациях она звучит и в «Элегии» («Безумных дней угасшее веселье...», 1830), и в «Осени» (1833), и в стихотворении «Вновь я посетил...» (1835.)

...Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

«Элегия»

«Элегия» (которой, по-видимому, предшествовал неоконченный набросок 1827 г. — «О нет, мне жизнь не надоела...») — свидетельство того, «до какого, — по словам Белинского, — состояния внутреннего просветления возвысился дух Пушкина»¹² в последние годы его жизни.

По многогранности мыслей и глубине переживаний «Элегия» считается одним из самых глубоких созданий Пушкина. Здесь и раздумье о закономерной необратимости человеческой жизни вообще и о своем собственном жизненном пути, в котором были, есть и будут не только «горести, заботы и треволненья», и утверждение способности мыслящей и глубоко чувствующей личности радоваться «всем впечатленьям бытия», и пушкинское признание в страстной привязанности к жизни. Жизни — дару сладостному и бесценному, которая открыта поэзии и любви, мысли и страданью, упоенью и слезам, где сами слезы — знак не только страданий, но и восторга.

Как и жизнь, поэзия — «дар бесценный», божественный дар сладостного вдохновенья. Не случайно в душе поэта в гармонии «и божество, и вдохно-

¹² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 355—356.

вень, и жизнь, и слезы, и любовь». Рождение поэзии для Пушкина всегда

...минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья.

«Дельвигу», 1817

И — тувимовская вариация светлого мира поэтического вдохновения, когда

...Порыв стихийных сил
Тобой, как деспот, завладеет,
И вдруг — покой, и дух слабеет,
И лишь бы плакал...слезы лил...

!«Как возникает стих».
Сб. «Подстерегаю бога», 1918
Перевод М. Живова

Разве не перекликается с Пушкиным эта юношеская тувимовская поэтизация удивительного мига рождения стиха с его нечеловеческим напряжением сил и внезапно наступившим после него покоем, мига, которым был «мучим и любим» русский поэт?

С младенчества дух песен в нас горел...

Как и Пушкина, Тувима «движет, стремится какая-то могучая сила, какая-то непобедимая страсть»¹³. Романтическая природа тувимовской поэзии с резкими взлетами и падениями, восторгом и слезами, с ее способностью «из пепла возродить цветенье, от счастья умереть и вновь страдать»¹⁴, удивительно близка пушкинской:

...Черня бумажный лист отметаи страданий,
Я плачу и молюсь, горю и плачу снова...

«Ответ». Сб. «Чернолесье».
Перевод О. Румера

Это тувимовская исповедь о том, как сладостно и мучительно рождается поэтическое слово, и одновременно мечта о поэзии высокого накала, которая бы «сердце искромсала пером своим на части».

Темперамент — страстный, пылкий, романтическая окрыленность и — искренность, искренность неподдельная, вечно живое, поэтическое чувство присущи обоим поэтам. Подобно Пушкину, Тувим «даже в повседневной жизни, несмотря на внешнее спокойствие, был, как и в своих стихах, всегда огнем, всегда едва сдерживаемым вихрем»¹⁵.

И подобно Пушкину, Тувим не изменил до конца высокому романтическому духу своей поэзии, которая осталась для него навсегда порывом, движением, «горением».

Высокий накал лирических страстей и на другом полюсе — взрыв «пламенной сатиры». К концу 30-х годов тувимовское сатирическое перо резко заостряется. В пору работы над Пушкиным создаются тувимовские «фрашки» и гротескная поэма «Бал в опере». Написанные под влиянием внезапного негодования, различные по содержанию (хотя порой и затрагивающие одинаково волновавшие их проблемы цензуры, критики, литературной бездарности, проблемы нравственные), пушкинские и тувимовские эпиграммы близки силой поэтического гнева, злой иронии. Работая над

¹³ В. Г. Б е л и н с к и й. Сочинения А. Пушкина. Статья V. «Избранные статьи». М., 1978, с. 111.

¹⁴ «Труд». Сб. «Цыганская библия». Перевод С. Олендера.

¹⁵ S. P o l l a k. Spotkanie z poetą. Ibid., s. 390.

переводом поэзии Пушкина, Тувим порой забывал, что перед ним чужое произведение. Звонкий и гневный пушкинский стих обращался в действенное оружие против новых «булгаринных» — тех, кто травил в эти годы на страницах реакционной националистической прессы самого Тувима, публично оскорблял в театре, устраивал откровенную слежку на улице. Не случайно под одним из своих пушкинских переводов Тувим подчеркнуто напишет: «Перевел с сатисфакцией».

Увлечение Тувима пушкинской лирикой не кончилось в 30-е годы. Польский поэт остался ему верен до конца жизни. В трагические годы войны, оторванный от родины, полный тревоги за судьбу своих друзей, Тувим вновь обращается к Пушкину. Пушкинский образ возникает в эпитафии к поэме «Цветы Польши»: «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет». Поразительно созвучны пушкинской «Осени» и «Поэту» и непосредственно тувимовские строки о пробуждении поэтического вдохновения:

...Пегас мой жаждал волшебства...
 Между зимою и весною,
 ...В полумечтании, в полусне...
 Она явилась вдруг ко мне.
 И назвалась. И давней страстью
 Пылавший взор приговорил
 Меня к отчаянью и счастью.
 Ковь, получивший пару крыл,
 Затрепетал и их раскрыл.

Перевод К. Чуковского

Итак, обращение (через 100 лет) такого талантливого польского поэта, как Тувим, к пушкинской традиции говорит о неразрывных узах, связывающих две культуры — польскую и русскую, о неувядающей свежести поэзии Пушкина, об обаянии его творческой и человеческой личности, о том, что возрожденная на иной национальной почве, в иных исторических условиях, поэзия его продолжала быть актуальной, звучала так же вдохновенно, вселяла веру в жизнь, пробуждала высокие идеалы свободы, справедливости и добра. Влияние Пушкина на Тувима, порой осязаемое непосредственно, порой сложным образом преломленное, — это интересная страница в творческом наследии польского поэта.

И. И. КАЛИГАНОВ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СПИСКАХ ЖИТИЯ ГЕОРГИЯ НОВОГО

Изучение истории древней болгарской литературы существенно затруднено скудностью источников, которыми располагает современный исследователь. От этой некогда богатейшей южнославянской литературы уцелели лишь небольшие фрагменты, что создает необходимость тщательнейшего обследования архивов СССР, Югославии, Румынии и Афона, где, по всей вероятности, находится значительное количество еще не открытых памятников болгарской литературы, оказавшихся в этих регионах вследствие интенсивного культурного обмена, осуществлявшегося в рамках православной общности средневековья. Без сомнения, возможны открытия болгарских рукописей и в других европейских и неевропейских странах. Необходимо также провести более обстоятельную систематизацию материалов по древней болгарской литературе, которые буквально по крупице собирали слависты XIX — начала XX в.

В смысле сохранности оригинальных памятников, в истории болгарской литературы наиболее бедно представлен XVI в., что, по-видимому, было вызвано массовым разорением монастырей и церквей в третьей четверти XVII в., так ярко и эмоционально описанным писателем Мефодием Драгиновым в «Рассказе об отуречивании чепинских болгар». Житие Георгия Нового, служба Георгию Новому, житие Николы Софийского, служба Николу Софийскому и Похвала софийским мученикам — вот, пожалуй, и все, что имеется в распоряжении исследователя, обращающегося к упомянутому периоду литературной жизни страны. Конечно, указанные памятники не исчерпывают деятельности книжников, трудившихся в Болгарии XVI в. В течение этого столетия ими были переписаны как многочисленные книги церковно-религиозного назначения, так и различные литературные произведения писателей предшествующих эпох, осуществлен перевод «Сокровища» — сборника религиозных слов и поучений греческого проповедника Дамаскина Студита, и т. д. Однако для теории развития и периодизации какой-либо национальной литературы принципиальную роль играют не переводные памятники или постоянно переписывавшиеся в средние века богослужебные книги, а оригинальные литературные произведения. Именно они дают представление о специфике и самобытности той или иной национальной литературы. Текстологическому разбору списков жития Георгия Нового — интереснейшего литературного памятника Болгарии XVI в. — и посвящена наша статья.

Как и другие оригинальные болгарские произведения указанного исторического периода, житие Георгия Нового свидетельствует о борьбе

южных славян против турецкой ассимиляторской политики. Оно отражает реальные, обострившиеся в XVI в., противоречия между турецкими завоевателями и покоренными славянскими народами. Интенсивная турецкая колонизация завоеванных земель вела к быстрому уменьшению доли славянского элемента в балканских городах¹. Над славянским меньшинством нависла реальная угроза турецкой ассимиляции, существовавшая не только благодаря особой демографической ситуации, но и вследствие планомерной политики турецкой администрации, стремившейся отуречить славянское население Оттоманской империи при помощи насильственной исламизации.

В турецких официальных документах середины XVI в. часто встречаются имена отуреченных болгар: Махмуд сын Стойко, Хасан сын Раде из Констандово, Хусейн сын Стойко и т. д.². О громадных масштабах исламизации свидетельствует высказывание турецкого визиря Мидхат паши, заявившего в 1878 г., что в Болгарии проживает около одного миллиона мусульман, которые являются не выходцами из Азии, а потомками обращенных в ислам болгар³.

Балканские народы упорно сопротивлялись религиозно-ассимиляторской политике турецких завоевателей, нередко предпочитая смерть отказу от христианского вероисповедания. Об одном из таких случаев и рассказывается в житии Георгия Нового: в нем описывается мученическая смерть молодого ремесленника Георгия, сожженного турецкими фанатиками в Софии 11 февраля 1515 г. Житие было написано вскоре после гибели юноши и стало весьма популярным на Балканах. Его читали в Болгарии, Сербии, Герцеговине и на Афоне. Весть о казни Георгия донеслась и в Россию, где на основе устных преданий новгородский пресвитер Илья создал новое (независимое от южнославянского) произведение о софийском мученике, широко распространенное в русской рукописной традиции⁴.

Южнославянских списков жития Георгия Нового уцелело сравнительно немного. Первое упоминание об одном из них промелькнуло в научной литературе после поездки на Афон В. И. Григоровича в 1844 г. Просматривая многочисленные славянские рукописи в афонских монастырях, он натолкнулся на небольшой, в 4°, сборник житий и служб, в котором, наряду с житиями Стефана Дечанского, Василия Севастийского и др. святых, на л. 42—72 об. было помещено «Житие мученика Георгия Нового, иже в Сардак»⁵. В. И. Григорович не обратил особого внимания на памятник и сообщил о нем чисто информативно. Позднее об этой рукописи писал архимандрит Леонид⁶, она была подробно описана Саввой Хилендарцем⁷, а затем следы ее теряются.

Для широкого круга читателей житие Георгия Нового стало впервые доступно лишь в 1855 г. после того, как на средства софийского митропо-

¹ Н. Т о д о р о в. Балканский град през XV—XIX вв. София, 1972, с. 52. (Русский перевод Н. Т о д о р о в. Балканский город XV—XIX в. М., 1976).

² Ассимиляторската политика на турските завоеватели. Сборник от документи за помехомеданчвания и потурчвания в XV—XIX вв. София, 1964, с. 104.

³ Там же, с. 10.

⁴ И. И. К а л и г а н о в. Появата на житието на Георги Нови в старата руска литература. «Език и литература», София, 1975, № 3, с. 44—56; е г о ж е. «Повесть о Георгии Новом» в русской рукописной традиции XVI—XVIII вв. «Советское славяноведение», 1975, № 5, с. 25—35.

⁵ В. И. Г р и г о р о в и ч. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848, с. 33.

⁶ Л е о н и д (архимандрит). Славяносербские книгохранилища в Святой Афонской Горе. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1875, кн. 1, с. 14—16.

⁷ S a v a C h i l a n d a r e c. Rykopisy a starotisky Chilendarské. Veštník král. české společnosti nauk. Praha, 1898, s. 71—72.

лита Гедеона в болгарском гор. Самокове было осуществлено первое печатное издание памятника, подготовленное бывшим учителем пения Христо Димитриевичем из гор. Душницы. Житие печаталось по рукописи, найденной в митрополичьей библиотеке, о чем Христо Димитриевич сообщил в пространном заглавии книги, напоминающем скорее предисловие к ней. К сожалению, печатник не указал никаких данных о самой рукописи, кроме места ее хранения. Ясно лишь было, что в ней житие помещалось вместе со службой.

Через три года после выхода в свет самоковского издания известный просветитель Йордан Константинов Джинот в монастыре св. Петра близ г. Призрен нашел рукописный сборник 1677 г. со списком жития Георгия Нового и подарил его Белградской народной библиотеке. К этой находке проявил горячий интерес Дж. Даничич, посвятивший ей несколько публикаций⁸. Он не только увлекательно пересказал содержание памятника и издал его отрывки, но и — что самое главное — установил имя его автора. В службе Георгию Новому, которая была помещена в рукописи вместе с житием, Дж. Даничич расшифровал акростих: «пошь Пекъ приносить Гѣоргиѣ»⁹. Поскольку из содержания жития следует, что его написал «некы священник», бывший свидетелем и участником описываемых событий, Дж. Даничич пришел к заключению, что автором двух произведений является не кто иной, как «поп Пейо» и высказал пожелание об издании памятника целиком. На его пожелание в 1867 г. откликнулся Ст. Новакович¹⁰.

Пока велось изучение Белградского списка, выпускник Московского университета, софийский учитель Савва Филаретов разыскал в расположенном неподалеку от Софии Кремиковском монастыре еще одну рукопись со службой и житием Георгия Нового. Это была небольшая, в 8°, рукопись на 32 л., писанных мелким церковным полууставом XVIII в., и содержала лишь указанные произведения. Уже тогда в ней отсутствовали первые 11 л. Судя по приписке в рукописи, книжник закончил работу над ней 26 августа 1714 г. в Сараеве. Савва Филаретов передал рукопись русскому слависту А. И. Гильфердингу и тот издал житие Георгия по Сараевскому списку¹¹, на три года опередив издание Белградского списка Ст. Новаковича.

Заслуга следующего издания одного из списков памятника принадлежит также русскому слависту, профессору А. И. Яцимирскому¹². Ученый обнаружил список краткого жития, очевидно, по описи библиотеки Рильского монастыря, составленной Е. Спространовым¹³. Эта редакция памятника помещена в составе рукописной минеи, относящейся к концу XVI — началу XVII в.¹⁴. Краткое житие Георгия (синаксарь) читается здесь

⁸ Дж. Д а н и ч и ч ђ. Службе Србина свецима. «Видов дап», № 23, 24, 25 за 1862 г.

⁹ Дж. Д а н и ч и ч ђ. Свети Ђураћ Кратовац мученик XVI вијека. «Književnik časopis za jezik i povjeste Hrvatsku i Srbsku... ureduju i izdaju Dr. Franjo Rački, V. Jagić, J. Torbar, III, 1886, s. 302—306.

¹⁰ Ст. Н о в а к о в и ч ђ. Служба и живот светого Ђурића Кратовца. «Гласник српског ученог друштва», т. XXI. Београд, 1867, с. 97—156.

¹¹ А. И. Г и л ь ф е р д и н г. Болгарское житие Георгия Нового Софийского. Летопись занятий Археографической комиссии. 1862—1863. Выпуск второй. СПб., 1864, с. 1—24 (Приложение).

¹² А. И. Я ц и м и р с к и ђ. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2. СПб., 1908, с. 168—171.

¹³ Е. С п р о с т р а н о в. Опис на ръкописите в библиотеката на Рилския манастир. София, 1902, с. 37.

¹⁴ Е. Спространов и П. Диневов датируют Рильский список XVII в., в то время как А. И. Яцимирский относит его к XVI в. При визуальном обследовании списка нами был обнаружен водяной знак в виде якоря, заключенного в сферу со звездой, однако ему не удалось найти соответствие в альбомах водяных знаков. По палеографическим осо-

после шестой песни канона Георгию Новому, занимающего первые 11 л. рукописи. Несколько десятилетий спустя Рильский список вновь переиздал болгарский археограф Ст. Станимиров¹⁵, по всей вероятности, не подозревавший о существовании издания А. Я. Яцимирского.

Таким образом, к началу 30-х годов XX в. болгарские, русские и сербские археографы проделали большую работу, опубликовав значительное количество списков жития Георгия Нового. Этот материал творчески осмыслил и обобщил молодой тогда ученый П. Динеков, посвятивший памятнику монографическое исследование¹⁶. В нем впервые были затронуты такие важные вопросы, как время создания, композиция, язык и стиль памятника, степень его достоверности в качестве исторического источника, проблема традиции и новаторства в творчестве Пейо, литературный облик книжника и его общественное лицо. Деятельность Пейо была рассмотрена на широком историко-литературном фоне: обрисованы эпоха, в которую жил и трудился Пейо, литературная жизнь страны, особенности произведений писателей-современников и т. д., что удачно позволило вписать житие Георгия в контекст болгарской литературы XVI в. В текстологическом разделе был издан новый список памятника конца XVIII — начала XIX в., хранящийся в Софийской народной библиотеке под № 281, и приводилась его характеристика по сравнению с Белградским и Сараевским списками¹⁷.

Монография П. Динекова является единственным и пока непревзойденным по охвату материала обстоятельным исследованием произведения Пейо. Однако после выхода в свет этого замечательного труда прошло уже около сорока лет и за это время были найдены три новых списка памятника. В 1956 г. югославский ученый Д. Радойич сообщил об открытии старейшего Хилендарского списка № 479, относящегося ко второй половине XVI в.¹⁸ В 1965 г. в библиотеку Болгарской Академии наук поступил Эленский дамаскин XVII в., в котором помещен еще один список жития Георгия Нового. Два года спустя Б. Ст. Ангелов издал текст Эленского списка¹⁹ и опубликовал сведения о другом списке памятника, хранящемся в Софийской и народной библиотеке под № 3316²⁰. Список датирован 1798 годом по записи на внутренней стороне передней крышки переплета.

Открытие новых списков создает необходимость их тщательного обследования в текстуальном отношении для уточнения ряда нюансов в истории движения текста произведения. Важность разысканий в этом направлении диктуется и тем обстоятельством, что автограф Пейо до нас не дошел, а Хилендарский список № 479 является на сегодняшний день старейшим из известных науке, и его изучение может пролить свет на многие неясности, в том числе и на время создания памятника. Впервые этого вопроса коснулся П. Динеков. По мнению ученого, житие Георгия Нового было написано в связи с канонизацией мученика вскоре после его сожжения. Об этом свидетельствуют взволнованно-эмоциональный стиль повествования, показывающий, что книжник находился под свежим впечатлением события, и

бенностям список можно отнести к концу XVI — началу XVII в. (Искренне благодарю за консультацию доктора фил. наук Н. Н. Розова).

¹⁵ Ст. Ст а н и м и р о в. Одно малко познато житие на свети Георгия Софийски от Крагово. Известия на Историческото дружество в София, кн. XI—XII. София, 1931—1932, с. 288—293.

¹⁶ П. Д и н е к о в. Софийски книжовници през XVI век. София, 1939.

¹⁷ Там же, с. 58—74.

¹⁸ С п. Р а д о ј и ч и ћ. Старе српске повеле и рукописне књиге у Хиландару. «Архивист», 1952, № 2. Београд, св. 2, с. 76.

¹⁹ Б. Ст. А н г е л о в. Из старата българска, руска и сръбска литература, ч. 2. София, 1967, с. 276—279.

²⁰ Там же, с. 271—272.

указание Белградского списка, где говорится, что Георгий пострадал «в сие последнее дни»²¹.

Однако внимательный анализ текста старейшего Хилендарского списка вызывает у нас другие соображения. Взаволнованно-эмоциональный стиль повествования бывает часто вызван не только хронологической близостью описываемых событий, но и творческим темпераментом писателя. Что же касается выражения «в сие последнее дни», то оно относится не ко времени создания памятника, а имеет несколько иной смысл. В контексте произведения это выражение встречается неоднократно: Пейо наставляет Георгия в тюрьме и советует ему пострадать за веру «в сие последнее дни» (л. 158)²²; когда турки бросают Георгия в костер, христианская толпа начинает молить всевышнего о ниспослании чуда «в сие последнее дни» (л. 165); и в конце жития Пейо пишет, что мученик пострадал в «сие последнее дни» (л. 172). О последних днях говорят турецкий судья и Георгий, упоминая о неизбежном страшном суде. Таким образом, в каждом случае своего употребления это выражение имеет сугубо эсхатологическое значение и отражает типичные для средневековья представления о близком конце света. Страшная катастрофа, постигшая балканские народы в результате турецкого нашествия, трактовалась южнославянскими книжниками как грозное предзнаменование грядущего второго пришествия. Точно так же для Пейо современная ему действительность — «последнее дни».

Следует полагать, что житие Георгия Нового, действительно, было написано в связи с установлением местного культа мученика. Это произошло после того, как религиозные страсти в Софии улеглись, да и само событие стало постепенно стираться в памяти софийских христиан. Недаром Пейо опасается, «да не како без писания в забвение преидеть подвигъ его (Георгия.— И. К.) и борение» (л. 148—148 об.).

Скорее всего, книжник создал житие в конце 10 — начале 20-х годов XVI в., будучи в преклонном возрасте. Ведь он встречался с константинопольским патриархом Нифонтом задолго до смерти Георгия и, следовательно, уже тогда был зрелым человеком.

Мы считаем, что Хилендарский список № 479 наиболее близко стоит к не дошедшему до нас автографу Пейо. Это не только самый старший список, но и самый полный: в нем содержится ряд подробностей и деталей, не встречающихся в других списках. Разумеется, старшинство и большая подробность Хилендарского списка по сравнению с Белградским, Сараевским или, например, Софийским сами по себе еще не могут служить доказательством его близости к первооригиналу. Концепция буржуазных текстологов, объявлявших «лучший» список восходящим к первоисточнику, безнадежно устарела²³. Наш случай является, пожалуй, редким исключением. Рассмотрим подробно особенности тех пассажей Хилендарского списка, которые опущены в других списках. Они содержатся в обширном вступлении и заключении — своеобразной торжественной рамке, которой книжник украсил свое бесхитрое житие, мало напоминающее традиционные агиографические повествования. Во вступлении книжник рассуждает о двух жизненных путях, избираемых человеком по своему усмотрению: благочестивом, ведущем в царство вечного наслаждения, и неправедном — сулящем ад и вечную муку. Разрабатывая эту евангельскую

²¹ П. Д и н е к о в. Софийски книжовници през XVI век. София, 1939, с. 43, 81; е г о ж е. Глава «Поп Пейо». «История на българската литература», ч. 1. София, 1963, с. 390.

²² Здесь и далее цитируем текст Хилендарского списка № 479 по ксерокопии, любезно переданной нам проф. Б. Ст. Ангеловым. В скобках указываем л. рукописи.

²³ Д. С. Л и х а ч е в. Текстология. М.— Л., 1962, с. 8.

мысль²⁴, он иллюстрирует ее многочисленными примерами из Ветхого и Нового завета, постепенно приближаясь к событиям, которые были живы в памяти современников. Книжник упоминает в своем рассказе имена сербского князя Лазаря, погибшего на Косовом поле в битве против турецких завоевателей в 1389 г., деспота Стефана, его сыновей Иоанна Сремского и Гргура, однако его интересует не конкретная историческая деятельность этих лиц, а лишь «чудеса», якобы происходившие с их мощами. В этой связи упоминается и имя бывшего константинопольского патриарха Нифонта²⁵.

В предисловии отводится место и деяниям лица, занимающего сравнительно невысокую ступеньку в церковной иерархии — некоего священника Стефана из села Пенковци близ Софии. Вместе со своей семьей он покидает насиженное гнездо по причине турецких бесчинств и перебирается вначале в Софию, а затем в Валахию. Остаток жизни Стефан проводит в основанном им монастыре, изнуряя свою плоть постом и тяжелым трудом. Через три года после его кончины происходит «чудо» подобное тому, которое явилось после смерти Нифонта: Стефан часто снится монахам, те разрывают могилу своего бывшего игумена, обретают его «яко же уснувшаша» и полагают в раке.

Эти части предисловия невозможно расценивать как более позднюю вставку, потому что повествование в них ведется от первого лица. «И отнелиже аз грешни в память приидохъ, слышавъ въ жити деспота Степана» (л. 145) — начинает свой рассказ о сербском деспоте книжник. С константинопольским патриархом Нифонтом он был знаком лично, о чем не без гордости сообщает: «Яз самовидьць бых Нифона патриарьха и съ нимъ на трапезе его ядохъ и пихъ, и беседовахъ» (л. 147). Семье священника Стефана из села Пенковци в трудную минуту он предоставил кров. От первого лица переданы и некоторые предложения в тексте самого жития Георгия Нового. Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что автор предисловия и жития одно и то же лицо — книжник Пейо.

В Белградском и двух Софийских списках опущены упоминания о князе Лазаре, деспоте Стефане и его сыновьях, патриархе Нифонте, священнике Стефане и оставлена лишь евангельская притча о двух жизненных путях, причем Белградский список является самым лаконичным из указанных трех, поскольку в нем сокращены примеры из священного писания, которыми Пейо иллюстрировал притчу. Нет в Белградском списке и прославления греческого «языка», давшего миру апостолов, патриархов, мучеников и прочих святых. Значительно сокращено в этих списках и обширное послесловие жития Пейо, в котором он с наивным дидактизмом проповедует необходимость соблюдения поста. В целом заключение не обладает существенной историко-литературной ценностью: оно походит на сотни других христианских проповедей. В нем имеется лишь одно любопытное место, где Пейо в замаскированной форме осуждает турецкие насилия над славянами. Книжник проводит мысль о том, что в священном писании нигде не говорится: «царствуйте и господствуйте, и обладайте людьми» (л. 172 об.), тем самым подчеркивая незаконность турецкого господства.

²⁴ Ср. Евангелие от Матфея, гл. VII, 13—14.

²⁵ Нифонт занимал патриарший престол дважды: в 1486—1489 гг. и в 1497—1498 гг. Впав в немилость у турецкого султана, патриарх был заточен в Одрине, откуда его вызволил валашский воевода Радул IV для устройства местной церкви. А в результате недоразумений с воеводой Нифонт был вынужден покинуть Валахию и перебраться вначале в Македонию, а затем на Афон, где и умер. См. Афонский патерик, ч. 2. СПб., 1867, с. 3—28.

Послесловие написал, очевидно, также Пейо, поскольку оно завершается традиционной похвалой мученику Георгию Новому и здесь книжник снова пишет от первого лица, называя себя, как и в предисловии «невеждой», необученным «умным тонкостям».

В Софийских списках послесловие Пейо опущено полностью, повествование прерывается в них вслед за описанием смерти мученика и перечислением его добродетелей. В Белградском и Сараевском списках от послесловия осталась приблизительно одна его треть: рассказ обрывается на евангельской притче о двух разбойниках, по преданию распятых вместе с Иисусом Христом. Рассматривая особенности купюр более поздних списков сравнительно с Хилендарским № 479, можно прийти к выводу о наличии двух ветвей в истории движения текста жития Георгия Нового. В первой ветви (Белградский и Сараевский списки) заметна тенденция к сохранению всего текста произведения софийского книжника, включая предисловие и заключение. Это объясняется, с одной стороны, спецификой содержания предисловия, представлявшего значительный интерес для югославянских книжников: известия о битве на Косовом поле, князе Лазаре, Георгии Бранковиче, а с другой — эта ветвь является хронологически более старой и нравоучительное заключение жития тогда еще не утратило своего звучания. Вторая ветвь, представленная Софийскими списками, иллюстрирует иную тенденцию в истории движения текста памятника. Болгарские книжники опускали предисловие жития, исключая материал, не имеющий прямого отношения к национальной истории, да и к мученичеству главного героя повествования. Можно предположить, что протограф Софийских списков создавался в демократической среде, так как в нем было сокращено и пространное послесловие религиозно-назидательного характера.

Рильский список представляет собой краткую проложную редакцию жития.

Рассмотрим подробно ее содержание. Как и следовало ожидать, проложное житие имеет более лаконичный, упрощенный характер изложения фактов, по сравнению с пространной редакцией памятника. Обширное вступление Пейо в нем полностью опущено. Повествование начинается с описания места рождения и детских лет Георгия. После смерти родителей (в пространной редакции — после смерти своего отца Дмитрия) юноша перебирается в Софию, где надеется использовать свое искусство «художества среброкузничьского» (в пространной — «хитрость кузничьская»). В проложной редакции не упоминается, что юноша бежал из Кратова, опасаясь набора в турецкий янычарский корпус, ничего не говорится и о том, что он остановился в Софии в доме священника Пейо. Опущены почти все диалоги главного героя жития с турецким судьей и толпой мусульман, полная внутреннего драматизма сцена душевных колебаний Георгия в тюрьме накануне казни и т. д. В целом краткая редакция представляет меньший интерес с литературно-эстетической точки зрения, чем пространная. В ней исчезло все то, что придает живость и пластичность рассказу Пейо: обилие монологов, эмоциональность повествования и полемический накал, выгодно отличающие произведение софийского книжника от традиционных житий.

При сопоставлении текстов краткой и пространной редакций жития Георгия легко выявляются текстуальные схождения. Например, эпизод, в котором озверевшая турецкая толпа принуждает судью вынести смертный приговор мученику и с побоями влечет Георгия к месту сожжения, передан составителем краткой редакции почти без изменений. Сравним:

*Хилендарский список № 479**Рильский список*

Судиа глагола: азъ верую сихъ множество, паче тебе единого, и понеже не отврѣжешисе Христа, достоинъ еси съмръти. И къ народу вадешому на нь рече: Грех его на всъ и на душахъ вашихъ да будетъ: яко же хотите сътворите о нем. Они же устрѣмишеся на нь, яко вльци растрѣгнути агньца. И ови убо за ланиту ударающе, ови плююще на нь, и ини потезающе семо и онамо. И тако свезавыше ему руде наопеть, и за вию его ужемъ железном, и проведоше его скрозе въсе трѣжище. И проповедникъ ихъ предъ всеми въпиаше крещькимъ гласомъ: гредете въси, иже нашей вере хранителие, и несете дровие да съжежемъ сего, иже законъ нашъ похулившаго и Христа не хотеца отврѣщисе (л. 164—164 об.)

Сиа слышавъ, судиа рече: грехъ его на вас и на чедехъ вашихъ якоже хотите сътворити о нем. Они же устрѣмишеся на нь, якоже вльци растрѣгнути агньца Христова. И свезаше ему руде наопеть, и проведше скрозе въсе трѣжище. И проповедникъ въпиаше: снесете дровие да съжезем сего, иже законъ нашъ похуливша и Христа не хотеца отврѣстисе (с. 291)²⁶.

Без изменений передан и своеобразный житийный «портрет» Георгия, который обрисовал Пейо в пространной редакции: юноша ладен и строен, продолговатое лицо обрамляют светлые волосы; тонкие удлинённые пальцы и густые изогнутые брови придают его красоте утонченность²⁷. Сравним:

*Хилендарский список № 479**Рильский список*

Беше же съи мученикъ летом 18-тиим, възором же тънькъ и высокъ, нарусичавъ образомъ подльгновать, вежди възвишени и густы, носъ похиль, пръсти ручьныи тъньци и длъзи. Обычаемъ же смерень и препрость и въсехъ предварааше поклонениемъ, и всакого господословеша позиваниемъ. И никогда же въсмеасе безъ разума, ниже изыде слово правдно и неподобно изъ усть его. (л. 171 об.— 172).

Бе же по телесному видению, тънькъ и високъ възратомъ, сухонявъ образъ имее дльговат, пръсти тънки, длъгы, нарусичавъ. Обычаемъ же смерень, мльчальивъ, кротькъ. И никогда въсмиясе безъ разума, и никогда изыде изъ усть его слово скврвно. Беше летом 18. (с. 171).

Приведенные параллели показывают, что составитель краткой редакции воспользовался текстом пространной. Кто же был этот книжник? Надо сказать, что издатели Рильского списка, А. И. Яцимирский и Ст. Станмиров, не касались авторства краткой редакции. Впервые эту проблему затронул П. Динев, проанализировавший текст Рильского списка. На основании сходства композиции, языка и стиля пространной и краткой редакций ученый сделал вывод, что автором последней являлся священник Пейо²⁸.

Мы придерживаемся несколько иной точки зрения. В средние века компиляция была привычным делом для большинства литераторов. По на-

²⁶ Цитируем по изданию А. И. Яцимирского, в скобках указываем с. издания.

²⁷ Любопытно, что Пейо перечисляет те же элементы «инвентарной описи» мужского портрета, что и византийские писатели в прошлом, например, Михаил Пселл (XI в.) в своей «Хронографии». См. Я. И. Л ю б а р с к и й. Внешний облик героев Михаила Пселла. В сб. Византийская литература. М., 1974, с. 247.

²⁸ П. Д и н е в. Софийски книжовници през XVI век. София, 1939, с. 78.

блюдению Д. С. Лихачева, в древнерусской литературе «перенос из произведения в другое образов, мыслей, отдельных кусков текста, создание новых произведений на основе предшествующих были постоянными»²⁹. Это наблюдение верно и для древнеболгарской литературы, тем более, что речь идет не о каких-нибудь различных произведениях, а о двух редакциях жития.

На наш взгляд, принципиальную важность здесь имеет выявление не параллелей, а расхождений. Как уже отмечалось выше, в краткой редакции сообщается о смерти обоих родителей Георгия: а не только отца, как в пространной. И это не единственное различие. В Рильском списке появился новый эпизод, рассказывающий о том как к Георгию в тюрьму приходят мусульманские священнослужители, уговаривая его отуречиться: «И по сихь (после беседы юноши с Пейо. — *И. К.*) приходит к нему техь ереси начельныкы и многими прещеными и ласканьми покушають того отвьрщисе от Христа, и не послуша их.» (с. 169). В пространной редакции турки уговаривают юношу перейти в ислам не в тюрьме, а, по-видимому, в здании суда: «мухаметови иерене множество... того (Георгия. — *И. К.*) изь тьмнице изводить. И что подобаеть рещи, колико ухыщренньные глаголы или колико прещения наведоша на нь и ничтоже желаемо получитьи възмогеше, и паки затваряють его в тьмницу». (л. 159).

Иначе в краткой редакции передано и похищение останков мученика. В пространном варианте жития Пейо обращается к судье с просьбой дать ему стражников, чтобы усмирить разбушевавшуюся турецкую толпу и забрать из пещелица останки Георгия. Судья однако не в силах чем-нибудь помочь и советует Пейо смиренно испросить мощи мученика у собравшихся на месте казни мусульман. Книжник так и поступает: умоляет турецкую толпу, обещает вознаграждение и, получив отказ, организует похищение, заплатив несколько «сребрьниц» христианину, который согласился осуществить эту небезопасную операцию. В краткой же редакции инициатором похищения выступает не Пейо, а по сути дела, турецкий судья. Именно он подсказывает христианам идею тайком забрать тело Георгия ночью (л. 171), причем его слова обращены не к книжнику как в пространной редакции, а к делегации христиан.

Появился в краткой редакции и новый эпизод, рассказывающий о канонизации Георгия. Она произошла не сразу после погребения мученика в храме св. Марины, а спустя некоторое время. Георгий неоднократно является во сне одному из клириков храма, внушая ему мысль о том, что он должен быть захоронен как подобает святому. Церковный клир поэтому решает извлечь тело юноши из могилы и торжественно захоронить в раке.

Еще одно важное отличие краткой редакции от пространной указано болгарским исследователем В. Сл. Киселковым. В Рильском списке говорится, что Георгий пострадал 11 февраля 1515 г., в то время как из пространной редакции известно, что в тот день состоялось погребение, а само сожжение произошло 10 февраля³⁰. Эти фактические расхождения между двумя редакциями, привели нас к заключению, что краткое проложное житие было написано не Пейо, а каким-то безымянным болгарским книжником. Создание этой редакции, по-видимому, следует отнести к концу XVI — началу XVII в., когда страна испытывала подъем национально-освободительного движения, вылившегося в антитурецкое восстание 1598 г. Именно в этот период обостряется интерес к национальным мученикам, пострадавшим от турецких насилий и создаются первые изображения

²⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Текстология. М.— Л., 1962, с. 242.

³⁰ В. С. л. К и с е л к о в. Проуки и очерти по старьбългарска литература. София, 1956, с. 342.

Георгия Нового и Николы Софийского в Куриловском и Сеславском монастырях³¹.

В Эленском списке читается особая краткая редакция жития, которую можно назвать дамаскинской. Она несет на себе печать творческого подхода составителей дамаскинов к включаемым в эти сборники материалам. В XVII в. содержание дамаскинов не ограничивалось проповедями греческого проповедника Дамаскина Студита, по имени которого они получили свое название. В них включались произведения староболгарских писателей, перерабатывавшиеся в соответствии с эволюцией литературно-эстетических взглядов книжников и меняющихся вкусов читателей.

К сожалению, текст Эленского списка полностью не уцелел. Первый лист рукописи с началом жития утрачен. Повествование начинается с того момента, когда турецкий судья пытается обратить Георгия в ислам, обещая сделать его своим наследником.

Анализ сохранившейся части текста показывает, что создатель Эленского списка несомненно использовал краткое проложное житие Георгия. Протограф Эленского и Рильского списка явно был общим. Сравним:

Рильский список

Эленский список

Сцена беседы Пейо с Георгием в тюрьме

Иту приходит неки к нему священникъ града того и умоляеть тъмничнаго стража, еже проглаголати с нимъ, понеже любимъ ему беше. И сие получивъ, утврѣждаетъ того словеси благыми (с. 169).

И ту приходит к нему един от священник града того, и молбою умъздив темничнаго стража, еже проглаголати с нимъ, понеже любим бе ему. И сие получив, утврѣждает его словеси благыми (с. 276)³²

Пейо наставляет Георгия перед смертью

Ведому же ему, явисе ему пришьди прежде в тъмници и глагола ему: Претръпи, брате, въмале дньсь да в веки с Христомъ ликуеши. Он же глагола: Моли господа, яко да укрепить ме (с. 170).

Водиму же ему, яви се ему предреченны священник и проглаголав ему издаличе страха ради нечъстивих: Претръпи, брате, в мале днесъ, да в веки с Христом ликуеши. Он же отрек: Моли господа, яко да укрепит ме (с. 277).

Почти полностью текстуально совпадают в двух списках эпизод с приходом агарян к Георгию в тюрьму, сцена издевательства над мучеником и призыв к его сожжению турецкого проповедника, житийный портрет Георгия и некоторые другие места.

Не вызывает сомнений, что составитель дамаскинской редакции знал и использовал также и произведение Пейо. По сравнению с рильским книжником, он более точно передает отдельные места из жития Георгия и приводит данные, которые отсутствуют в Рильском списке, но имеются в пространной редакции. Так, например, одно из «ухищрений» турок Георгий парирует евангельской цитатой: «Нест рекл тако Христос бог мой, якоже, ты глаголеши, нъ сице рекъл ест: «Иже исповест ме пред человеки,

³¹ В. П а н д у р с к и. Куриловский монастырь. София, 1975, с. 11, 12.

³² Здесь и далее цитируем текст Эленского списка по изданию Б. Ст. Ангелова. В скобках в тексте указываем с. издания.

исповем и аз его пред отцем моим, иже ест на небесах, а отвъргии се мене пред человеку, отвъргу се и аз его пред отцем моим, иже ест на небесех»³³ (с. 278). Эта фраза взята из жития Пейо — в проложном она отсутствует. Сравним и сцены кончины Георгия в трех списках:

Хилендарский список
№ 479

И даже до трищи въревающе и от огня паки възимающе, и видеваше, яко ничтоже успети възмогоше, коньчье же его въврьгоше посреде огня. И тако леже на огни възнакъ простръгъ къ востоку, и прегоревшии уза на руках его. И въздвиже десную руку свою, знаменаше се крестаобразно и възъиши велиемъ гласом: «Господи, Иисусе Христе, въ руке твоеи предаю дух мой!» И слышавше же сиа они, и поемъ единъ от нихъ древо велие, ударивъ его в главу, и тако испустивъ духъ (л. 168).

Рильский список

И даже до третицею въревающе и изревающе, и видеше, яко ни прещеныи огня, ни маловременним богатьствомъ, не възмогоше отръгнути от любви Христови коньчье же въврьгоше посреде скради огньней. И тако леже на огни възнакъ к востоку и прегоревеза на руках его. И тако въздвигъ десную руку и сътвори на себе крестное знамение, и преда духъ Христови... (с. 170).

Эленский список

И даже до трижди въревающе и изривающе. И видеваше, яко ничто успети могут и любве Христови никаккоже отръгнути могут, конечно въврьгоше его посреде огня. И сие прилучи се, яко от востока пасти ему вознакъ, посреде скраде оной и посреде зельнаго пламене зреше се леже, прегоревши же съи узы, иже на руке его. И тако въздвигъ десную свою руку и знаменав се крестаобразно, с гласом и духъ испустив, възупив... яко въсем предстоющимъ слышати: «Господи Иисусе Христе, боже мой, приими дух мой!» (с. 278).

Наше сопоставление показывает, что в данном случае Эленский список стоит ближе к пространной редакции, чем к проложной. О близости Эленского списка к житию Пейо говорит и сцена, в которой описывается, с каким остервенением турецкая толпа старается обратить тело Георгия в прах: «Сиа же яко видеваше и слышавше мучителие, утеком тамо сътицаху се, дровие възметающе. И не довлеще им дровие, беззаконим и нечестивим, нъ и дъскы от окол христианьскихъ възхищающе, възметаху на огн, еже в конецъ съжещи и прахъ сътворити» (с. 278).

Более точно, с точки зрения логики и содержания пространной редакции переданы в Эленском списке и обстоятельства похищения останков Георгия. На просьбу священника (Пейо) о погребении тела мученика по христианскому обычаю судья отвечает уклончиво, опасаясь реакции фанатичных мусульман: «Аще можещи от начелник наших приступити, възми, от мене не имаше ничесоже. Тъчию блюди се яко не имам ти что сътворити». (с. 278).

В произведении Пейо жители Софии получают тело Георгия с помощью хитрости. Ночью, когда стражники у костра заснули, безымянный христианин, которому Пейо посулил вознаграждение, выкрал останки мученика и спрятал их у себя во дворе. Доставить драгоценную ношу к Пейо он не рискнул, боясь встречи с ночной стражей. Утром, как только забрезжил рассвет, один из софийских священников, по имени Иоанн, решил

³³ Евангелие от Матфея, гл. 32—33; от Луки, гл. XII, 10—11.¹

пойти взглянуть, не осталось ли чего-нибудь в костре, и не обнаружил в нем никаких признаков останков Георгия. Вспомнив про христианина, обещавшего похитить тело юноши, он заходит к нему и с радостью убеждается, что тот сдержал свое слово. Появляться в городе днем с подозрительной ношей было еще опаснее, чем ночью, и поэтому христианин, как бы между прочим, предложил Иоанну отнести тело юноши к Пейо самому. Тот охотно соглашается и вначале скрывает останки мученика у себя в церкви, а затем, связавшись с Пейо, переправляет их в храм св. Марины. Но даже после этого софийский клир не осмеливается совершить торжественный ритуал их захоронения. Тогда Пейо прибегает к уловке. Он объявляет турецкому судье, что придя в соборный храм обнаружил в нем тело Георгия. В свою очередь, дежурившие у костра турецкие стражники, которым грозило наказание за плохое несение службы (заснули на посту) распространяют небылицы о загадочном исчезновении тела мученика: «Мы стояхом и седехомь и накладохом дровие на нь — вьнезапу невидимь бысть» (л. 171 об.). Судье не остается ничего другого, как дать согласие на погребение.

В общих чертах, хотя и в более лаконичной, упрощенной форме этот эпизод сохранен в Эленской редакции. Правда, книжник передает его несколько иначе. Ему, очевидно, не понравилось, что безымянный христианин, похитивший тело Георгия, жил в доме одного из «агарян» и он «превращает» похитителя в торговца бозой (популярного национального напитка), чья лавка находилась неподалеку от места казни Георгия. Этот христианин, по словам составителя Эленской редакции, попросил Пейо дать ему в помощь человека с «вретищем» (мешком) и книжник останавливает свой выбор на священнике Иоанне. В пространной редакции последний действует по своей инициативе, а «вретище» принадлежит самому похитителю.

Переработка этого эпизода иллюстрирует приемы составителей дамаскинов, свободно относившихся к текстам, включаемых в сборники произведений. Они переиначивали сочинения староболгарских авторов, старались, чтобы эти сочинения зазвучали по-новому, изменяя с этой целью их язык, вставляя собственные комментарии, вводя новые персонажи, придумывая новые эпизоды. Жарко пылающий костер составитель Эленской редакции сравнивает с «пещью халдейской», от гула турецкой толпы сотрясается воздух («гласы и вьпыл въздух биюще»), Георгия из костра извлекает подоспевший «яничарин», чтобы еще раз попытаться обратить мученика в ислам — все это лишь малая толика тех новых элементов, вводя которые составитель Эленской редакции стремился «оживить» повествование.

Наиболее ярко творческое начало в дамаскинской редакции проявилось в двух новых эпизодах: в разговоре Георгия с ведущим его на казнь «персенином» и появлении у костра сына судьи. В первом из них турок запугивает мученика предстоящей пыткой и советуя ему отступить от веры, пока еще его упрасивают и предлагают дары. Георгий раздражается длинной тирадой, называет «агарян» слепыми, неспособными постичь суть божества, упрекает их в том, что они провозгласили своим пророком Магомета — человека, подверженного всем человеческим страстям, и изъявляет радость при виде огня, который перенесет его в «царство небесное».

В то время как первый эпизод для агиографии традиционен и напоминает аналогичные встречающиеся в житиях эпизоды — второй «беллетризован» и свидетельствует о появлении в болгарской литературе XVII в. новых веяний, накладывающих свой отпечаток даже на строго регламентированные агиографические произведения. Фантазия книжника рисует картину появления сына судьи у костра в тот момент, когда к нему под-

водят обнаженного Георгия. Молодой турок приближается на великолепном коне. Книжник восхищенно описывает красивую конскую сбрую, расшитые серебром и золотом одежды и драгоценное оружие гонца: «и многоценне хаздеи, злата блистае се, и пояс его велии серебром и златом пресиающе, тюльбенть велии на главе ими» (л. 277). Не слезая с коня, сын судьи обращается к мученику с речью. По его словам, он послан своим отцом, чтобы еще раз повторить его волю: судья готов сделать Георгия своим приемным сыном и наследником всего состояния; если Георгий согласится отуречиться, он здесь же, при стечении всего народа, отдаст ему коня, одежды и оружие и отпустит на все четыре стороны. Но Георгий непреклонен и посрамленный турок, пришпорив коня, поспешно ретируется, не забыв отдать приказ о немедленной казни мученика.

Эта сцена проникнута глубоким психологизмом. Автор дамаскинской редакции тонко прослеживает смену настроений сына судьи, используя приемы «сильной» детали, придающие повествованию большую психологическую убедительность.

В Эленском списке имеется один факт, еще не получивший в науке должного объяснения. В нем указывается, что Георгий пострадал не 11 февраля 1515 г., как в других южнославянских рукописях, а 26 мая 1515 г. Число и месяц мучения Георгия совпадает с указанием русского жития новгородского пресвитера Ильи. Правда, год в произведении новгородца приводится другой: 1514. Можно предположить, что составителю дамаскинской редакции попал в руки московский старопечатный пролог с русским житием Георгия (русские рукописные материалы о софийском мученике в Болгарии отсутствуют, в то время как старопечатные прологи имеются в большом количестве). Однако в Эленской редакции нет никаких следов использования русского произведения о Георгии. Кроме того, первый старопечатный пролог с таким житием был издан в Москве лишь в 1643 г.³⁴, а Б. Ст. Ангелов по палеографическим особенностям датирует Эленский список 30-ми годами XVII в.³⁵ Вопрос о появлении «русской» даты в Эленском дамаскине, следовательно, остается открытым.

Таким образом, текст южнославянского жития Георгия Нового на протяжении XVI—XVIII вв. претерпевал существенные изменения: книжники сокращали произведение Пейо, опуская не соответствующие духу времени вступление и заключение, создавали новые редакции, вносили в них новые элементы, «оживляли» повествование вымышленными персонажами и придуманными ими эпизодами. И это вполне естественно — жизнь произведения Пейо протекала в русле художественных измерений, обычных для всего средневекового мира.

Когда данная статья была в печати, мы, благодаря любезности старшего научного сотрудника отдела рукописей ГБЛ Н. Б. Тихомирова, ознакомились с оттиском работы югославского проф. Д. Богдановича «Житије Георгија Краговца», опубликованной в «Зборника историје књижевности», кн. 10 за 1976 г. (в библиотеки СССР это издание еще не поступило). Статья Д. Богдановича посвящена истории текста пространной редакции памятника. Предложенная исследователем схема взаимоотношений списков жития в целом совпадает с нашими наблюдениями. Подтвердились и наши сомнения в отношении датировки некоторых списков. Так, например, проверка Эленского списка по водяным знакам показала, что он относится к началу XVIII в. Рильский список следует датировать концом XVI в.

³⁴ С е р г и й. Полный месяцеслов Востока, т. I. М., 1875, с. 287.

³⁵ Б. Ст. Ангелов. Там же, с. 269.

Э. И. ЗЕЛЕНИНА

ТЕРМИНОЛОГИЯ ТКАЧЕСТВА В БАЛКАНСКИХ ГОВОРАХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ СООТНОШЕНИИ С ЛИТЕРАТУРНОЙ

Балканские говоры, по мнению исследователей, сыграли в свое время важную роль в формировании болгарского литературного языка. Основой для этого послужило бурное экономическое развитие районов, прилегающих к Балканским горам. Задача исследователей состоит в том, чтобы точнее определить область, диалект, который лег в основу болгарского литературного языка¹. Изучение лексики балканских говоров, несомненно, способствует решению этой задачи. В данной статье рассматривается вопрос о возможном влиянии народной балканской терминологии ткачества на формирование болгарской литературной текстильной терминологии.

Область Болгарии, включающая в себя города Сливен и Котел с прилегающими к ним селами, издавна славилась производством высококачественных шерстяных и шелковых тканей². В первой половине прошлого века эта отрасль домашнего хозяйства достигла такого расцвета, что постепенно переросла в промышленное производство. Именно в г. Сливене, одном из значительных центров текстильного производства, в 1836 г. была открыта первая в Болгарии и вообще в балканских владениях Османской империи крупная для того времени текстильная фабрика, просуществовавшая до конца XIX в.³ На первых порах промышленное производство базировалось на технологии домашнего ткачества⁴. Надо полагать, что и

¹ О сказанном см. Л. А н д р е й ч и н. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето възрождение. «Български език», 1955, кн. 4, с. 313; С т. С т о й к о в. Българска диалектология. София, 1968, с. 40—41; Г. К. В е н е д и к т о в. Диалектна основа на българското литературно език и българското книгопечатане в епохата на възрождението. «Вопросы языкознания», 1971, № 4, с. 73—89; М. С л. М л а д е н о в. За отношенията между книжовната и диалектната лексика на българския език (предварительные замечания). «Prace językoznawcze», z. 41. Warszawa — Kraków, 1974, s. 7.

² М. В е л е в а, В. В е н е д и к о в а. Тъкани и тъкачни техники от югоизточна и северозападна България. София, 1967, с. 7—9. В этой книге находим ценный материал по терминологии ткачества в балканских говорах (районы Сливена, Котела и Ямбoла).

³ Об этом и подробно о развитии текстильного производства в Болгарии в XIX в. см. Н. Т о д о р о в. Балканският град XV—XIX в. София, 1972, с. 197—210, 267—295. Н. Тодоров указывает и два других значительных центра текстильного производства — Пловдив и Самоков. Менее значительными текстильными центрами были Котел и Жервна. В 1848 г. в окрестностях Пловдива была открыта вторая фабрика, но это было небольшое частное предприятие, просуществовавшее лишь до освобождения Болгарии от турецкого ига.

⁴ Н. Т о д о р о в. Сведения за технологията на сливенските текстилни изделия от 30-те години на XIX в. СБНУ, кн. 50, 1963, с. 405—409.

народная терминология ткачества стала применяться в промышленном производстве.

Исходя из вышесказанного, целесообразно провести сопоставление народной балканской терминологии ткачества с литературной текстильной терминологией и тем самым получить ответ на поставленный вопрос.

Первую известную нам фиксацию болгарской ткаческой терминологии находим в книге Г. Раковского⁵. Однако эту терминологию нельзя считать литературной, так как книга была напечатана в 1859 г., т. е. задолго до окончательного установления норм болгарского литературного языка (последние два десятилетия XIX в.⁶). Народная терминология, приводимая Г. Раковским, в основе своей балканская⁷ и представляет собой ценный материал по балканским говорам середины XIX в.

Даваемая в тематическом русско-болгарском словаре⁸ болгарская текстильная терминология насчитывает всего 160 терминов (без повторов). Среди них есть термины, не имеющие прямого отношения к ткачеству, как например: опаковам, налепвам етикети, събирам, сгъвам и др. (с.352—353). В то же время отсутствуют такие важные термины, как названия основных ткаческих техник, их комбинаций, видов тканей, терминов, связанных с окраской тканей. Более полную фиксацию болгарской текстильной терминологии находим в «Болгарско-русском политехническом словаре» (около 200 терминов)⁹. Однако в нем преобладают термины, связанные с технологией современного текстильного производства, названия видов тканей, являющиеся в большинстве случаев сравнительно поздними заимствованиями преимущественно из русского и французского, а также из других языков. Та часть болгарской текстильной терминологии, которая, как можно предположить вошла в нее из народных говоров, т. е. лексика, связанная с домашним ткачеством, наиболее полно и компактно представлена все же в тематическом словаре. Ткаческие термины как литературные слова входят в словари болгарского литературного языка (названия ткацкого станка, его частей, отдельных ткаческих процессов, изделий и др.). Кроме того, литературную ткаческую терминологию можно наблюдать в языке авторов этнографических описаний.

В текстильной терминологии, приводимой в тематическом словаре, содержится около 60 терминов, вошедших в нее, как можно предположить, из народных говоров. Это слова, связанные с текстильным сырьем: памук, памучен, лен, лепен, коноп, конопен, вълна¹⁰, вълнен, коприна, копринен; с обработкой шерсти: запарвам, прана, непрана, разчепкам, разчесвам, разчесване или чесане, дарак¹¹; с прядением: преда, изпреда, предене, прежда, изгънявам, суча или усуквам, сучене или усукване, пресуквам, пресукване, пресукана, вретено, прешлен, хурка, дреб¹², мото-

⁵ Г. Раковски. Показалец или ръководство как да се изискват и издирят най-стари черти нашего бытия... Одесса, 1859, с. 82—87.

⁶ Л. Андрейчин. Специфични моменти и особености при формирането на съвременния български книжовен език. «Български език», 1969, кн. 1, с. 17.

⁷ Г. Раковский (1821—1867) родился в г. Котеле, и в своей книге он описывает бычай и быт родного края.

⁸ К. Бабов, А. Въргулев. Тематичен руско-български речник. София, 1961. с. 349—353.

⁹ «Болгарско-русский политехнический словарь». М., 1968. См. также «Руско-български политехнически речник». София, 1976.

¹⁰ вълна 'шерсть (любая)', а в изучаемых говорах — только 'овечья шерсть'.

¹¹ дарак 'чесальная машина', а в говорах — 1. 'гребень для чесания шерсти'; 2. 'чесальная машина'.

¹² дреб 'кудель', а в изучаемых говорах — 'кудель из шерсти второго сорта', что ближе к значениям, которые даются в БТР («Български тълювен речник», трето издание. София, 1973): 1. 'отходы от шерсти, льна, конопля', 2. 'низкосортная шерсть'; в политехническом словаре: 'очес', ~ кълчищен 'пакля', ~ очукам 'кудель'.

вилка, намотавам, навивам, чекрък или родан; с ткачеством: тъка, изтъка, тъкан или плат, тъкане, тъкачен стан, кросно, совалка, ватъл, бърдо, гребен, основа, вътък, нишка или жичка или прежда, валяне или тепане, валям или тепам.

Все перечисленные термины, за исключением трех (гребен, родан и тепам) находим в изучаемых нами балканских говорах: 1) *памѹк* Кор. Тв. I, Ж¹³, *памѹчен* Ж., *лен* Кор. Тв. I, Ж., *лѣнен* Тв. II, Кирс., *кунѹп* Кир. Тв. II, Кирс., *кунѹп'ан* Кир. Тв. II, *кунѹпен* Кирс., *вѣлна* Кор. Тв. I, *вѣл'на* Ж., *вѣлн'ан* Кор. Тв. I, *вѣл'нен* Ж., *купрѹйна* Кор., Тв. I, Ж., *купрѹин'ан* Кор. Тв. I, *купрѹинен* Ж.; 2) *пър'а* Тв. I, *пупървам* Ж., *пупър'а* Кор., *перѹ* Кор. Тв. I, *перѹ* Ж., *чѣпкам* Кор. Тв. I, Ж., *исчѣпкам* Кор., *чѣша*, *вчѣша* Тв. II, *дарѹк* Кор. Тв. I, Ж., 3) *пр'адѹ* Кор., *предѹ* Тв. I, *предѹ* Ж., *испредѹ* Тв. I, *прѣдени* с. Кор., *упрѣдину* Кор., *прѣжда* Кор. Тв. I, Ж., *тѣн'а* Кир. Тв. II, *тѣн'ѣ* Кирс., *сѹча* Кор. Тв. I, Кирс., *усѹча* Тв. I, *усѹвам* Кир. Тв. II, *пресѹкана* Кор. Ж., *врѣтѣну* Кор. Тв. I, *врѣтѣну* Ж., *прѣшлен* Кор. Ж., *ѹрка* Кор., Тв. I, *фѹрка* Ж., *дрѣп* Кор. Тв. II, Кирс., *мутуѹлка* Кор. Тв. I, Ж., *мутѹйа* Кор. Тв. I, Ж., *навивам* Кир. Тв. II, Кирс., *чекрък* Кор. Тв. I, Ж.; 4) *такѹ* Кор., Тв. I, *тѣкѹ* Ж., *тѹкѹн*, *-а*, *-у* прич. Кор., *тѹкан* Тв. I, *тѹкѹн* Ж., *такѹне* с. Кор., *истѹкѹ* Тв. I, *истакѹну* Кор., *затѹкѹ* Тв. I, *затѹкѹ* Ж., *тѹкан* ж. Кор., *плат*. Кор. Тв. I, Ж., *стан* Кор. Тв. I, Ж., *крусно* Кор. Тв. I, Ж., *суфѹлка* Кор., *сѹѹлка* Тв. I, *суѹлка* Ж., *вѹтали* Кор. Тв. I, Ж., *бърду* Кор. Тв. I, *брѹду* Ж., *уснѹва* Кор. Тв. I, Ж., *вѹтък* Кор. Тв. I, Ж., *жѹчка* Кор., Тв. I, *нѹшка* Ж., *вѹл'ам* Кор. Тв. I, Ж.

Термин гребен в тематическом словаре дается со значением 'гребенка' — часть ткацкого станка, а в политехническом словаре — со значением 'гребень; мыканица' — орудия для чесания льна и пеньки. В словарях литературного языка таких значений у этого слова нет. В РСБКЕ¹⁴ наряду с другими значениями дается диалектное значение 'бердо'. Ср. также *грѣбен* 'бердо' (Родопский словарь — БДПМ — «Българска диалектология. Проучвания и материяли», II, 147). Как название орудия для чесания оно встречается в западноболгарских говорах, ср. *грѣбен* м. 'орудие с зубьями для расчесывания конопляного волокна' (северо-западные говоры — «Български етимологичен речник», т. I, с. 277), *грѣбенци* мн. 'орудие для домашнего чесания шерсти и конопли' (кюстендилский говор — «Трудове по българска диалектология», т. 1, с. 219), *грѣбенѹ* м. 'станок для чесания механический и ручной' (самоковский говор — БДПМ, III, 209). Видимо, в литературную терминологию слово гребен вошло из западноболгарских говоров.

Слово родан дается в тематическом словаре как второй вариант названия мотального колеса после чекрък. В других словарях оно дается с пометой *обл.* (БТР, 795) и *диал.* (М. Филипова-Байрова. Гръцки заемки в съвременния български език, 149—Хасково, Родопа) и толкуется при помощи слова чекрък. М. Младенов относит его также к числу диалектизмов¹⁵. Таким образом, оно не является литературным. Тем более, что в политехническом словаре находим только чекрък.

¹³ В данной статье мы опираемся в основном на материал балканских говоров Болгарии (Кортен сокращенно Кор, Твърдица — Тв. I, Жеравна — Ж. Сливенского округа), собранный в 1972 г. Материал говоров переселенцев из указанных пунктов (Кирютня — Кир., Твардица — Тв. II, Кирсово — Кирс. МССР), собранный в 1967—1969, 1972 г., приводится лишь в тех случаях, когда отсутствует материал из Болгарии. Учитываются также печатные материалы по языку городов Сливена и Котела.

¹⁴ «Речник на съвременния български книжовен език», т. I—III. София, 1955—1959.

¹⁵ М. Сл. М л а д е н о в. Там же, с. 11.

Слово *тепам* в тематическом словаре также дается как второй вариант термина со значением 'валять (ткань)' после слова *валям*. В БТР (с. 907) оно дается наряду с *валям* (с. 68) без особых помет. Важно заметить, что слово *тепáвица* 'валяльня', производное от *тепам* дано в БТР и РСБКЕ как литературное, а слово *валявица*, производное от *валям*, дается с пометой *обл.* в БТР и *диал.* в РСБКЕ и толкуется при помощи слова *тепáвица*. Оно по сведениям Хр. Вакарелского, распространено в западной Болгарии¹⁶. *Тепам* распространено, как можно судить по имеющимся у нас данным, также в западной Болгарии¹⁷. Хотя в указанной книге М. Велевой и В. Венедиковой находим «*тѣпане* или *вляяне*» (с. 79), что указывает на его известность и в районах Сливена, Котела и Ямбола. Слово *тепáвица* употребляется в изучаемых нами говорах как новое (ср. *тепáвица* Кор.)¹⁸, а старым является слово *долáп* (ср. *дулáп* Кор.), от которого образовано и слово *долáпчйя* (ср. *дулáпчйя* Кор.) 'валяльщик'. У М. Велевой находим «*тепáвици* или *долáпи*» (Там же, с. 79). Таким образом, в литературной текстильной терминологии находим два лексических варианта *вáлям* и *тѣпам*, первый из которых вошел в нее, по всей вероятности, из балканских говоров, а второй — из западноболгарских, соответственно и термин *тепáвица*. В политехническом словаре находим только один из вариантов — глагол *тѣпам* и образованные от него существительные: *тепáвица* (произв. *тепавичáр*) и *тѣпане*.

Недостающие в тематическом словаре ткаческие термины находим в «Български тълковен речник» (БТР): *грѣсти* мн. 'конопля'; *паздѣр* м. 'кострика'; *кълчúща* мн. 'конопляное волокно'; *кбзина* ж. 'козья шерсть'; *къдѣля* ж. 'кудель'; *повѣсмó* и *повя́смó* ср. 'количество чесаной шерсти и др., необходимое для однократного привязывания к прялке'¹⁹; *влáча* гл. нсв. 4. 'чесать шерсть на ребре или на машине'; *мъна* гл. нсв. 'отделять волокно льна или конопли от кострики'; *мъна́лка* ж. 'орудие для мятья' (ср. *мѣлица* ж. нар. то же); *кълбб* ср. 'клубок пряжи, ниток'; *грáнка* ж. 'моток пряжи, шнура, и др.'; *пáсмó* ср. 'моток пряжи'; *чилé* ср. [тур.] 'длинный моток пряжи или ниток'; *сновá* гл. нсв. 'подготавливать основу для тканья'; *ни́целки* мн. (*ни́целка* ж.) спец. 'прибор ткацкого станка, который дергает вверх и вниз нити основы и заплетает уток'; *цеп* м. 'плоская палочка, вставляемая между нитями основы в процессе тканья'; *разбб́й* м. 'ткацкий станок'; лит. прил. 1. 'о ткани; неплотный, тонкий и редкий'²⁰; *четвóрен* прил. 'о полотне, тканом на четырех нитях при двойной основе'; *платнó*, ср. 1. 'тонкая ткань из хлопка, льна, конопли, шелка, обычно домашнего изготовления'; *чаршáф* м. [пер.-тур.] 'полотно, служащее постилкой на кровать, стол'; *абá* ж. [ар.-тур.] 1. 'грубая домашняя шерстяная ткань'; *балó*; *шяяк*²¹; *шя́як* м. [тур] 'грубая шерстяная ткань; тонкая аба'; *чѣрга* ж. [от лат.] 1. 'грубая домотканая материя, служащая покрывалом или пос-

¹⁶ См. Хр. Вакарелски. Етнография на България. София, 1974, с. 400. Ср. также БДИМ, I, 244 (софийский говор), IV, 140 (Кюстендилско).

¹⁷ См. БДИМ, III, 280 (Самоков), 181 (Ихтиманско).

¹⁸ В указанной книге (1859) Г. Раковского встречается в языке автора *тѣвавици* (с. 86), но глагол употребляется только *валям*, ср., «да им гы увалыть» (там же).

¹⁹ В РСБКЕ слово *повя́смó* (и *повесмó*) ср. нар. дается с двумя значениями: 1. 'кудель льна или конопли'; 2. 'пряжа в количестве 16 глав, намотанная на мотовило'. В тематическом и политехническом словарях этот термин отсутствует.

²⁰ Видимо, толкование неточное. Ср. лит 'о ткани, которая ткется на двух нитях и двух подножках' (РСБКЕ). В изучаемых говорах лит прил. Кир. 'о материале, выполненном на двух нитях и двух подножках'.

²¹ Указание на *шяяк* дано ошибочно, так как *шяяк* ткется на четырех нитях и четырех подножках (ср. Добруджа. София, 1974, с. 186), а *аба* на двух нитях и двух подножках (ср. Д. К о н с т а н т и н о в. Жеравна в миналото и до днешно време. Жеравна, 1948, с. 434).

тилкой'; *кѣбе* ср. [пер.-тур.] 1. 'толстая шерстяная ткань, служащая одеялом или постилкой'; *килим* м. [пер.-тур.] 'толстая цветная ткань обычно ручной работы, которую стелят на пол, вешают на стену и др.'; *губер* м. 'килим'²²; *китен* прил. 'кудрявый'²³; *козьяк* м. 'черга из козьей шерсти'; *бойдисвам* гл. нсв. 'придавать другой цвет, окраску'; *вапсвам* гл. нсв. [от гр.] 'бойдисвам'; *писан* прил. 2. 'пестрый, красочный'; *пѣстър* прил. 1. 'в мелкий, но четко очерченный цветной рисунок, писан'; *разнищвам* се гл. возвр. 'распускаться'; *разкълчищавям* гл. нсв. 'растрепываться (о ткани)'; *порѣбвам* и *порѣбям* гл. нсв. 'обшивать или обвязывать край ткани, чтобы не распускалась'; *кенар* м. [пер.-тур.] 'кайма'; *лицѣ* 'лицо ткани'; *опако* и *опаки* 'изнанка'; *макара* ж. [ар.—тур.] 'катушка для ниток'; *аршин* м. [пер.-тур.] 'турецкая мера длины, равная 68,75 см'. Един аршин плат.; *лакът* м. 'мера длины — 1 аршин'. Изтъках трийсет лакти платно; *пѣдя* ж. 'мера длины, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем'²⁴.

Все перечисленные термины (43), за исключением трех *кѣбе*, *разбѣй* и *чилѣ* употребляются в изучаемых балканских говорах, ср. *кал'чийш* мн. Кир. Тв. II, Кирс., *калчийш'ан* прил. Кор., *коз'ана* ж. Кор. Тв. I, *кадѣлка* ж., Кор. Тв. I, *кадѣл'а* Ж., *улача* гл. нсв. Кор., *влача* Тв. I, Ж., *влачан* прич. Тв. I, *мѣна* гл. нсв. Тв. II, Кирс., *маналка* ж. Кир. Тв. II, *мѣнал'ка* Кирс. *калбб* с. Кир. Тв. II, Кирс., *гранка* ж. Кор.²⁵, *пасмо* с. Тв. I, Ж., *снуѣ* гл. нсв. Кор., Тв. I, *снуѣ* Ж., *снуѣвани* с. Кор., *снуѣни* с. Ж., *ништелки* мн. Кор. Ж., *ништалки* Тв. I, *ц'ап* м. Кор. Тв. I, Ж., *литу* с. Кор., *лит* прил. Кир., *четѣрну* с. Тв. I, *читѣр'ан* прил. Тв. II, *платно* с. Кор. Ж., *платну* Тв. II, *чаршаф* м. Кор. Тв. I, Ж., *абѣ* Ж., *шайак* м. Ж., *черга* ж. Кор. Тв. I, Ж., *килим* м. Ж., *килимчи* с. Кор., *губер* м. Ж., *китен* прил. Ж., *коз'ак* м. Кор. Тв. I, Ж., *бойдисвам* гл. нсв. Ж., *вапцувам* гл. нсв. Кор., *писан* прил. Кор., Тв. I, *пѣстър* прил. Ж., *разнищвам* са гл. нсв. Кор., *разниш'а са* гл. св. Ж., *раскалчийш'увам са* гл. нсв. Тв. I, *пурѣбвам* гл. нсв. Кор. Тв. I, Ж., *кенар'* м. Ж., *лицу* с. Кор., *лицѣ* Тв. I, *опаки* с. Кор., Кир. Тв. I, Тв. II, *опаку* и *опаки* Кирс., *макара* ж. Кор. Тв. I, Ж., *аршин* м. Кор. Ж., *лакът* м. Кор. Кирс., *лакът* Тв. II., *пѣд'а* ж. Кор. Тв. I, Ж.

Термины *грѣсти*²⁶ и *повесмо* не зафиксированы нами в изучаемых говорах, но их находим в указанной книге М. Велевой и В. Венедиковой ср. «стѣблата се скубят с рѣде на снопчета, наричани *грѣсти*» (с. 13), «снопчета влакна *повесма*» (там же).

Слово *паздѣр* м. 'кострика' также не зафиксировано нами, но оно дается в книге Г. Раковского, служащей источником по лексике балкан-

²² Толкование неточное, так как *губер* 'ковер с ворсом', а *килим* 'ковер без ворса'. Об этом см. Д. К о н с т а н т и н о в. Там же, с. 434, а также Д. В е л е в. Български килими. София, 1960, с. 14.

²³ В РСБКЕ дается значение 'с длинными мохнатыми кистями, вотканными между нитями основы и утка', что соответствует значению в изучаемых говорах.

²⁴ В изучаемых говорах: 'расстояние между большим и указательным пальцами'.

²⁵ В говоре Кирютни МССР, где живут переселенцы из Кортена, в значении 'моток пряжи' употребляется слово *мутувилка*. Это слово рассматривается нами как исконное для Кортена, хотя сейчас в говоре единственным названием для 'мотка пряжи' служит слово *гранка*. По имеющимся у нас данным, и *гранка* и *мотовилка* относятся к числу вариантов названия 'мотка пряжи', распространенных на территории Болгарии. Ср. Геров, V, словарная статья *шестак*. 1. 'смотанные 16 глав пряжи'; *пасмо*; *повесмо*; *мотовилка*; *гранка*, *гран*; *мендул*; русский перевод — *мот*, *мотѣк*, *пятинка*, *талка*. Названия с корнем *гран* известны и другим балканским говорам, ср. *гранчи* ср. 'пряжа, наматанная на мотовилку' Севлиево (БДПМ, V, 15), Троянско (БДПМ, IV, 196) наряду с *гран'ѣк* м.

²⁶ Слово *грѣсти* в РСБКЕ дается с пометой *нар.* В тематическом словаре его нет Политехнический словарь дает его с пометой *с.-г.* в значении 'треста'.

ских говором середины XIX в. (район Котела), ср. «Падающие клочки се звать *пъздеръ*» (с. 83).

Термин *кѣбе* в БТР дается без особых помет, а в РСБКЕ и в словаре редких, устаревших и диалектных слов²⁷ он имеет помету *диал.*, что дает нам основание не считать его литературным словом.

Название ткацкого станка *разбѣй* дается в БТР без особых помет, как бы наравне с названием стан. Однако исследователи считают стан литературным, а *разбѣй* — один — его стилистическим вариантом²⁸, другое — диалектным словом²⁹.

Слово *чилѣ* дано в БТР без специальных помет. В РСБКЕ (т. III) оно снабжено пометой *разг.* Геров его приводит только в значении: 'определенная мера смотанных хлопчатобумажных и шелковых ниток'. Политехнический словарь дает значение 'моток'. Из диалектных источников слово *чилѣ* встретилось в словаре говора Самокова (БДПМ, III, 288) и в словаре с. Тръстеник, Плевенско (БДПМ, VI, 239), т. е. в западноболгарских говорах. В балканских говорах, как уже отмечалось, оно не зафиксировано. Надо полагать, что в литературный язык оно проникло из западноболгарских говоров.

В политехническом словаре находим три термина, которых как текстильных нет ни в одном из использованных словарей: 1. *рѣпа* 'чесать' (наряду с *расчѣсвам* и *влѣча*); в изучаемых говорах не употребляется; из диалектологических источников встретился в словаре говора Самокова, ср. *рѣшим* (БДПМ, III, 271), в Разлоге и Видинско³⁰, т. е. в западноболгарских говорах; 2. *изварѣване* 'бучение'; в одном из изучаемых говоров употребляется глагол, ср. *извар'авам* нсв., *извар'а* св. Кир. 'кипятить домотканное шелковое полотно в дождевой воде с мылом и керосином'; 3. *очуквам* 'мять, трепать (лен, коноплю)', ср. *чукам* (на *мъналка*) Кир. 'мять коноплю (на мялке)'.
Термин *избѣлвам* 'отбеливать' дается в РСБКЕ и в политехническом словаре. В говорах Жеравны и Кирсова употребляется *бѣл'а* гл. нсв. 'отбеливать (хлопчатобумажное полотно путем стирки)'. Памучену платно да гу бѣлим. Ж.

В БТР некоторые текстильные термины даются с пометами: *нар.* и *обл.*, хотя в РСБКЕ и в политехническом словаре некоторые из них этих помет не имеют: 1. *фъндѣк* м. [тур.] *нар.* 'клочок шерсти, ваты'; 2. *кѣжел* м. *обл.* 1. 'верхняя часть прялки', 2. 'кудель грубого конопляного или льняного волокна'³¹; 3. *масур* м. [ар.-тур.] *нар.* 'цевка для основы или утка'³²; 4. *уста* ж. мн. 5. *нар.* 'отверстие между нитями основы, через которое проходит челнок'³³; 6. *укрепѣлка* ж. *обл.* 'длинная палка, служащая для закрепления заднего навоя'³⁴; 7. *димѣя* ж. [тур.] *обл.* 'домашний

²⁷ «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век.». Составители: Стефан Илчев, Ана Иванова, Ангелина Димова и Мария Павлова. Под редакцията на Стефан Илчев. София, 1974, с. 199.

²⁸ Ст. С т о й к о в. Названията на тъкачния стан в български език. «Известия на етнографския институт и музей», кн. VI. София, 1963, с. 311—318.

²⁹ М. Сл. М л а д е н о в. Там же, с. 10.

³⁰ В. F a l i ŋ s k a. Polskie słownictwo tkackie na tle słowiańskim, t. II. Zróżnicowanie geograficzne obróbka włókna, cz. 2. Мара 21а, п. 88, 100.

³¹ В изучаемых говорах: 1. 'верхняя часть прялки'. Кор. Тв. I, Ж. 2. 'конопляная кудель'. Тв. II. В РСБКЕ дается без пометы *обл.*

³² В обследованных говорах: 'цевка для утка'. В РСБКЕ и в политехническом словаре дается без пометы *нар.*

³³ Слово *уста* имеет в изучаемых говорах еще и второе значение 'часть основы между нитями и тканью'. В политехническом словаре дается без пометы *нар.*

³⁴ В изучаемых говорах — 'небольшая узкая планка с дырочками' (Кир., Тв. II, Кирс.) или небольшая палочка, заостренная книзу (Тв. I, Ж.), служащая для закрепления переднего навоя.

шерстяной материал...? Они также употребляются в изучаемых нами говорах. Ср. *фандак* м. Кор. Кир. Кирс., *фандачи* с. Тв. I, Тв. II, *кѣжал* м. Кор. Тв. I, *кѣжел* Ж., *масур* м. Кор. Тв. I, Ж., *устѣ* ж. Кор. Тв. I, *устѣ* мн. Ж., *укрипѣлка* Ж. Тв. I, Кир. Тв. II, *укрипѣлка* Кирс., *димийѣ* ж. Кор., *димийѣ* мн. Тв. I, Слово кит м. 'кити длинноворсного ков-ра' дано с пометой *нар.* в РСБКЕ, ср. *кит* м. Ж.

Итак, проведенное сопоставление показало, что та часть литературной текстильной терминологии, которая, как можно предположить, вошла в нее из народных говоров (111 терминов), почти полностью совпадает с народной балканской терминологией ткачества. Исключение составляют лишь четыре термина: *гребен*, *тепам* (произв. *тепавица*), *реша* и *чиле*, имеющие, вероятно, западноболгарское происхождение. Таким образом, языковые данные подтверждают высказанное предположение о том, что формирование болгарской литературной текстильной терминологии происходило под сильным влиянием балканской, а именно сливенско-котелской народной терминологии ткачества.

Сделанный вывод не следует считать окончательным. Дальнейшее исследование болгарской текстильной терминологии может внести в него свои коррективы.

К VIII съезду славистов

Л. С. КИШКИН

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Литературные связи и влияние в современном литературоведении определяются как «одна из главных закономерностей литературного процесса», наглядно проявляющаяся «в постоянном взаимодействии литератур, в усвоении (и преодолении) одной литературой художественного опыта другой»¹. В целом обоснованность такого общего определения подтверждается всем многообразным ходом литературного развития и в настоящее время ни у кого в сущности сомнений не вызывает. Однако, если подойти к названной закономерности с учетом того, что она, как и всякий закон, как и всякая закономерность, отражает необходимые и существенные зависимости явлений, их причинно-следственные связи, в данном случае обуславливающие развитие тех или иных литературных отношений, то мы встретимся с рядом неясностей. Каковы те факторы (причины), следствием которых являются литературные связи, что обуславливает их? На этот вопрос сколь-нибудь однозначного и исчерпывающего ответа в современной научной литературе мы, пожалуй, не найдем. А между тем он весьма существен для литературоведческой практики, в частности и для изучения славянских литератур, взаимосвязи между которыми были достаточно интенсивными. Нам хотелось бы поделиться некоторыми мыслями по затронутому вопросу, опираясь главным образом на фактические данные из истории русской, чешской и словацкой литературы.

Итак, какова же причинная обусловленность международных литературных отношений? В академическом литературоведении XIX — начала XX в. специально этот вопрос не рассматривался, хотя так или иначе его, конечно, касались в работах по связям. При этом чаще речь шла лишь о значении «влияющей» литературы, о ее «активности», а «воспринимающей» стороне нередко отводилась при этом чисто ученическая, иными словами «пассивная», роль в процессе взаимоотношения литератур. В 1883 г. Алексей Веселовский, например, писал, что к созданию книги «Западное влияние в новой русской литературе» его побудило желание напомнить о великих результатах западного влияния, неизбежного в ученические годы русской литературы². С такого рода освещением причинно-следственных зависимостей в процессе развития международных литературных связей полностью согласиться, разумеется, нельзя уже в силу одной только его односторонности и очевидной упрощенности. Литературные отношения нельзя рассматривать в свете одной только формулы: ученик — учитель.

¹ «Краткая литературная энциклопедия», т. 4. М., 1967, с. 314.

² А. Н. Веселовский. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1883, с. 8.

Поэтому, бесспорно, следует признать существенным шагом вперед разработанное в последние десятилетия литературоведами СССР и социалистических стран теоретическое обоснование активности воспринимающей литературы, обусловленное потребностями национального литературного развития. Активность воспринимающей стороны по праву может и должна считаться одним из факторов, обуславливающих литературные связи. Однако, пересматривая представление о первостепенном значении влияющей литературы, легко склониться к абсолютизации активности другой стороны, к вольному или невольному прокламированию определяющего значения литературы воспринимающей, что порой, на наш взгляд, в какой-то мере и происходит.

Существует, например, такое мнение: «Генетические межлитературные связи не случайны, но они вытекают из предпосылок принимающей литературы для реализации определенной рецепции. По этой причине при анализе литературных связей мы исходим из решающей роли принимающей литературы»³. Аналогичные высказывания встречаются и в некоторых более поздних публикациях, где кроме того говорится, что литературоведческие категории «влияния» и «зависимости» стали с методической точки зрения неоперативными и лишними. И хотя подобные суждения не отрицают необходимости обращать внимание на воспринимаемый элемент, тем не менее, как нам кажется, они все же нуждаются в некотором уточнении и прояснении.

Литературные влияния и восприятие той или иной литературой опыта другой — две стороны одного объективно существующего сложного явления, которое мы именуем литературными связями. Именно в единстве и неразрывности воздействия и восприятия (одно без другого невозможно), а также и в сопутствующих им противоречиях проявляется диалектика развития литературных связей, которые обусловлены не каким-либо одним фактором, а системой факторов. Абсолютизация одного из них и признание за ним постоянного решающего значения во всех случаях международных литературных общений не согласуются с многообразием фактических данных истории литературных связей и потому таят в себе опасность более или менее субъективного ее освещения большего или меньшего подчинения фактов схеме. В этой связи представляется уместным напомнить важное эвристическое положение Ленина: «Необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения...»⁴. Иначе, по мысли Ленина, может возникнуть подозрение, что факты выбраны и подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом»⁵ подается их субъективное освещение. «Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного»⁶, — эти слова Маркса также нельзя забывать, стремясь к выяснению и конкретизации круга причин, обуславливающих литературные связи.

В ходе происходившей в 1960 г. в Москве дискуссии на тему «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур» Г. И. Ломидзе справедливо заметил: «Проблема освоения литературного опыта имеет несколько аспектов. Существо воздействия того или другого рода не сводится к единственной во всех случаях схеме»⁷. Касаясь той же по сути пробле-

³ «Принципы сравнительного изучения литератур». «Slavica Slovaca», 1968, џ. 2, s. 117.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 266.

⁵ Там же.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, с. 191.

⁷ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1961, с. 148.

мы, И. Г. Неупокоева высказала мысль: «Интереснейший вопрос о том, как складывалась „жизнь“ и „судьба“ литературных произведений во времени и „пространстве“, не может рассматриваться в марксистском исследовании без выяснения всей совокупности конкретно-исторических условий (включая и вопрос о национально-художественной традиции), в которых проходило данное взаимодействие»⁸. Думается, что в приведенных высказываниях был намечен правильный общий подход к теоретическому осмыслению детерминированности литературных связей.

Один из факторов, обуславливающих эти связи, а именно «активность воспринимающей литературы», мы уже назвали. Если обратиться к истории русско-чешских связей, то его действие довольно заметно (правда, в разное время по-разному) в процессе становления и дальнейшего развития чешской литературы. Если в романтическую по своему общему характеру эпоху чешского национального возрождения (первая половина XIX в.) чешских писателей привлекали восходящие к фольклору черты народности и патриотический пафос произведений русских писателей (например, «Тараса Бульбы»), то в период формирования и утверждения реализма (середина 60-х — начало 90-х годов) в Чехии уже интересовались в первую очередь социально-нравственным направлением русской литературы (наряду с Пушкиным и Гоголем в это время в Чехии становятся особенно популярными Тургенев, Достоевский, Толстой и Чехов). Все это в определенной мере обуславливалось потребностями развития чешской национальной литературы и является свидетельством ее активности. В этом отношении, как нам кажется, права чешский литературовед И. Таборская, которая в одной из своих работ о Гоголе пишет: «Влияние художественного творчества не бывает статичным (...) влияние — это динамический процесс освоения художественного творчества, который во многом обусловлен внутренним национальным литературно-общественным развитием...»⁹. Да, именно «во многом обусловлен», во многом, но не во всем. Можно ли сказать о русско-чешских связях, что решающим фактором, определившим их характер на протяжении всего XIX в., была активность и потребности одной воспринимающей чешской литературы? Однозначно ответить на этот вопрос означало бы стать на путь упрощения. Верно, например, что на ранней стадии развития прозы в Чехии переводили Сенковского, Сомова и даже Булгарина, что в известной степени соответствовало уровню и потребностям чешской литературы 30-х годов. Но верно и то, что на отбор произведений для перевода существенно влиял и читательский спрос и то, что лучшие русские издания не были столь же известны за границей, как покровительствуемая властями «Библиотека для чтения». Но главное даже не в этом, а в том, что существенное позитивное воздействие на чешскую литературу XIX в., на создание ее непреходящих ценностей в конечном итоге оказали не эти писатели, перевод которых стал историческим эпизодом, а прежде всего Пушкин, Лермонтов, Гоголь и уже упоминавшиеся Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов. Причины этого надо искать не только в развитии чешской литературы, не только в повышении ее общего уровня и изменении потребностей, но и в художественных достижениях русских писателей, творчество которых открывало новые горизонты для русской и других национальных литератур, а также в стремительном росте международного авторитета русской литературы. Как видим, о единой, постоянно решающей односторонней причине, лежащей в основе литературных связей, при их изучении говорить не приходится.

⁸ Там же, с. 19.

⁹ «Čtvero setkání s ruským realismem». Praha, 1958, s. 82.

Связи всегда обуславливает сумма факторов, каждый из которых, в том числе и активность воспринимающей литературы, в разные периоды, в разных ситуациях могут проявлять себя с большей и меньшей интенсивностью. Так, если обратиться к истории чешско-русских и словацко-русских литературных связей в XVIII в. (до начала национального Возрождения), то мы не сможем отметить решающей активности той или иной из сторон, так как развитие и чешской и словацкой литературы тогда было подавлено контрреформацией, а русская литература была еще далека от того идейно-художественного уровня, которого она достигла в пушкинскую эпоху, не говоря уже о причинах исторического характера. Однако говорить о полном отсутствии контактов между чешской, словацкой и русской литературами в XVIII в. все же нельзя. В отдельных случаях они имели место, но часто обуславливались иной причинностью, нежели «решающей ролью» или же активностью воспринимающей литературы. Это видно уже из их характера: в 1710-е годы по заданию Петра I русские студенты вместе с чешскими иезуитами переводят в Праге ряд школьных книг, в том числе и сочинения Коменского. Позже, начиная с 1768 г. и до конца века, одно из самых известных произведений Коменского («Orbis pictus») издавалось в Москве и Петербурге четыре раза; его читателями были среди прочих Прокопович, Магницкий, Ломоносов, Новиков. Подробные дневниковые записи на латинском языке (в том числе о русской культуре, фольклоре и т. д.) были сделаны оказавшимся в России (1708—1709) словацким евангеликом Даниелом Крманом. Стихотворение о Волге, посвященное известному путешествию Екатерины II и ее просветительским декларациям, написал в 1772 г. словацкий сочинитель и издатель Адам Коллар. Двадцать одну песню чешского и словацкого происхождения включил неизвестный составитель в один из западно-русских, написанных кириллицей песенников XVIII в. (Библиотека Московского университета). Приведенные примеры связей, их могло бы быть и больше, вряд ли можно объяснить только решающей активностью той или иной из литератур, а исключить их из сферы литературных отношений (в силу их спорадичности и не «чистой» литературности) тоже было бы неправильным. Конкретная история, как правило, оказывается сложнее разного рода схем, порой литературные связи выполняют функцию социальных и культурных общений, а последние, наоборот, во многом возмещают контакты литературные.

В заключение размышлений о «решающей роли принимающей литературы» хотелось бы сказать еще и о других немаловажных обстоятельствах. Допуская принципиальную возможность такой решающей роли в определенных исторических ситуациях (особенно в начальные периоды развития литератур), нельзя не учитывать и весьма существенное, порой одновременно действие других факторов. К ним следует отнести нередко наблюдаемое в той или иной стране наличие так называемых иноязычных пластов в составе литературы (определение Н. И. Конрада). В России XIX в. это было связано, например, с использованием французского языка представителями образованной части общества, в Индии — с распространением английского, в средневековой Японии — китайского, в странах Ближнего и Среднего Востока — арабского и т. д. Использование по тем или иным причинам иностранного письменного языка неизбежно сопровождалось вхождением в литературную жизнь данного народа иноязычных произведений, которые сосуществовали с произведениями на родном языке и вступали с ними во взаимодействие.

Для Чехии рубежа XVIII и XIX вв., если не иметь в виду латынь, которой традиционно пользовались в большинстве европейских стран, иноземным языковым и литературным пластом был пласт немецкий. Историчес-

кие причины этого явления известны, со свободной избирательностью и потребностями чешского литературного развития оно связано не было. Однако это совсем не означает, что чешско-немецкие языковые и литературные контакты никак не отразились на становлении молодой чешской литературы того времени. Достаточно вспомнить, что стоявший у истоков чешского языкового и литературного возрождения Добровский большую часть своих сочинений, в частности «Историю чешского языка и литературы» (1792), знаменитую «Грамматику чешского языка» (1809), которую французский славист Дени назвал «отмщением за Белую гору», и другие филологические произведения, способствовавшие национальному культурному подъему, писал по-немецки. По-немецки нередко писали также первые чешские историки Пельцель и Добнер. На немецком языке была написана известная «Рекомендация чешскому языку и литературе» (1782) страстного чешского просветителя Яна Алоиса Ганке, а также — «История славянских языков и литератур...» (1826) Шафарика. Не случайно и то, что отсутствие сколь-нибудь полного словаря чешского литературного языка в 30-е годы XIX в. восполнил составленный Юнгманом пятитомный «Чешско-немецкий словарь», в котором лексика развитого немецкого языка в какой-то мере выступала как своеобразный эталон необходимого речевого запаса. Первое чешское научное издание — журнал Чешского музея («Časopis společnosti Vlasteneckého Muzeum v Seschach») выходило в двух вариантах — на чешском и немецком языках. Все это диктовалось условиями и возможностями чешского культурного возрождения первых десятилетий. Конечно же люди, призывавшие своих соотечественников к защите и развитию чешского языка и литературы, писали об этом по-немецки не из странной, необъяснимой прихоти, а по необходимости. Так они могли тогда обрести максимум читателей не только из числа единомышленников, но и среди чехов, стоявших на грани денационализации. С другой стороны, здесь, несомненно, сказалось и знание немецкого языка, приобретенное в средних австрийских школах, где училась образованная часть населения чешских земель. А из нее-то и выходили будители.

На рубеже XVIII и XIX вв. в Чехии сложилась довольно парадоксальная ситуация: с одной стороны, насильственное насаждение в Чехии, немецкого языка, вызывавшее нередко напряженность ко всему немецкому, с другой — невольное интенсивное соприкосновение чехов с немецкой литературой, в том числе и с ее лучшими представителями, что не могло не сказываться на формировании чешской национальной литературы. Воздействие немецкой литературы и одновременно ее восприятие чешской литературой было обусловлено не только и не столько односторонней активностью последней, сколько общественно-историческими обстоятельствами. Это воздействие имело разные проявления. Положительно отразилось, например, на творчестве Махи его знакомство с произведениями Гете и Шиллера (герой поэмы «Май» Вилем сопоставим с Карлом Моором из «Разбойников»¹⁰). То же можно сказать о воздействии Гете и Гердера на духовное развитие Яна Коллара, которых чешский и одновременно словацкий поэт считал «первыми, кто в Германии начал выступать против антиславянских предрассудков, осуждал слепую национальную ненависть и прокладывал путь человеческим чувствам и представлениям»¹¹. Полезным вкладом в национальную чешскую литературную жизнь в свое время явились переводы стихотворений Шиллера Махой и Пуркине, «Марии Стюарт» Шиллера Шафариком, «Германа и Доротеи» Гете Юнгма-

¹⁰ См. кн. К. К р е ж ě í. Česka literatura a kulturní proudy evropské. Praha, 1975, s. 104—105, 150.

¹¹ J. K o l l á r. Vybrane spisy, sv. I. Praha, 1952, s. 477.

ном. Но было и другое, что не только не ускорило ход развития чешской литературы, а порой замедляло его или уводило в сторону (переделки и переводы Клицперой и Штепанеком пьес Августа Коцебу и других второстепенных немецких драматургов).

Обратившись к истории международных связей XIX в. словацкой литературы, начавшей развиваться на родном языке лишь с 1843 г., мы и там увидим свои специфические особенности и сложности, которые были связаны с тогдашним положением словаков. В отличие от Чехии применительно к литературной жизни Словакии, по-видимому, правильно говорить о наличии не одного, а двух иноязычных пластов — немецкого и венгерского. К тому же долгое время в Словакии в качестве письменного языка использовали и родственный чешский. Не вдаваясь в подробности того, как это сказывалось на общей картине литературных связей, отметим лишь, что контакты словацкой литературы с венгерской, несмотря на проводившуюся властями мадьяризацию, имели разнообразный характер. Крупнейшие представители словацкой литературы, осуждавшие мадьярскую ассимиляцию, в то же время высоко ценили творчество выдающихся венгерских писателей, которых хорошо знали. В этом смысле их отношение к венгерской литературе может быть сравнимо с отношением чешских писателей к немецкой. Так, например, классик словацкой поэзии Гвездослав начал писать первые стихи по-венгерски, а впоследствии стал одним из выдающихся борцов за развитие национальной культуры, за право писать и говорить на родном языке. Решительно выступая против национального угнетения и ассимиляторской политики властей, Гвездослав перевел на словацкий язык многие произведения Петефи и Арани.

Эти факты из истории чешской и словацкой литератур, как нам кажется, убедительно показывают, что наряду с активной избирательностью воспринимающей литературы на характер и интенсивность литературных связей могут иногда весьма заметно влиять и так называемые иностранные пласты в составе литературы. Конечно, в данном случае мы имеем дело с не совсем обычными связями, поскольку и чешская и словацкая литература формировались и развивались в условиях чужеземного угнетения. Но, изучая связи любой национальной литературы с другими литературами, мы обязательно имеем дело с конкретными проявлениями общих закономерностей.

В отличие от Чехии и Словакии, развитию литературы которых мешала экспансия соседних стран, Индию от Англии отделяли тысячи километров морского пути. Однако знакомство с Гете и Гердером обогащало воспитанника Иенского университета Коллара так же, как английские романтики, а также Шекспир и Мильтон — учившегося в Лондонском университете Рабидраната Тагора¹². Кстати, и Коллар и Тагор писали не только на своих родных языках, но и на иностранных — соответственно немецком и английском, более того, Тагор сам переводил свои произведения с бенгальского на английский язык. Между тем это никак не мешало им обоим быть решительными противниками национального угнетения. Такова диалектика духовного и идейного развития этих двух выдающихся поэтов, каждый из которых внес крупный вклад в свою национальную литературу.

Говоря о том, что соприкосновение Тагора и Коллара с английской и немецкой литературами было во многом предопределено историческими обстоятельствами и условиями их жизни, было бы неправомерно забыть о других факторах, обусловливающих литературные связи названных поэ-

¹² Р. Тагор. Моя жизнь. М.— Л., 1924, с. 108.

тов (например, гуманистическая направленность их избирательности, уровень развития представляемых ими национальных литератур и т. д.). Приведенные примеры, как и весь многовековой литературно-исторический опыт, показывают, что литературные связи в конечном итоге являются следствием действия суммы сил, причин и условий, их определенной системы, характерной для каждой конкретной временной и пространственной (мы имеем в виду территориальную привязанность литератур) ситуации.

Остановимся еще на одном факторе, который нередко сказывается на связях литератур. Речь пойдет о практических возможностях ознакомления с достижениями и художественными ценностями иностранных литератур. В 70-е годы Энгельс писал, что «долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями...»¹³. Не учитывать этого при изучении чешско-русских связей нельзя, так же как и большого интереса чешских писателей к русской литературе. Ведь это же факт, что в Чехии, как и в других странах Европы, даже в середине XIX в. нередко знакомилась с Пушкиным не по оригиналам, а по немецким переводам (1843—1854) Боденштедта. Таким образом, активность воспринимающей литературы не может возводиться в абсолют и рассматриваться как некая саморешающая и самодействующая сущность. В данном случае она ограничивалась невозможностью обращения к оригиналам. То что активность воспринимающей стороны не так уж редко оказывается в известной зависимости от практических возможностей осуществления литературных связей, можно подтвердить и другими примерами. Известно, что связи между русской и чешской словесностью в XVII в., после поражения чешских сословий у Белой горы и тридцатилетней войны, были ослаблены. Русские сочинения в Чехию непосредственно из России тогда почти не попадали, как, впрочем, и в Россию чешские произведения непосредственно из Чехии. Тем не менее в Россию, для которой XVII век (особенно вторая его половина) был временем интенсивных переводов западной повествовательной литературы, чешские произведения все же проникали, обычно через Польшу. Таковы: «Легенда о пустынноике Иване», «История о Бохеме», «Сказание о Девичьей войне», «Повесть о Брунцвике». Если сопоставить этот перечень со всем тем повествовательным «репертуаром», которым располагала чешская литература к XVII в., то станет ясно, что переведено из нее на русский язык с польского и латинского было не очень много. О чем это говорит? Об избирательности воспринимающей русской литературы? В какой-то мере да. Но русские переводчики чаще всего располагали тогда польскими книгами и поэтому могли переводить из них только те чешские произведения, которые в них были. Иначе говоря, шел отбор из отобранного, что, естественно, ограничивало практические возможности активной избирательности. А прямых, достаточно широких контактов с Чехией как мы уже отмечали, в XVII в. у России не было. Таков еще один фактор, сказывающийся на качественной и количественной стороне литературных связей.

До сих пор мы говорили о множественной детерминированности связей, касаясь в основном воспринимающей литературы. Но ведь есть еще и воздействующая, влияющая или же дающая литература. Правомерно поставить вопрос, обладает ли она какой-то потенциальной или явной активностью, детерминирует ли связи со своей стороны? В целом ответ на него может быть утвердительным, с той оговоркой, что проявления активности воздействующей литературы, так же многообразны по своему характеру, как и воспринимающей, и могут учитываться лишь вместе со

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 526.

всеми другими факторами, обуславливающими связи, как один из них, как элемент системы.

Карл Маркс писал: «Предмет искусства — нечто подобное происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»¹⁴. Это положение очень существенно для уяснения природы взаимодействий в искусстве и в частности в литературе. Из него со всей очевидностью вытекает, что в процессе художественного развития явления искусства выступают одновременно и в качестве объекта и в качестве субъекта. А это означает взаимозависимость воздействующей и воспринимающей стороны, наличие у каждой из них определенной активности по отношению друг к другу. Надо еще заметить, что воздействующая и воспринимающая стороны могут меняться местами. Указывая на активность воспринимающей литературы, обычно цитируют слова А. Н. Веселовского о том, что «замещение предполагает встречные течения», опуская при этом дальнейшую часть его рассуждений, где говорится о необходимости «одинаково обращаться на ту и на другую сторону вопроса ввиду возможности, что взаимное передвижение мифа, сказки, песни могло повторяться не однажды и всякий раз при новых условиях как усвояющей среды, так и усваиваемого материала»¹⁵. В этом высказывании обращает на себя внимание признание возможности взаимных передвижений в литературе и их двусторонней обусловленности.

Весьма важными в связи с интересующей нас проблемой представляются и высказанные Марксом мысли о необходимости одновременно учитывать как «почву», так и «арсенал» искусства¹⁶, а также суждения Энгельса о преемственном развитии имеющегося налицо «мыслительного материала»¹⁷. Они, заметил в своем выступлении на дискуссии 1960 г. Г. Л. Абрамович¹⁸, указывают на то, что рождение и развитие тех или иных явлений искусства и литературы обуславливают, с одной стороны, социально-историческая и культурная почва, а с другой — уже созданный человечеством художественный арсенал (идеи произведений, сюжеты, образы, роды и виды искусства, жанры, изобразительные средства и т. д.).

Практически в ходе возникновения и развития национальных литератур, в процессе их взаимодействия с другими литературами приведенные положения обычно реализуются сложно, иногда очень сложно. Объясняется это тем, что характер конкретных литературных взаимоотношений необычайно многообразен и многолик, а условия, в которых они происходят, почти всегда являют собой сумму многочленного ряда разного рода слагаемых. Однако закономерности не были бы закономерностями, если бы никак не прослеживались в истории литературы и литературных связей. Попытаемся показать их проявление на примере начального периода развития новой чешской прозы. Тогда в Чехии существовало два журнала «Чешская пчела», ее редактором в 1834—1835 гг. был Челаковский, и «Квегь», в 1835—1836 гг. редактировавшийся Тылом), отразившие разные представления о молодой чешской прозе и ее будущем. Основу беллетристической прозы в «Чешской пчеле» составляли переводы произведений О. И. Сенковского, О. М. Сомова и других русских авто-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 718.

¹⁵ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха, вып. 5. СПб., 1889, с. 116.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 736—738.

¹⁷ Там же, т. 37, с. 419—420.

¹⁸ См. кн. «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». М., 1961, с. 291.

ров; в «Кветах», как правило, печаталась оригинальная чешская проза на темы из отечественной истории, иногда уступавшая в художественном отношении переводам. Так в конкретных условиях становления чешской прозы наметились две взаимодополняющие тенденции литературного развития. Для одной более показательно стремление к расширению и обогащению «арсенала» чешской литературы (использование в этих целях художественного опыта и достижений родственной русской литературы), для другой — стремление к утверждению и укреплению ее на родной «почве» (осмысление и развитие национальной культурно-исторической традиции). В конечном итоге для возрождения и успешного развития чешской прозы в равной степени были нужны как национальное содержание так и опыт его художественного раскрытия, чему и способствовали переводы. Это полностью подтвердило все последующее развитие чешской прозы, значительные достижения которой во второй половине XIX в. связаны и с утверждением национальных начал и с творческим освоением художественных богатств мировой литературы.

Приведенный пример из истории связей чешской и русской литератур в 30-е годы XIX в., когда формировалась чешская проза, показывает, что ни одна из них по отношению к другой не была тогда только объектом или же только субъектом. Конечно же, чешские переводчики брали из доходивших до них русских произведений то, что им казалось наиболее подходящим и нужным для развития литературных вкусов и навыков, для возмещения отсутствия собственной прозы и стимулирования ее развития. Однако, чтобы такого рода литературная деятельность (отбор произведений, перевод, публикация, распространение в читательской среде) происходила, переводимые сочинения должны были обладать определенными качествами, например такими, какие присущи рассказам О. М. Сомова «Кикимора» и «Сватовство», которые побуждали чешских писателей к изображению действительности, к реалистическому показу жизни и быта народа. Как видим, при научном рассмотрении возникновения, а также развития литературных явлений и связей между ними всегда должно учитывать их обусловленность общественно-историческими условиями и существующим к моменту их рождения литературным «арсеналом», который, как известно, непрерывно обогащается и, что не менее важно, меняется, иногда довольно быстро. Последнее также можно наблюдать на примере развития чешской прозы и связанных с ним изменений в чешско-русских литературных связях. С конца 30-х годов центральное место среди чешских переводов с русского занимает уже Гоголь. Он был не только первым русским реалистом, но и первым из плеяды выдающихся реалистов мира, чье творчество получило широкую известность и признание в Чехии. На протяжении 40—50-х годов наследие Гоголя поддерживало реалистические тенденции в чешской прозе, помогало развитию таких писателей, как Гавличек, Тыл и Немцова, которые сознательно обращались к действительности, рассматривали литературу как действенную общественную силу, стремились к ее демократизации.

Возвращаясь к вопросу об активности влияющей литературы, а вернее к сумме факторов, определяющих эту активность, прежде всего хотелось бы обратить внимание на ту роль, которую играет в процессе международных связей «арсенал» отдельных национальных литератур и всей мировой литературы в целом, созданный ими и оказавшийся продуктивным в ходе исторического развития, указать на тот представляющий общечеловеческую идейно-художественную ценность «мыслительный материал», который в каждой отдельной литературе имеет свое конкретное национальное воплощение. Именно в «арсенале» литературы и ее «мыслительном материале» во многом заложена потенциальная активность воз-

действующей стороны. В самом деле, разве влияние Шекспира или Байрона на европейские литературы XIX в., в том числе на русскую и чешскую, не объясняется особыми качествами их произведений, их художественными открытиями?! Ведь это совсем не случайно, что Дельвиг сопроводил свою идиллию «Конец золотого века» следующим примечанием: «Читатель заметит в конце сей идиллии близкое подражание Шекспирову описанию смерти Офелии. Сочинитель, благоговей к поэтическому дару великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий»¹⁹. А разве общеевропейское влияние гуситской литературы не было обусловлено ее идейной новизной, что совсем не исключает созвучия провозглашенных Гусом и его последователями идей мыслям и представлениям народов, живших за пределами Чехии. Поэтому, нам кажется, прав Карел Крейчи, когда, касаясь этой проблемы, пишет об «инициативе чешской реформации»²⁰.

На вопрос, что обеспечивало русской литературе все возрастающую популярность и силу воздействия, М. П. Алексеев отвечает: «...эта литература должна была обладать свойствами властно захватывать сердца, <...> многозначно и разносторонне влиять на умы, притом в такой степени, чтобы этого могучего воздействия не могли бы избежать все наиболее творчески одаренные мыслители и писатели западного мира,— а именно такую и стала русская литература в конце XIX и начале XX века»²¹. Здесь особого внимания заслуживает принципиальное утверждение возможности таких новых и значительных литературных явлений, воздействия которых избежать нельзя.

Исходя из приведенных и множества других факторов, которыми можно было бы подтвердить определенную активность воздействующих литератур, литературные категории «влияния» и «зависимости» вряд ли стоит считать лишними. Более того, они представляются нужными. А. С. Бупмин по этому поводу пишет: «Влияние более развитой литературы на менее развитую — это наиболее очевидная закономерность в преемственном, поступательном художественном развитии человечества»²². Другое дело, что не только этим обуславливаются межнациональные преемственные связи. Но это уже иной вопрос. Не менее, думается, была права и И. Г. Неупокоева, по мнению которой понятие влияния представляет собой «немаловажный фактор литературного развития, возникающий в результате многообразных по своему содержанию и формам литературных общений»²³.

Что же касается категории «зависимости», в определенном смысле являющейся антитезой по отношению к категории «влияния» и потому в сущности логически неотрывной от нее, связанной с ней, то уже только в силу этого она имеет право на существование. В философии понятие «связь» обозначает ту реальность, что одно явление возникает и развивается в зависимости от другого явления. Литературные связи — одна из разновидностей связей, характеризующих культурно-общественную сферу деятельности людей. Признавая это, а не признавать этого нельзя, и при этом отказавшись от понятия «зависимость» в литературоведении, мы погрешили бы против логики и тем самым осложнили бы без того сложную задачу изучения литературных связей.

¹⁹ А. А. Дельвиг. Стихотворения. М., 1976, с. 122.

²⁰ См. К. Крейчи. Ibid., s. 13.

²¹ М. П. Алексеев. Русская классическая литература и ее мировое значение. «Русская литература», 1976, № 1, с. 16.

²² А. С. Бупмин. Преемственность в развитии литературы. Л., 1975, с. 53.

²³ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», с. 35.

Заметим еще, что о жизненности терминов «влияние» и «зависимость», а следовательно, и о правомерности их существования, как понятийных литературоведческих категорий, позволяет говорить и то, что к ним прибегают едва ли не все, кто касается вопроса изучения литературных связей. Так, например, известный чешский ученый Й. Грабак пишет: «Указывая на недостатки традиционного изучения литературных влияний, мы совсем не хотим сказать, что всякое выяснение влияний бесплодно». И далее: «Надо отличать влияние в широком смысле слова (принятие определенных элементов), что является нормальным явлением литературной жизни, от зависимости, которая является одним из видов влияния»²⁴. Эта мысль очень близка сказанному нами выше.

«Любая национальная литература развивается, взаимодействуя с множеством национальных литератур. Она просто не может существовать и развиваться нормально, если не в состоянии осваивать мировое литературное наследие»²⁵, — пишет К. И. Ровда. Очень близки этому высказыванию мысли Карела Крейчи, который пишет: «Ни одна литература, если, правда, не считать труднодостижимых начальных стадий, не развивается изолированно, а всегда находится в постоянных связях с другими национальными литературами, от которых получает импульсы и сама влияет на них»²⁶. Думается, оспорить эти суждения нельзя — они подтверждены всем историческим опытом развития литератур. А если это так, то надо признать правомерность понятия «зависимость» при изучении взаимодействия литератур и литературных связей.

Одним из непосредственных проявлений зависимости, которая, так же как и влияние, в сущности может рассматриваться как обобщенная понятийная категория по отношению ко всем разновидностям литературных связей, является такая их форма, как, например, заимствование. Вот что пишет о нем И. Г. Неупокоева: «О заимствовании (как и о подражании) принято говорить с «некоторым» неодобрением, как о свидетельстве рабского отношения к литературным образцам или элементарном ученичестве. Однако это далеко не всегда так. Творческое заимствование идей, образов, тех или иных приемов встречается в литературе постоянно»²⁷. И действительно, Пушкин, например, заимствовал для своей поэмы «Анджело» сюжет из пьесы Шекспира «Мера за меру», но это никоим образом не умаляет оригинальности первой. Пушкин по-своему толкует в ней сущность тирании, по-своему раскрывает характер деспота, творящего под личиной закона произвол. Подобного и иного рода заимствования нередко можно встретить в разных литературах, в том числе в чешской и словацкой. Укажем, в частности, на стихотворение чешского поэта Яна Пухмайера «Гора, готовящаяся к родам», фабула которого почерпнута из стихотворения Тредьяковского «Гора, мучающаяся родами»; на пьесу словацкого писателя Богуслава Носака «Хороший урок» с сюжетом, заимствованным из одноактной пьесы Крылова «Урок дочкам». И хотя Пушкин создал в сущности новое самостоятельное произведение, которое сам очень высоко ценил («...ничего лучшего я не написал...»), а Пухмайер и Носак, — скорее, литературные адаптации, тем не менее и там и здесь факты заимствования, иначе, зависимости налицо. Разобраться во

²⁴ J. H r a b á k. Literární komparatistika. Praha, 1976, s. 21, 95. С разного рода обращением к терминам «влияние» и «зависимость» мы встречаемся также в работах Д. С. Лихачева, Д. Ф. Маркова, Г. Д. Вервеса, Э. Георгиева, Д. Окали, А. Флакера, Б. Крефта, А. Димы и многих других ученых.

²⁵ К. И. Р о в д а. Чехи и русские в их литературных взаимоотношениях. Л., 1968, с. 5.

²⁶ К. К р е j č í. Ibid., s. 9.

²⁷ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», с. 30—31.

всех этих и других, близких им, литературных явлениях, отказавшись от самого представления о зависимости одних художественных произведений от других, было бы совсем не просто. Обойтись здесь, как и при изучении других форм связей, без рассмотрения всех факторов, обуславливающих активность не только воспринимающей, но и влияющей литературы, было бы не только трудно, но и невозможно.

К группе факторов, обуславливающих связи и определяющих интенсивность и общий уровень активности воздействующей литературы, как уже было сказано, относятся объективная ценность идейно-художественных открытий и их новизна, которые творчески воспринимаются одними писателями от других. Но это лишь один фактор такого рода. Есть и другие. К их числу, в частности, могут быть отнесены: одновременность исторического возникновения и развития отдельных национальных литератур и связанные с этим различия в степени освоения ими мирового культурного наследия; национально-самобытные свойства литератур; международный авторитет и признание; литературная мода. Активность литературы может проявляться и в побуждении к соревнованию с литературными образцами, отталкиванию от них, к борьбе и спору с ними, к переосмыслению разнородных литературных элементов. Разумеется, между названными факторами далеко не всегда может быть проведена четкая граница. В процессе взаимодействия литератур они соприкасаются, сплетаются, иногда как бы накладываются друг на друга. При этом активность воздействия нередко усиливается активностью восприятия, и наоборот. В то же время каждый из названных факторов в определенных условиях может проявлять себя более или менее самостоятельно. Все это, конечно, следует иметь в виду. Коротко остановимся на рассмотрении каждого из упомянутых факторов.

Хронологически ранее возникшие и более развитые, впитавшие в себя художественное наследие предшествующих эпох и по-своему претворившие его, национальные литературы неизбежно становились источником обогащения для литератур более молодых; историческая преемственность — одна из закономерностей литературного развития. В отличие от той активности, которая заложена в новизне идей и художественных открытий, носителем которых выступает литература, здесь мы встречаемся с активностью несколько иного порядка. Она коренится в накопленном опыте, проверенных навыках, испытанных временем эстетических ценностях, которые в разных модификациях переходили от поколения к поколению, от одной литературы к другой. Чем богаче этим та или иная литература, тем больше у нее возможностей оказать влияние на другую. Есть здесь и обратная зависимость. О ней справедливо пишет А. С. Бушмин: «Чем позже возникала и формировалась та или иная национальная литература, тем позже она включалась в общий литературный процесс, тем большее значение для них приобретал опыт других, более развитых литератур»²⁸. Усвоение молодой литературой опыта старших вовсе не исключает того, что, развившись и окрепнув, она сама не станет воздействовать на них. Говоря о одновременности возникновения и развития литератур как факторе, обуславливающем потенциальную активность воздействующей литературы, обратим внимание на следующее высказывание И. Г. Неупокоевой: «Установление общей закономерности об исторически-потенциальном выдвижении на арену мирового литературного развития разных литератур, играющих на том или ином этапе особенно значительную роль, очень важно. Оно помогает преодолению некоторых заблуждений, проявившихся в ряде литературоведческих исследований.

²⁸ А. С. Бушмин. Преемственность в развитии литературы, с. 53.

Мы встречаемся еще подчас как бы с боязнью того, что признание такого взаимодействия принизит национальную самобытность и самостоятельность данной литературы, с заблуждением, будто восприятие художественного опыта другой литературы ставит воспринимающего этот опыт в положение „зависимого“. Результатом подобных теоретически несостоятельных воззрений является сужение горизонтов любой национальной культуры, искусственное отсечение тех живых ветвей, которыми сплеталась эта литература в разные исторические периоды с литературной жизнью других народов»²⁹. Эти суждения представляются нам верными. Есть такие литературные ценности, без знания и осмысления которых нельзя обойтись ни одной литературе.

Одним из факторов активности литературных воздействий является национальная самобытность художественного творчества. Национально-самобытные свойства новы прежде всего для других литератур, концентрированное проявление этих свойств характеризует развитые литературы, однако это лишь часть качественной структуры последних. Особенность воздействия и восприятия национально-самобытного составляет то, что они неизбежно сопровождаются передачей и приемом чисто познавательной информации о нравах, быте, истории, национальном характере, социальном укладе, особенностях мышления, среде обитания и других моментах, касающихся народа, литература которого привлекает к себе внимание за пределами его страны. «...Я, например, впервые почувствовал Индию в покоряющей наглядности ее природы, быта ее „провинции“; деревни, бедных и хороших людей, живущих своей бедной, вовсе не экзотической жизнью бок о бок с джунглями: с тиграми и пантерами, утаскивающими почталыонов и железнодорожников и т. п.»^{30*} — писал А. Т. Твардовский о своем знакомстве с рассказами индийского писателя Кеннета Андерсона. Так выглядит проявление активности национально-самобытного в обычной литературной жизни. Могут быть, конечно, и иные случаи. О большей притягательности всего национально-самобытного хорошо сказал Гавличек: «Нас привлекает все самобытное и оригинальное, и мы устремляемся к ним, где бы они не встретились, ибо только самобытность и оригинальность учит, согревает и радует»³¹. Эти мысли пришли чешскому поэту при размышлениях над художественными и смысловыми оттенками русского слова «гулянье». В свое время Белинский писал: «Каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других»³². В этом можно видеть объяснение активности национально-самобытных свойств литературы. Но есть тут и еще одно существенное обстоятельство, отмеченное Б. Г. Реизовым, который обоснованно пишет о том, что национальное своеобразие литератур «стимулирует интерес к ним со стороны других литератур и развивает систему интернациональных связей»³³. Справедливость сказанного подтверждают многие факты из истории литературных связей. Национальное своеобразие творчества Гоголя, безусловно, вызвало интерес чешских читателей и писателей в 40—50-е годы XIX в. и явилось одной из причин того, что почти все крупные произведения писателя были переведены тогда на чешский язык. Неся правдивое изображение русской жизни, они в то же вре-

²⁹ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», с. 43.

³⁰ Цит. по кн. И. С. Соколов-Микитов. Данные встречи. М., 1975, с. 133—134.

³¹ К. Гавличек-Боровский. Сатира и статья. М., 1950, с. 124—125.

³² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 45.

³³ «Вопросы методологии литературоведения». М.—Л., 1966, с. 183.

мя были высокими образцами воплощения в литературе принципов народности, художественного раскрытия национального своеобразия жизни. Не удивительно поэтому, что произведения Гоголя способствовали более глубокому и верному художественному отражению чешской национальной действительности в произведениях чешских писателей.

Рядом стоят такие факторы литературной активности воздействующей стороны, как мировой авторитет литературы и международная мода, которая бывает (правда, не всегда) зависима от первого. В наши дни трудно представить себе образованного европейца, который совсем не читал бы Толстого, Достоевского или Чехова. Но так было не всегда, всего каких-нибудь сто и даже восемьдесят лет назад подобных европейцев было немало. Приведем только один пример. До 1882 г. в Чехии существовало только одно книжное издание Толстого (сокращенный перевод Анны Карениной, 1881). Однако не прошло и десяти лет, как там же только за три года (1888—1890) вышло по крайней мере 18 книг чешских переводов его произведений. Ответ на вопрос, почему так стремительно рос интерес к русскому писателю не только в Чехии, но и в других странах, мы находим у Ленина, который писал в связи с кончиной Толстого, что он «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»³⁴. «Общечеловеческое значение русской литературы», присущие ей красоту и силу, гуманизм, человеколюбие и запечатленные в ней «великие порывы духа» отмечал Горький, говоря о ее мировом признании. Эти определения в равной степени могут быть отнесены и к Толстому, и к Достоевскому, и к Чехову, и к самому Горькому. Перечень указанных свойств русской литературы, обеспечивших ей мировое признание и авторитет, вероятно, мог бы быть пополнен. Нам же в данном случае существенно подчеркнуть то, что признание литературы (любой) и связанная с этим возможность ее влияния на другие литературы, находятся в прямой зависимости от ее идейно-эстетических качеств, от ее вклада в мировое художественное развитие.

В отличие от мирового авторитета и признания литературы, которые являются сравнительно устойчивым (иногда действующим на протяжении веков) фактором, способствующим развитию связей между национальными литературами, литературная мода менее устойчива и обычно недолговечна. Ее роль в процессе связей менее значительна и не всегда позитивна, однако совсем не учитывать влияния моды на литературную жизнь было бы так же неверно, как и переоценивать ее значение. Литературные моды и вкусы как культурно-психологический феномен присущи каждому времени, но бывают такие периоды, когда они обретают особую силу, когда они заметно влияют и на то, что читают, и на то, что и как пишут. Об этом, например, напоминают строки из «Горя от ума» («А все Кузнецкий мост, и вечные французы, оттуда моды к нам и авторы и музы...»; «Воскреснем ли когда от чужевластья мод?») и «Евгения Онегина» («Латынь из моды вышла ныне...»). Слово «мода» очень часто встречается в «Евгении Онегине» как в обычном бытовом смысле, так и в относящемся к культуре. И это, конечно, не случайно, так как мода, о которой писали Грибоедов и Пушкин, была в начале XIX в. довольно существенной силой, сказывавшейся на характере русской культурной и литературной жизни. Это явление можно наблюдать не только в России, но и в других странах. О модных в Австро-Венгрии французских и немецких пьесах писал Ян Неруда. Вспоминая свои молодые годы, Тагор замечает, что тогда «Бен-

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

там, Милль и Конт были модными писателями»³⁵. Заметим, что литературные моды нередко существуют не сами по себе, а как частное проявление более широких тенденций и увлечений в области культуры.

Определенная активность воздействующих художественных произведений может проявляться и в том, что они, как отмечалось, побуждают писателей других стран к соревнованию с ними, спору, борьбе и отталиванию. «Каждая книга его возбуждала желание спорить с ним, противоречить ему... Он казался мне кипящим источником, живые воды которого возбуждали творческие силы сердца и ума...»³⁶, — так писал Горький о Стриндберге. История знает немало самых разнообразных случаев не только творческого освоения опыта иностранных писателей, но и соревнования с ними, борьбы, причины которых коренились в самих идейно-эстетических свойствах их произведений. Пушкин, например, не только «подражал», по его собственным словам, Шекспиру «в его вольном и широком изображении характеров», но и, безусловно, соревновался с ним, решая свои собственные творческие задачи. А Байрон, от которого русский поэт «с ума сходил», особенно будучи в южной ссылке, позже в Михайловском, стал как бы сковывать его творческую свободу. Пушкину пришлось, если не во всем, то во многом, вступить в борецию с кумиром своей молодости. По-своему противоречивым было отношение к Байрону и у Лермонтова, что нашло отражение в его известном стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой...». В чешской литературе в своеобразное поэтическое соперничество с «Легендой веков» Гюго вступали Врхлицкий («Обломки эпопей») и Махар («Совесть веков»). Элементы полемики с образом Платона Каратаева из «Войны и мира» можно обнаружить в многоотомной художественной хронике Йозефа Голечека «Наши» (образ Яна Койяна). Идейная связь пьесы словацкого писателя Грегора Тайовского «Тьма» с драмой Толстого «Власть тьмы» характеризуется некоторым полемическим противостоянием по отношению к ней, что проявилось и в форме и в содержании.

Новые художественные качества, нередко очень ценные, возникают и в результате «эффекта встречи несходных элементов» (определение А. С. Бушмина). Здесь мы уже имеем такой случай, когда литературные связи и соотствующий им творческий результат обусловлены активностью обеих взаимодействующих сторон. В чешской поэзии с проявлением такого рода двусторонней литературной активности мы встречаемся, например, у Св. Чеха, который использовал в «Песнях раба» некоторые элементы поэтики Лермонтова в новой, не свойственной им функции. Над рождением подобного рода новых художественных качеств в литературе задумывались давно. Так, Александр Бестужев еще в 1825 г. сравнивал «творения знаменитых писателей» с «прекрасными мирами, образующимися из «обломков сшибающихся комет»³⁷. Изучение подобных связей и активности взаимодействующих сторон представляет большой интерес для исследователя, но сопряжено с большими трудностями, ибо здесь приходится вступать в область психологии творчества, искать и приоткрывать скрытое от глаз. Трудно было бы, например, предположить какую-то изначальную связь Теркина со Швейком, если бы об этом не упомянул в 1940 г. в своем дневнике сам Твардовский³⁸. В то время как Швейк уклоняется от войны, Теркин активно воюет — в этом главном они различны. И все же эти образы сближают народный юмор, простота отноше-

³⁵ Р. Тагор. Моя жизнь. Л.— М., 1927, с. 110.

³⁶ М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, с. 89.

³⁷ См. А. Бестужев-Марлинский. Собрание стихотворений. Л., 1948, с. 181.

³⁸ См. «Юность», 1976, № 2, с. 81.

ния к военным будням. Так, какие-то черточки образа Швейка, претерпев трансформацию, оказались причастны к созданию в целом не схожего с ним образа Теркина. И долгие годы об этом знал только поэт, понимавший, конечно, и большое отличие своего героя от героя Гашека.

В целом, факторов, обуславливающих литературные связи, так же много, как и различных видов связей. Перечислить все из них было бы в сущности невыполнимой задачей, однако выделить наиболее распространенные, очевидно, можно, памятуя, однако, о том, что в разное историческое время общая обусловленность литературных общений, а следовательно, и сам характер связей были не одинаковы. Кроме чисто литературных факторов на развитие связей всегда оказывали действие и другие причины, прежде всего общественно-политического и социально-экономического порядка, а также борьба внутри каждой национальной культуры элементов демократической культуры и культуры буржуазной. Иногда как раз эти факторы приобретают особое значение для развития литературных связей. Так, например, сознательная ориентация чешских и словацких писателей на славянские литературы в XIX в. была в немалой степени связана с национально-освободительной борьбой чешского и словацкого народов, с распространением среди национальной интеллигенции славянофильских и русофильских настроений. В 1830-е годы Коллар писал, что татранские словаки «первыми распростерли свои объятия для всех славян»³⁹. Имело здесь свое значение, конечно, и языковое родство. Свою особую роль в чешско-русских и словацко-русских литературных связях начала XIX в. сыграло пребывание русских войск на территории Чехии и Словакии в период наполеоновских войн. Демократическая ориентация избирательности по отношению к русской литературе показательна для таких видных представителей чешской и словацкой литературы, как В. Мршттик, Сташек, Гвездослав и другие. Не станем продолжать перечень причин, от которых зависят литературные связи, нам хотелось указать лишь на их множественность и многообразие, на их обусловленность, не только собственно литературную, но и общественную, в широком смысле этого слова. Несомненно, прав Д. С. Лихачев, когда утверждает, что литература — часть истории⁴⁰.

Подводя итог размышлениям о детерминированности литературных связей, надо сказать, что прийти к более правильным объективным выводам при изучении связей исследователь сможет лишь при максимальном учете всех факторов, которые их обуславливают. Мы коснулись только некоторых факторов, свидетельствующих о наличии активности как у влияющей, так и у воспринимающей литературы, никак не претендуя при этом на решение всех необычайно сложных и малоразработанных вопросов, так или иначе связанных с темой статьи. При ее написании преследовалась в сущности одна цель: обратить внимание на то, что литературные связи в каждом конкретном случае, как правило, обуславливаются не каким-то одним решающим фактором, а суммой или системой факторов, значение и роль каждого из которых в зависимости от определенных исторических обстоятельств может быть большей или меньшей.

³⁹ Цит. по кн. А. М г а z. Z. ruskej literatúry a jej ohlasov u slovakov. Bratislava, 1955, s. 9.

⁴⁰ См. «Сравнительное изучение славянских литератур». М., 1973, с. 382.

А. В. ЛИПАТОВ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(Общие закономерности, связи, специфика)

Литературное развитие у разных народов не было и не могло быть абсолютно синхронным в силу различий их социально-политической истории и связанных с нею сугубо местных факторов, способствующих определенному типу развития, либо сдерживающих его, обуславливая саму направленность этого развития, ориентируя его на те или иные связи с разными типами культур европейского макрорегиона. Отсюда асинхронность возникновения и развития отдельных славянских литератур (как впрочем и литератур других этнических общностей) и связанная с этим неравномерность — в плане синхронии — достижения ими определенного уровня, прохождения определенных стадий развития. Однако и этот уровень, и эти стадии были в той или иной степени, общими для литератур Европы, хотя и достигались этими отдельными литературами в разные временные периоды, что, впрочем, естественно, ибо в каждом конкретном случае обусловлено местной исторической спецификой. Во времена новой истории в результате складывания общеевропейской социально-экономической системы принципиально иного типа динамируется и процесс сближения отдельных литературных регионов, а с этим связано и появление относительной синхронности, достигаемой некоторыми славянскими литературами (по отношению к ведущим литературам своего региона) в результате ускоренного развития в течение XVII — первой половины XIX в. Период барокко или наличие наряду с другими и барочных веяний как общеевропейской тенденции в отдельных славянских литературах — отражение первого этапа (или — в некоторых случаях — его приближение) этого ускоренного развития, которое объективно ведет к сглаживанию вековых диспропорций, постепенному выравниванию уровня развития отдельных литератур, а тем самым — к относительной синхронности их развития. Общие закономерности истории европейской литературы (и литератур славянских как ее региональной части) отнюдь не означают единства развития отдельных национальных литератур как составляющих целое в русле общеевропейского литературного процесса. Думается, что если дифференцированно подходить к этим понятиям и к тем явлениям, которые они называют и охватывают, то окажется, что единства в развитии славянских (да и не только славянских) литератур нет. Различия начинаются уже с самой хронологии зарождения

отдельных литератур и прохождения ими определенных этапов развития, в наличии и степени усвоения тех или иных жанров, стилей, мотивов, не говоря уже о тематике, определенных проблемах и идейной направленности, связанных с местной общественно-исторической ситуацией или более того — являющихся ее плодом и служащих сугубо местным потребностям. Однако отсутствие (в плане синхронии) единства развития отнюдь не означает отсутствия общих закономерностей развития. Общность просматривается, начиная с самого генезиса славянских литератур как части литературы общеевропейской, возникшей, как и литературы других цивилизаций, в тесной связи с одной из мировых религий (в данном случае — с христианством). Общность мировосприятия обусловила общность философско-эстетического облика этой литературы (не говоря уже об относительной общности самого состава памятников — особенно на первых этапах развития времен средневековья). Постепенно возникающие и развивающиеся отдельные европейские литературы были органичными составными частями — местными вариантами — общего целого. Эти варианты формировались в результате местных государственных и общественных потребностей не без воздействия давних традиций. Однако сама философско-эстетическая сущность, система мировосприятия как основа основ была тем цементирующим фактором, той центрирующей силой, которая как бы изначально формировала эти местные литературы как сегменты единого целого — определенной цивилизационной общности. В средневековье эта общность существовала не только благодаря единству мировосприятия, но и единству (или относительному единству) протекционизма со стороны институтов церкви и взаимосвязанного с нею государства. Тем самым общие закономерности истории европейских литератур просматриваются не только в сфере их идейно-философской и этической направленности, эстетики (общие жанры и связанные с ними композиционно-стилевые и тематические особенности), наконец, в составе памятников, но и в самой их общественной ситуации, в той роли, которая отводилась письменности церковью и государством — этими меценатами и цензорами своего времени, этими источниками новой (официальной) культуры и ее оплотом.

Такого рода общеевропейская система культуры не только предполагала, но и детерминировала облик отдельных составляющих ее элементов (местные культуры). Именно поэтому целесообразно рассматривать культуры отдельных народов не в изоляции и противопоставлении, а в их соотношении и взаимосвязи, вытекающей уже из самого факта их генезиса и особенностей бытия, обусловленных в данном случае европейским инвариантом цивилизации. В этой связи перед исследователем возникает проблема национальной самобытности и наднациональной всеобщности. В исследовательской практике эти понятия (как и обозначаемые ими явления) нередко рассматриваются в сопоставлении или даже противопоставлении, а не в диалектическом единстве, что уже в силу внутренней логики снимает вопрос об общих закономерностях развития. Между тем самобытность (если она выступает внутри отдельных местных вариантов одной цивилизации) не исключает, а наоборот — предполагает — наличие всеобщности, будучи составной частью единой системы — ее порождением, а не отрицанием. Механистическое же расчленение системы вместо диалектического ее восприятия ведет не к познанию реальных, объективно существующих закономерностей и взаимосвязей во всей их сложности и внешней противоречивости, а лишь к своего рода самоотражению, когда несоответствие методики анализа и применяемых инструментов по отношению к объекту дает в исследовательской практике своего рода эффект рикошета со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но объективное постижение сущности определенного объекта возможно лишь при выходе за его пределы¹, что позволяет увидеть его со стороны — т. е. не только в полном объеме, но и в сопоставлении с тем окружением, в котором он существует и вне которого он немалым. Невозможно постичь облик и своеобразие определенной национальной литературы, рассматривая ее самое как своего рода «вещь в себе», а все остальное — литературы определенного региона — лишь сквозь призму ее истории и ее свершений. Точно также невозможно постичь и своеобразие определенного региона (например, славянского) или целой общности, в которую он входит (европейская литература) вне выхода за рамки этого региона, за границы этой общности — выхода, который позволил бы увидеть извне как подлинные масштабы, внутренние соотношения и сами очертания этой общности, так и ее своеобразие, вырисовывающееся лишь в сопоставлении с общностью иного рода, порожденной иным типом цивилизации (например, восточной)².

Естественно, определенный тип цивилизации был внутренне дифференцирован. Это проявлялось и в сфере общего мировосприятия (например, если речь идет о средневековой Европе — наличие сект внутри христианства, позднейшее разделение церкви на Восточную и Западную), и в роли местных традиций, и в особенностях общественно-политической истории отдельных народов, и — что с этим тесно взаимосвязано — в облике, а также темпах развития отдельных литератур, где общие жанры, мотивы, стили осваивались с разной степенью интенсивности. В то же время каждая из местных литератур возникает в результате общей — вненациональной по духу и идее, интернациональной по характеру своей социально-политической направленности и сфере распространения — тенденции со свойственным ей типом мировосприятия, охватывающего разные (в этническом отношении) народы. Постепенное историческое расширение и укоренение этой тенденции предопределило новую конфигурацию и сам облик отдельных регионов новой европейской цивилизации — облик не только (и в определенной степени — не столько) в этническом, сколько именно в общекультурном плане. Если речь идет о славянском мире, то здесь в конечном счете внутренняя дифференциация была продиктована не этническими факторами, а социально-политическими: центробежные (по отношению к праславянской общности) силы были направлены в сторону сближения либо с общностью романо-германской (в ее западно-христианском облике), либо греческо-византийской (в облике восточно-христианском). Приобщение к новому типу культуры не было мгновенным во времени, замкнуто-отграниченным этнически и однолинейным в отношении самих путей его проникновения, характера привнесения и особенностей распространения. Думается, что славистическая наука по мере своего развития накопила достаточное количество фактов, чтобы выйти за их пределы в стремлении постичь целое: особенности развития славянских литератур и их место в общеевропейской литературной истории.

¹ Постигание «изнутри» — лишь первый и необходимый этап исследования, без которого был бы невозможен второй этап, благодаря которому первоначальное, своего рода «плоскостное» изображение обретает реальную объемность.

² В этом отношении классическим образцом в нашей литературоведческой науке являются труды: Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972; е г о ж е. Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения. В сб. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961. Не касаюсь отдельных положений историко-литературного плана, выдвинутых Н. И. Конрадом и стимулирующих дальнейшие поиски в ходе дискуссии главным образом в среде востоковедов. В данном контексте имеется в виду сам тип исследования и перспективы, которые он открывает. Из новейших работ особый интерес представляет коллективный труд «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада» (М., 1974) и, в частности, открывающее его исследование Б. Л. Рифтина.

Формирование и развитие нового — «постславянского» — мира это органичная составная часть процесса формирования новой общеевропейской цивилизации. Понять этот процесс возможно лишь взглянув на него сквозь призму той исследовательской «оптики», которая позволит увидеть отдельные, уже известные факты, отдельные тенденции, отдельные национальные литературы в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Более того — как это ни парадоксально на первый взгляд — но только познание так понимаемого общего поможет более полному и объективному пониманию особенного — своеобразия и свершений как отдельных художников, так и отдельных литератур. В этой связи предложенная Д. С. Лихачевым концепция славянских литератур как системы представляется перспективной и открывающей пути для дальнейших историко-литературных поисков и теоретических разработок. Полемика, вызванная этим выступлением, естественна и вполне объяснима также и психологически: принципиально новый подход к старым (известным, ставшим чем-то привычным) фактам, несоместимость предложенной логики исследования с устоявшимися со времен культурно-исторической школы традициями, радикальное переосмысление того, что считалось незыблемым и очевидным. Впрочем, естественно, не этот — психологический — аспект предвещает поиски путей осуществления давней, а в нынешнем мире особенно актуальной мечты наших отечественных славистов о создании общей истории славянских литератур. В этом отношении новейшая практика советских ученых³ подтверждает суждение Д. Ф. Маркова, высказанное на VII съезде славистов: «Вообще, по-видимому, в центре спора не столько вопрос о возможности или невозможности создания истории славянских литератур, сколько о принципах ее построения, среди которых на первое место выдвигается принцип общего и особенного»⁴. Думается, здесь верно сформулирована не только суть одной из первоочередных задач, стоящих перед славистами, отмечена несомненная перспективность ее дальнейшей разработки, но и выявлена сама направленность определенных поисков.

Общий (но отнюдь не синхронный — о чем здесь уже говорилось) генезис средневековых европейских литератур проявлялся не только в общности поэтики и составе памятников, но и в самом языке письменности и межнационального общения — латыни в Западном макрорегионе и греческого — в Восточном, где со временем появляется и второй универсальный язык, с которым связано формирование письменности собственно славянского региона как составной части Восточного макрорегиона европей-

---

³ Здесь прежде всего следует отметить работу большого коллектива исследователей над созданием «Истории всемирной литературы» и связанные с этой деятельностью научные конференции, обсуждения и публикации Института мировой литературы им. А. М. Горького. Трудно переоценить и тот вклад, который вносит в современную славистику изыскания в области древнерусской литературы, искусства и культуры, проводимые специалистами Пушкинского дома и ИМЛИ. В разработке общеславянской проблематики особое значение приобретают комплексные исследования и тут несомненный интерес представляет определенный опыт Института славяноведения и балканистики АН СССР, связанный, в частности, с разработкой широкого круга вопросов в рамках общей проблемы, формулируемой как «Переход от феодализма к капитализму и формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Прделанная здесь в последние годы работа свидетельствует о том значении, которое в советской славистике уделяется изучению древнеславянских литератур и культур (см. «Славянские литературы. Доклады советской делегации». М., 1973, с. 48). Именно в свете проделанных здесь в последнее время работ отдельные тезисы Д. С. Лихачева могут быть подтверждены как западнославянскими материалами, так и материалами межславянских и славяно-западно-европейских связей.

⁴ Д. Ф. Марков. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. «Славянские литературы. Доклады советской делегации». М., 1973, с. 49.

ской цивилизации. Появление письменности на этом языке означало нарастание процесса, типологически подобного тому, который происходил в Западном макрорегионе и был связан с формированием различных романо-германских литератур на местных наречиях. Так первоначальная дифференциация на макрорегионы по мере культурно-исторического развития отдельных, этнически разнородных государственных образований сопровождалась дифференциацией на регионы, а с возникновением государств, основанных на этнической общности, нарастает дифференциация и внутри отдельных регионов, знаменуя процесс зарождения национальных литератур.

Общий (связанный с христианством) тип мировосприятия европейской цивилизации, общие социально-экономические закономерности исторического развития, свойственные эпохе феодализма, отнюдь не снимали, а наоборот — как свидетельствуют конкретные факты — предполагали наличие местных особенностей, связанных с местными традициями, потребностями и интересами. Это просматривается во всех сферах духовной и материальной действительности, накладывая отпечаток на характер развития самой письменности, и — одновременно — отражаясь в ней. Изначально общий фонд памятников общеевропейской письменности по мере развития отдельных государственных объединений используется внутри них в разном объеме и по-разному — в зависимости от местных потребностей и условий. Именно эти местные потребности и условия диктуют не только логику применения, но и характер переосмысления, равно как и особенности переработки общих памятников, а затем — по мере развития местной культуры (и уже — литературной культуры) — способствуют созданию памятников оригинальных. В то же время в рамках каждой отдельной письменности и общие памятники в их местных вариантах, и памятники оригинальные были тесно взаимосвязаны как в сфере философско-эстетической, так и в сфере их практического применения, являя собой системное единство. Поэтому выделение «общего» и «особенного» не должно означать их расчленение.

Общее — не механическая сумма отдельных, местных особенностей. Общее и особенно — межнациональное и национальное — явления (и понятия), диалектически взаимосвязанные в рамках одной системы, а не механистически противостоящие и существующие сами по себе. Абсолютизация той или иной части этой диалектической по своей сути целостности ведет не только к нарушению общей, объективно существующей в рамках системы пропорции, но и к смещению в самих представлениях о каждой из ее составляющих. Это относится и к вопросу о литературе-посреднице и межлитературном языке. Возникновение такого рода литературы и языка связано с определенным национальным регионом. Однако эти первоначально национальные язык и литература (или ее часть) со временем становятся межнациональными в силу самого распространения в иных регионах, межнациональными, по типу своего функционирования и своей роли в инациональной среде и для этой среды. Более того — этот процесс характерен для всего средневековья (не только европейского) и связан с распространением определенного типа религии, которая из первоначально национальной становится межнациональной. По мере географического распространения этой религии, т. е. превращения ее в межнациональную, приобретает межнациональный характер и связанная с ней литература, и сам язык, на котором она создавалась. Так было с иудаизмом, христианством, буддизмом, магометанством. Литература и язык каждой из мировых религий были национальны для того народа, в среде которого они возникли, а одновременно наднациональны для всех других народов, воспринявших эту религию вместе со свойственным ей языком и литературой, которые

в связи с этим обретают универсальный характер и играют ключевую роль в межнациональном общении и культурном обмене внутри определенно — этнически неоднородного — региона.

В Европе с течением времени процессу дифференциации на два макрорегиона сопутствует и процесс дифференциации литературно-языковой: для Запада роль посредника начинает играть латынь, а для Востока — греческий. Византия в стремлении расширить сферы своего воздействия на соседние народы прибегла к эксперименту, который на Западе столь же успешно повторится спустя много веков — во времена реформации и контрреформации, когда в целях более успешного распространения религиозной доктрины будут использованы национальные языки, а не бывшая для этого макрорегиона в течение столетий универсальной, но непонятной большинству местного населения латынь. Итак, если принять, что язык Кирилла и Мефодия — древнеболгарский, то для болгар он был национальным. Для других же славян этот язык, связанный с именами миссионеров византийского варианта общеевропейской доктрины, был близким, понятным, но не национальным, ибо праславянская общность к тому времени была достаточно дезинтегрирована. Будучи связанным с определенным типом мировосприятия, более того — изначально предназначенный для распространения этого мировосприятия в конкретной этнической среде, включающей уже разные, но генетически близкие племена и народности, язык, который, мы называем древнеболгарским, одновременно выступает и как межнациональный, универсальный для той части славянства, где миссия, начатая Кириллом и Мефодием, принесла свои плоды. Аналогичной была роль латыни (также изначально связанной с определенной этнической общностью и государством) для средневековых литератур Западного макрорегиона, куда входили все литературы западнославянские и часть южнославянских.

Наднациональный философско-эстетический характер мировосприятия, связанные с ним наднациональный язык и письменность как проявление и отражение определенного типа цивилизации, охватывающей и сближающей разные этнические общности, способствовали их дальнейшему развитию на новом — феодальном — этапе европейской истории. Тем самым эта наднациональная тенденция потенциально способствовала назреванию и развитию в рамках определенной межнациональной общности отдельных, местных, национальных особенностей. В сфере литературы это проявилось в обращении к местным проблемам, в самой тематике и, наконец, в возведении местного языка в ранг литературного. В каждой местной литературе периоды развития на межнациональном и национальном языках взаимосвязаны не только фактом принадлежности к одной и той же этнической общности, государству или одной и той же идеей преемственности, но и одновременно принадлежностью к одному и тому же типу литературы, порожденной общим типом цивилизации и свойственными данному макрорегиону философско-эстетическими канонами. Без этой диалектики общего (европейского) и особенного (местного, национального) невозможно постичь характер литературного развития.

Процесс перехода отдельных письменностей на национальные языки был отражением общей и единой линии литературной эволюции, характерной для европейской цивилизации. Жанровая система, характер и типы художественных приемов и средств, стилевые тенденции, не говоря уже о составе памятников и отдельных мотивах, — все это, привнесенное и освоенное на языке межнациональном, заложило основы местных литературных культур, став впоследствии предпосылкой (и исходным пунктом) для претворения обретенных познаний, приемов и схем в материале родного языка. Так через начальное (обусловленное принятием христианства) от-

рицание той части местной культуры, которая была связана с язычеством, по мере достижения определенного качества материального и духовного развития на основе нового, свойственного эпохе феодальных отношений мировосприятия, каждая из местных культур опять приходит к национальной идее, но уже на качественно ином, следующем, более высоком с точки зрения эволюции уровне в сопоставлении с типом своей «исконной» культуры и свойственной ей устной литературы на родном языке.

Эта спираль развития — обращение к идее национального каждый раз на новом уровне — просматривается на протяжении каждого, являющего собой эпоху эволюционного витка: во времена Возрождения, барокко, Просвещения, романтизма и т. д. Однако стык средневековья и Возрождения имел особый характер, ибо в этот период (который в разных регионах и литературах выступал в разное время) в результате местных особенностей развития общей тенденции происходит процесс перехода количества в качество: использование уже сложившейся здесь (в результате процесса трансплантации⁵ ценностей общерегионального характера и на общерегиональном языке) литературной культуры в сфере своего, национального языка. В каждой отдельной письменности этот общий процесс протекал в разное время и по-разному в силу местных особенностей общественного развития, связанного с формированием народа и народного самосознания. Сама же направленность этого процесса и логика его развития были порождением и отражением общих для всей европейской литературы закономерностей.

Переломным и по своему значению для всей последующей литературной истории поистине грандиозным было знаменательное для стыка средневековья и Возрождения явление постепенного угасания литературы-посредницы. Эта тенденция — не только своего рода результат развития местных литератур на национальных языках, но и исторически неизбежное следствие эволюционных процессов, порожденных в отдельных литературах одного региона самой же общерегиональной литературой-посредницей.

Необходимость в литературе-посреднице отпадает по мере достижения каждой отдельной литературой определенного уровня литературной культуры и литературного самосознания. Тенденции к отмиранию старого типа литературного развития и межлитературного общения сопутствует процесс формирования того типа литературной эволюции и межлитературных связей, который характерен уже для нового времени. Секуляризация, выделение беллетристики как особого рода письменности, доминанция личностного начала — все это не только радикально изменило философско-эстетический облик литературы, но и обусловило иные — несравненно более динамичные темпы ее развития, что отразилось (и воплотилось) в самой частотности смены литературных эпох. Этот процесс при общей направленности не был синхронным для славянских литератур, связанных с Западным макрорегионом, ибо динамика эволюции и ее масштабность обуславливались местными историко-культурными факторами. Именно этим объясняется и более поздняя хронология аналогичных явлений в литературах восточных и той части южных славян, которые были связаны с православием, а тем самым — с церковнославянским языком. Новое качество — общее для всех славянских литератур как органичной части литературы европейской — проявлялось по мере их перехода от средневековых канонов к новым. Переход этот не был синхронным для отдельных на-

⁵ Это понятие употребляется здесь в том объеме и в свете той концепции, которые были предложены Д. С. Лихачевым в исследовании «Древнеславянские литературы как система» («Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968).

циональных литератур, и только в отношении регионов можно констатировать естественное с точки зрения социально-политической и культурной истории более раннее распространение новых эволюционных тенденций в тех славянских литературах, которые входили в Западный макрорегион. Возрождение в литературах западных и части южных славян было связано с веяниями, охватившими весь Западный макрорегион. Его границы были одновременно границами проявления социально-исторических и художественно-культурных закономерностей и традиций, явившихся главной предпосылкой распространения качественно новых процессов. Восточный макрорегион не имел Возрождения как в силу общеизвестных исторических факторов, так и преград, создаваемых официальной системой мировосприятия, которую блюла православная церковь. Лишь с усилением государственности, а с ней и светской власти на территории Московского государства (единственного независимого в Восточном макрорегионе славянского народа) церковное начинает подчиняться государственному со всеми вытекающими отсюда последствиями в культурной жизни и художественном творчестве. В этой связи думается, что концепция Д. С. Лихачева о русском Предвозрождении заслуживает пристального внимания. Дальнейшая ее разработка в сопоставлении с историей других славянских литератур представляется перспективной не только с точки зрения своего рода ее «проверки на прочность», но и для выявления тех закономерностей развития, которые были общими для славянских литератур как органичной составной части литературы общеевропейской. Отдельные славянские литературы знакомились с новыми веяниями и воспринимали их благодаря отдельным (славянским и неславянским) национальным вариантам, составляющим общерегиональную литературу⁶. И с этой точки зрения исследование системы межславянских и славяно-романо-германских связей — очень важный этап на пути создания общей истории европейской литературы.

Сейчас — на основе уже известных фактов — можно отметить, что как межславянские, так и славяно-романо-германские связи не были абсолютно односторонними и единонаправленными. Причем, в данном случае речь идет не только о творчестве древнеславянских ученых и писателей средневековья, творивших на языках международного общения (латынь, древнегреческий, церковнославянский), а частично живущих в центрах этого общения и с ними связанных (Византия — в Восточном макрорегионе; Рим, университеты, монашеские ордены и разного рода религиозные институты — в Западном макрорегионе). Речь идет не только о славянских ученых и писателях Возрождения и барокко, творивших на итальянском, немецком и венгерском. Думается, что историю отдельной славянской ли-

---

⁶ Это особенно явственно проявляется во входящих в Западный макрорегион славянских литературах, создаваемых народами, утратившими национальную независимость: государственно-административная общность с другим — «правящим» — народом могла не только способствовать подавлению национального, но и облегчать общение, а тем самым способствовать обогащению литературы существующего в общих границах, но лишенного самостоятельности народа. Это особенно явственно просматривается, начиная с периода Реформации, с которой связана концепция религии и культуры на национальных языках. Именно в этот период возрождается (или, как например, у словенцев — зарождается) письменность славян, оказавшихся в границах Австрии и германских государств. Более того — австрийские и германские деятели Реформации способствовали развитию этих тенденций, распространяя свои идеи на родных языках славянских народов. Аналогичной была и деятельность славянских поборников Реформации на землях своих инославянских собратьев (пример: деятельность поляков на украинских и белорусских землях, входивших в состав Польско-Литовского государства). Следует отметить, что также и поборники Контрреформации стали использовать национальные языки в своих целях, не оставив без внимания урок своих противников.

тературы, как и славянских литератур в целом или историю какой-либо из западноевропейских литератур и самой западноевропейской литературы как целостности в равной степени невозможно создать, не выйдя за их пределы: понять частное можно лишь во взаимосвязи с общим. Чтобы увидеть картину, уяснить ее смысл, оценить как целое, а не как отдельные, наложенные на холст мазки (из которых она состоит), необходимо отойти от нее на определенное расстояние и отходить до тех пор, пока эти мазки не предстанут как преисполненные ритма линии, как отдельные фигуративные слагаемые, объединяющиеся в значимое целое, пока вся картина не предстанет как определенного типа организованное пространство, свет и тень, цвет, что в своей совокупности и обуславливает восприятие произведения живописи как системного целого, являющего собой определенную композицию, которая воспроизводит некую «фабулу», а в самом типе воспроизведения отражает характер художественного видения, свойственного исторически определенному мировосприятию.

При таком исследовательском подходе предложенное Д. С. Лихачевым и обоснованное им на материале древней письменности восточных и части южных славян рассмотрение литератур как системы представляется плодотворным и применимым к изучению литературного процесса в целом. В этой связи целесообразно отметить следующее: в полной мере понять западноевропейскую литературу — то есть выявить ее роль, значение, сферу распространения в контексте общеевропейского литературного процесса — невозможно без славянских регионов. В противном случае картина будет не только неполной, но и обедненной. Суть в том, что многие свершения Запада вызвали интерес и обретали отзвук в славянском мире. При этом на славянской почве западноевропейские (по своему генезису) веяния, художественные тенденции или отдельные творения отнюдь не всегда играли роль эталона, схемы, образца для подражания. Нередко они вплетались в систему местных традиций, представлений, идей и потребностей, играли роль импульса. (Это особая — очень большая и сложная — проблема, нуждающаяся в конкретной разработке.) Разнообразно (а следовательно — и творчески) используя свершения западных литератур, славяне создавали свои национальные варианты, без которых — в свою очередь — невозможно воссоздание истории общеевропейской литературы. (Особый аспект рассматриваемой проблемы — фольклорная трансформация западноевропейских литературных мотивов у славян.) Другая сторона этого же процесса (или иначе — обратная связь явлений, его составляющих) — обогащение западных литератур благодаря общению с отдельными культурами славянского мира. (Пример: роль славянского фольклора в истории западноевропейского романтизма.) В качестве примера оригинальности славянского варианта общеевропейского мотива можно привести польскую трансформацию средневекового романа «История семи мудрецов». Этот роман в польском своем облике стал основой не только русского и украинского переводов в XVII в., но и армянского. Наиболее многочисленные средоточия армян в Польше были связаны с Львовом и Замостьем. В Замостье Якуб Токач перевел в 1614 г. на армянский польский вариант «Истории...», созданный Яном из Кошичек. Этот вариант настолько отличался от снискавшего общеевропейскую известность своего латинского первоисточника, что неопознанный в качестве литературного памятника был переведен с армянского на французский уже в наше время⁷. Это один из примеров, иллюстрирующих не только наличие двусторонности в славяно-западноевропейском обмене культурно-ху-

⁷ См. F. M a c l e r. La version arménienne de l'Histoire des Sept Sages de Rome. Paris, 1919; J. K r z y ż a n o w s k i. Romans polski wieku XVI. Warszawa, 1962.

дожественными ценностями, но и необходимость (а в равной степени — и перспективность) изучения славянской литературной истории как части общеевропейской, а литературной истории Западной Европы — в контексте ее взаимосвязей со славянским миром. Думается, что научные последствия «изоляционизма» как в славистических, так и романо-германских исследованиях очевидны и нет нужды останавливаться на этом подробно. Однако как это ни парадоксально, «изоляционизм» дает о себе знать и в самих внутриславистических исследованиях. Правда, этот «изоляционизм» скорее практического, нежели методологического свойства и связан с отсутствием достаточной координированности и непосредственного сотрудничества ученых, занимающихся разными славянскими регионами и отдельными славянскими литературами. Причем это может проявляться не только в международных рамках славистической науки, но и внутри отдельных — национальных — ее составляющих. У нас это, может быть, особенно явно обнаружилось в процессе подготовки и позднейшего обсуждения славянских разделов первых томов (от средневековья до Просвещения) «Истории всемирной литературы», создаваемой большим коллективом ученых, представляющих практически все крупные научные центры страны.

Сведешные воедино в рамках определенных разделов, написанные разными авторами главы по отдельным славянским литературам, явились в определенной степени своего рода наглядным отражением некоторой разобщенности наших славистических изысканий, а одновременно и иллюстрацией последствий такого рода положения. Не останавливаясь подробно на этой обширной и весьма существенной теме, которая может стать предметом особого обсуждения в нашей славистической среде, здесь целесообразно лишь отметить в качестве последствий разобщенности выявленные разными авторами на материале отдельных славянских литератур закономерностей, которые квалифицируются как национальные особенности, но в сопоставлении оказываются проявлением общих закономерностей — тем самым как бы «нечаянно» и на практике не только подтверждая идею Д. С. Лихачева о возможности создания единой истории славянских литератур, но и в какой-то степени ее материализуя. В качестве примера можно привести некоторые констатации из главы самого Д. С. Лихачева.

Главной особенностью русского Предвозрождения автор считает обращение к своей, национальной (а не классической) древности⁸. Между тем аналогичная тенденция характерна и для Польши, начиная с «Польской хроники» Винцэнтэя Кадлубэка (ок. 1150—1223). По своей идейной направленности, роли в национальной историографии и общественной жизни «Польская хроника» Кадлубэка может быть рассмотрена как историко-типологический аналог «Сказания о князьях Владимирских», появившихся на Руси хронологически позднее, но в подобной же социально-политической ситуации и исторической эпохе. То, что пишет Д. С. Лихачев о политической легенде в русской историографии⁹ имеет аналогию в историографии польской и западноевропейской. Это подобие было обусловлено аналогичными потребностями периода возникновения и становления национальных государств феодального типа и их выходом на мировую арену. В этой связи восходящая к идее псковского старца Филофея концепция «Москвы — третьего Рима», о которой пишет Д. С. Лихачев в своей главе¹⁰, является характерным в историко-типологическом отношении русским аналогом шляхетской идеологии сарматизма с его концепцией

⁸ См. «История всемирной литературы» (макет), т. III, вып. 7. М., 1973, с. 24.

⁹ Там же, с. 54 и сл.

¹⁰ Там же, с. 55.

«Польша — аванпост христианства», Польша, защищающей католицизм от магометанства, православия и реформации¹¹.

Общие закономерности — несмотря на различие регионов — просматриваются и в сфере явлений, связанных с постепенной дифференциацией литературы — формированием в границах ее общего русла беллетристики и деловой письменности. То, что в этой связи пишет Д. С. Лихачев, подытоживая свои выводы о развитии русской литературы XVI в.¹², применимо и по отношению к западноевропейским литературам.

Некоторые закономерности развития общего характера и подобные черты в отношении художественного облика в сфере литературных приемов и средств можно отметить также и в области славянской агиографии. Так, например, проведенный Д. С. Лихачевым чрезвычайно интересный и тонкий анализ «Повести о Петре и Февронии», открывающий удивительный психологизм, глубокую проникновенность и лиризм повествования, вскрывающий параллели с «Тристаном и Изольдой» может быть сопоставлен с таким замечательным памятником чешской письменности XIV в., как «Житие святой Екатерины» (где между прочим встречается непосредственная ссылка на историю Тристана и Изольды).

Естественно, здесь и далее речь идет не об общности темы, сюжета, персонажей в сопоставляемых памятниках разных литератур, а — что в данном случае представляется несравненно более важным с точки зрения истории литературного развития — об общем подходе к разработке темы, общем в самом характере построения сюжета, общем в самом типе создания образов и обрисовки их отношений.¹

Свой западнославянский аналог имеют и те творения древнерусской агиографии, которые Д. С. Лихачев предлагает назвать «народными житиями». То, что пишет Д. С. Лихачев о «соединении идеализации с бытовыми подробностями» в русской агиографии XVII в. проявляется и внутри той тенденции польской житийной литературы, которая просматривается по крайней мере со времен «Жития святой Кинги», возникшей на рубеже XIII и XIV вв. Это лишь часть примеров, которые, думается, уже сами по себе свидетельствуют о назревшей необходимости координировать усилия ученых, занимающихся разными литературными регионами и отдельными входящими в эти регионы литературами. Отсюда вытекает очевидная необходимость комплексного решения насущных проблем, среди которых, если речь идет о славистике, самой главной, а вместе с тем заманчивой, перспективной и сложной является выдвинутая Д. С. Лихачевым идея создания единой истории славянских литератур. Ее реализация связана с интеграцией усилий наших славистических центров и их сотрудничеством с исследователями других литератур — прежде всего романо-германских и византийской, ибо славянские литературы при всей их внутренней дифференцированности и расслоении в границах своих определенных регионов в то же время — именно в рамках этих регионов входили в общеевропейскую культурную и литературную общность. А ее образ, лишенный славянского ареала, был бы искаженным и неполным.

¹¹ Впрочем роль Польши как «antemurale christianitatis» отмечалась и рядом видных западноевропейских политиков и мыслителей, среди которых имена Маккиавели и Эразма Роттердамского (См. J. T a z b i r. Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1971).

¹² Ibid., s. 61.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Ф. И. СТЕКЛОВА

В КРУГУ ДЕКАБРИСТОВ

Имя Густава Зелинского, польского поэта-революционера 30-х годов XIX в., уже упоминалось на страницах настоящего журнала в статье «А. И. Одоевский и Адольф Янушкевич»¹.

Зелинский родился в 1809 г. в семье бывшего полковника армии Костюшко. Окончив школу в Плоцке, он поступил в Варшавский университет. Но не успел он его закончить, как его подхватили волны ноябрьского восстания. Он сражается в рядах повстанцев, получает звание офицера. Когда теснимые царскими войсками восставшие перешли прусскую границу, Густав, уступая просьбам старого отца, вернулся домой. Скрываясь от жандармерии бывший повстанец проводит одинокие дни в захолустном фольварке среди любимых книг. Однако новая волна освободительного движения захлестнула его. Он встречался с повстанцами, партизанами отряда Артура Завиши и других эмисаров, помогал им одеждой, провиантом. Зелинский был арестован, судим и в мае 1834 г. приговорен царским судом к лишению всех прав, конфискации имущества и отправке в Сибирь на поселение. Отправленный по этапу он прибыл в Тобольск, прожил там год, а затем был выслан в Ишим, где провел еще семь лет. В Сибири расцвел его поэтический талант; в письмах к сестре он часто цитирует свои стихи, отрывки из поэм, переводов. Там он пишет несколько больших произведений.

В 1842 г. родные Г. Зелинского добились возвращения его на родину. Вернувшись и получив в наследство от дяди большое имение, Зелинский делит свою жизнь между управлением хозяйством и собиранием библиотеки редких книг и рукописей. Позднее она станет достоянием народа.

Творчество поэта с 1832 по 1842 г. достаточно изучено, однако стихотворения, созданные в тобольско-ишимский период, чаще всего подвергались анализу лишь со стороны формы. Примером может служить статья Т. Поляновского о лирике Г. Зелинского, опубликованная в 1975 г.², из которой можно почерпнуть интересные сведения о форме, словесном арсенале стихов Зелинского, о литературных направлениях, влиявших на поэта. При этом совершенно не учитывается обстановка сибирской ссылки, где, несмотря на неусыпный надзор царской полиции, создавались эти стихи.

У человека, осужденного и сосланного за активное участие в восстании и партизанском движении, вольнолюбие является центральной идеей, движет жизнью и должно было, безусловно, отразиться в творчестве. По-

¹ «Советское славяноведение», 1968, № 3, с. 58—62.

² T. P o l a n o w s k i. Sentymentalizm uromantyczniony. O liryce Gustawa Zie-lińskiego. «Roczniki Humanistyczne», t. XXIII, z. 1, 1975.

иски в архивах, старых журналах и книгах позволили обнаружить прямые и косвенные доказательства серьезного отношения Зелинского к освободительной борьбе, его дружбы с самыми передовыми людьми тогдашней России, и — главное — позволили по-новому прочитать его произведения.

Уже давно ученые и критики высказывали догадки о влиянии на творчество Зелинского прогрессивной русской поэзии — об этом говорили стихотворения и поэмы — их сюжетика, стиль, хотя документально это и не подтверждалось. И лишь прочитанные впервые в 1968 г. «Календарь»³, т. е. дневники Зелинского, которые он вел в ссылке в 1835—1842 гг., дали возможность обосновать эти догадки.

Из записей в «Календаре» за 1835 г. явствует, что поэт читает много книг на польском, немецком, французском языках; среди авторов — Гюго, Ипполит Тэн, Бальзак, Мериме, Эжен Сю, Шатобриан. Русских книг немного — стихи Ивана Козлова, Журнал министерства просвещения.

Очень жаль, что не сохранился «Календарь» за 1836 г. — ведь именно в августе этого года приезжает в Ишим декабрист Александр Одоевский, прекрасный поэт, большой знаток русской литературы, любивший жанр исторической драмы. Не случайно именно в это время Зелинский возобновляет работу над исторической драмой «Збигнев», героиня которой названа русским именем Людмила, как и героиня поэмы Пушкина. В «Календаре» за 1837 г. отмечено окончание работы над «Збигневом».

Именно с этого времени в «Календарях» все чаще появляются названия произведений русских писателей: здесь и «Горе от ума» Грибоедова, все тома сочинений А. С. Пушкина (отдельно Зелинский упоминает «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Полтаву», «Домик в Коломне», наконец, «Евгения Онегина»); упоминаются произведения Бестужева-Марлинского, из русских журналов — «Современник».

Создается впечатление, что активный интерес Зелинского к русской литературе возник именно под влиянием А. Одоевского, одного из лучших лекторов по этой теме в далекой «Академии ссыльных» на Петровском заводе. Мы не знаем, когда именно произошло знакомство Густава с декабристом, но известно, что уже в октябре Одоевский посвящает лучшему другу Зелинского — Адольфу Янушкевичу свое первое стихотворение. Мы имеем право предполагать, что эти образованные, высоко культурные, прогрессивные люди, объединенные общими интересами, любовью к свободе, сблизились.

В «Календаре» за 1837 г. есть одна запись, подтверждающая это предположение: там, где Зелинский записывал сведения о самых близких ему людях (получение писем от сестры, дяди) — он записал в августе месяце: «27. Odjazd p. Odojewskiego na Kaukaz». («27. Отъезд пана Одоевского на Кавказ»).

На эти же годы падает и начало активной творческой работы над поэмами «Конь Бедуина», «Степи», «Киргиз», в которых наиболее ощутимо влияние русской поэзии.

Вскоре мне пришлось разгадывать еще одну интересную загадку. Ко мне обратился с письмом московский писатель Виктор Утков, занимающийся творчеством автора известной сказки «Конек-Горбунук» Петра Ершова, долгое время жившего в Тобольске. В записях художника-искривца М. С. Знаменского В. Утков нашел упоминание о знакомстве Ершова с польским поэтом Зелинским и даже о сделанных Ершовым

³ «Kalendarze». Библиотека им. Зелинских в Плоцке, шифр Р. 373/I, II, III, IV, V, VI, VII.

переводах его стихов. Но по документам известно, что Ершов приехал в Тобольск лишь год спустя после отъезда отсюда в Ишим Г. Зелинского. А между тем художник Знаменский сообщает, что, когда он где-то в начале 60-х годов XIX в. был у Ершова, тот вспоминал о своих «хороших и умно прожитых днях; рассказывал про сосланных поляков — музыкантов и поэтов. Говорил про (ссылного) поэта Зелинского, написавшего превосходные польские стихи... Место действия — Жуково... Картина великолепная. Для будущей исторической тобольской картины у него можно позаимствоваться многим»⁴.

В. Утков решил, что это какая-то ошибка. Но на самом деле ошибки не было. П. Ершов и Г. Зелинский действительно встречались, но не в конце 30-х годов, а в 1842 г., когда Зелинский получил от властей предписание выехать на родину и из Ишима приехал в Тобольск. Сохранившиеся записи в его «Календаре» 1842 г. свидетельствуют о том, что он пробыл в Тобольске, ожидая приказа, около месяца.

Итак, Зелинский прибыл в Тобольск утром 10 сентября. К этому времени в городе было очень много ссыльных декабристов, в частности, Барятинский, братья Бобрищевы-Пушкины, Штейнгель, Свистунов, Кюхельбекер, из Туринска часто наезжает Пуцин, из Ялуторовска — Якушкин. Все они собираются в доме декабристов Фонвизинных, где постоянно бывал и П. Ершов. И если Ершов упоминал о своем переводе стихов Зелинского, которые были у последнего только в рукописи, то, вероятнее всего, что они встречались.

Какие же стихи переводил Ершов? Установить это оказалось несложно, поскольку о содержании поэт говорил Знаменскому. Зелинский писал в письме к сестре: «Najpiękniejszym jednak miejscem pod względem malowniczym jest Żuków, wioseczka na wzniosłym Irtysza brzegu położona. W uniesieniu poetycznym napisałem te kilka wierszy:

Pod nogą przepaść, na której brzeg stromy
Wzburzona rzeka mętne fale ciska;
A nad przepaścią — jak olbrzymów domy
W dziwacznych kształtach sterczą gór urwiska.
I na widnokrąg, półwieńcem rzucona,
Nadbrzeźna góra schyla się i ginie,
I widać rzekę, jak w biegu skręcona
Nadaje życie spokojnej dolinie.
Pośród doliny, która wiosny tchnienie
Śród piaszczot, stroi w różnobarwe szaty,
Widać gdzieś tam rozrzucone chaty,
Spokojnych ludzi — spokojne schronienie;
Dalej, las ciemny, nad nim góra spływa;
A czoło góry znowu las okrywa;
Lasy i góry, mieszają się, błędna,
To się rozchodzą, to znów w oddaleniu
W nierozróżnioną, dziwną całość jedną
Zlewają kształty — to nikną w mgły cieniu,
To znów na chwilę jak błędne obłoki
Zmieniają światło, zmieniają widoki.
A tak daleka już jest ta kraina,
A tak wzrok słaby człowieka źrenicy,
Że dojsć nie może tej wietrznej granicy,
Gdzie się las kończy a niebo poczyna»⁵

⁴ «Сибирские огни», 1940, № 4—5, с. 239.

⁵ «Poezyc Gustawa Zielińskiego», t. I. Toruń, 1901, s. 84—85. «Однако самым прекрасным местом — с точки зрения живописности — является Жуков, деревенька, расположенная на высоком берегу Иртыша. В поэтическом вдохновении я написал эти несколько строк:

Глубоко внизу пропасть... Река разбушевалась
И яростно кидает мутные волны на обрывистый берег.

Естественно предположить, что любовь к прекрасной природе, к поэзии сблизила такие поэтические натуры, как Ершов и Зелинский. Общим у этих людей были не только любовь к поэзии, но и свободолюбивые взгляды.

Зелинский перевел начальные строфы поэмы «Чернец» Ивана Козлова, слепого поэта, друга Пушкина и декабристов братьев Тургеневых. Поэму Козлова очень высоко оценивал Пушкин. Считается, что она оказала влияние на лермонтовского «Мцыри», а позднее — на «Тризну» Тараса Шевченко.

Судя по «Календарям», Зелинский познакомился с поэмой Козлова еще будучи в Тобольске, по изданию 1833 г. Скорее всего, в образе гордого монаха польского поэта привлекли его одиночество, печальная судьба. Образ заброшенного злой судьбой на чужбину юноши из поэмы «Самоубийца», начатой Зелинским в это время в Тобольске, перекликается с образом козловского чернеца. Из литературы о Ершове известно, что ему, первое время чувствовавшему себя в Тобольске очень одиноко, образ чернеца был близок. Приведенный нами выше отрывок — фрагмент из поэмы Г. Зелинского «Самоубийца». Во время охоты неподалеку от Тобольска юноша отделяется от общества, сидит в одиночестве на берегу Иртыша и потом кончает жизнь самоубийством.

Сопоставив все эти факты, можно с большой степенью вероятности предположить, что приехавший в сентябре 1842 г. в Тобольск Зелинский быстро нашел себе друга в П. Ершове.

Среди переводов Г. Зелинского с русского языка есть и стихотворение «Журавли»:

ZÓRAWIE

(Z rosyjskiego, M. Czyżowa.)

Zaledwie dostrzeżone w powietrza przestrzeni
Z krzykiem, zbite w rząd ścieśniony
Lecicie, nie czekając chwil mroźnej jesieni,
W cieplejsze południa strony.

W te miejsca, gdzie Amuru srebrzące się wody,
Pieszczą brzeg kwieciami odziany;
Gdzie nieznanе jesieni chłodnej niepogody,
Gdzie i szron zimy nieznanу.

А над пропастью — словно жилища гигантов
Стоят причудливые каменные утесы.
Брошенная полукругом на горизонт,
Прибрежная стена понижается и исчезает.
Вдали река, несущая жизнь на мирные пастбища.
В глубине долины, которую весна наряжает
В разноцветные одежды,
Видны разбросанные хижины —
Мирные убежища мирных людей.
За ними темный лес, над ним вздымается гора,
А вершина горы вновь одета лесом.
Перемежаясь, леса и горы постепенно бледнеют,
Сливаясь в одну, еле различимую туманность.
И то исчезают под сенью туч,
То снова проявляются на миг, как блуждающие облака,
То темные, то светлые — они меняют фон картины.
И уже так далека эта туманная страна,
И уже так слаб взор человека,
Что нельзя различить той легкой грани,
Где кончается лес и начинается небо».

Swobodne, jak pęd wichrów na stepów równinie,
 Jak wzburzone morza fale,
 Jak myśl, wiecznie lecąca ku lubej krainie,
 Wam obcy los mój i żale.

Niewolnik — namiętnością przykuty do ziemi,
 Podnoszę łzawę spojrzenie; —
 Napróżno wstrząsam skrzydła, ach! skrzydły mojemi
 Nie wzleczę w niebios przestrzenie.⁶

1835

Однако имя указанного Зелинским русского поэта не приводится ни в одном словаре, ни в одной энциклопедии... Потом я поняла, что начальная буква имени поэта изменена на польский лад! По-польски — Миколай, по-русски — Николай. Николай Чижов! Такой декабрист был, и был поэтом, и у него нашлось стихотворение «Журавли», написанное во время ссылки в 1828 г. в Олекминске на Лене.

Но и тут возникли недоразумения: во-первых, Чижов никогда не был ни в Тобольске, ни в Ишиме, а во-вторых — стихотворение «Журавли», как мне удалось выяснить, впервые было опубликовано только в 1861 г. в московском журнале «Библиографические записки»⁷ спустя 13 лет после смерти автора.

Вот его текст на русском языке:

ЖУРАВЛИ

Чуть-чуть видны на высоте воздушной,
 Заслыша осени приход,
 Несетесь с криком вы станицей дружной
 Назад в полуденный отлет —
 Туда, где светлого Амура воды
 Ласкают зелень берегов,
 Не ведая осенней непогоды,
 Ни хлада зимнего оков.
 Свободны вы, как ветер непостоянный,
 Как лоно зыбкое морей,
 Как мысль, летящая к стране желанной —
 Вы чужды участи моей.
 Земного раб, окованный страстями,
 Подъяв слезящие глаза,
 Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
 И унести под небеса.

В «Алфавите декабристам», изданном в 1827 г., о Н. Чижове написано: «Чижов, Николай Алексеев. Лейтенант 2-го флотского экипажа.

Принят в Северное общество за месяц до возмущения. Знал цель — ограничение самодержавия. 14-го декабря был в гвардейском экипаже и первый сообщил там о возмущении московского полка и о прибытии нескольких рот одного на Петровскую площадь с экипажами и сам туда же отправился.

По приговору Верховного уголовного суда осужден к ссылке в Сибирь на поселение бессрочно. Высочайшим же указом 22-го августа повелено оставить на поселении 20 лет»⁸.

Н. А. Чижов был отправлен в Олекминск на Лене, Якутской области. Считалось, что в 1833 г. Чижова по просьбе матери перевели в линейный батальон № 14, расположенный в Иркутске⁹.

Здесь-то и была допущена ошибка: в 1833 г. Чижов был отправлен

⁶ Ibid., т. II, с. 396.

⁷ «Библиографические записки», т. III. М., 1861, № 14, с. 417—418.

⁸ «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII. Ленинград, 1925, с. 204.

⁹ Б. К у б а л о в. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925, с. 73.

в один из полков, расположенных в Тобольске! ¹⁰. Зачислен был солдатом, но потом стал унтер-офицером. Чуть ли не с первых дней приезда Ершова в Тобольск, он подружился с ним. Чижев вместе с Ершовым писал водевили, небольшие пьески. Литература о Чижове открыла новые горизонты поисков ¹¹. П. П. Ершов упоминал в своих письмах о тобольском оркестре, состоящем из учеников Алябьева и руководимом «В-лицким». Он безусловно имел в виду Константы Волицкого, сосланного в Тобольск по тому же делу, что и Зелинский, и близкого родственника последнего. Константы Волицкий оставил нам интереснейшую книгу воспоминаний о пребывании в ссылке, которая в настоящее время является библиографической редкостью и на русский язык не переведена ¹².

Волицкий прибыл в Тобольск в 1834 г., через месяц после него сюда прибывает и Г. Зелинский. По разрешению властей родственники поселились вместе; жили вместе около года.

Во времени прибытия в Тобольск Волицкого и Зелинского Н. Чижев жил там уже около года. Они очень скоро заметили друг друга. Н. Чижев, племянник петербургского профессора, служивший сначала на Черном море, затем в Кронштадте, с экспедицией Литке побывавший на Новой Земле. За время, проведенное в далекой Якутии, полюбивший фольклор далеких окраинных народов, о чем свидетельствуют его произведения, созданные тогда же, в Олекминске на Лене: якутская повесть «Нуча», «Русская песня», якутская фантазия «Воздушная дева», и, наконец, полные печали «Журавли» К. Волицкий — музыкант и композитор, окончивший Парижскую консерваторию; Г. Зелинский, любивший и знавший литературу, сам уже тогда писавший лирические стихи, окончивший Варшавский университет и с оружием в руках защищавший свободу своего народа...

Долгими зимними вечерами в общей гостиной на Мало-Архангельской улице в тихом Тобольске не было скучно: эти молодые и мужественные люди многое могли рассказать друг другу. К. Волицкий вспоминает далекие прогулки по окрестностям, по берегу Иртыша, тепло отзываясь о новом друге: «Из русских там был тогда Николай Алексеевич Чижев, бывший лейтенант флота, который за участие в восстании... был сослан на поселение в Иркутскую губернию с лишением всех прав, а потом „помилуван“ в простые солдаты в Тобольск. Это был русский, но образование и высокие чувства снискали ему у всех нас уважение и дружбу...» ¹³.

Поэтому не удивительно, что стихи Чижова еще в рукописи были переданы Г. Зелинскому и уже в 1835 г. были переведены.

Вернувшись на родину и занявшись своим большим поместьем, Г. Зелинский часто выезжал за границу. В 1850 г. в Италии он посетил места, связанные с именем Данте. Возможно, под впечатлением этого путешествия он переводит отрывок из V песни «Ада» о Франческе да Римини и Паоло, великую песню о трагической любви и дружбе, о вечном страдании. Под переводом этого отрывка поставлена знаменательная дата: «Pisa. d. 14-go Grudnia, 1850 г.» ¹⁴ — 25-летие декабрьского восстания.

Тем самым Густав Зелинский отдал дань великой дружбе, наполнившей его жизнь глубоким содержанием.

¹⁰ Декабристы, т. I. Антология в двух томах. Ленинград, 1925, с. 462.

¹¹ Б. Б у х ш т а б. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижев. Омский Альманах, кн. 5, 1946; В. Б у р м и н. Тобольский гражданин П. П. Ершов. Там же; е г о ж е. П. П. Ершов и Н. А. Чижев в воспоминаниях Констанция Волицкого. Там же, кн. 6, 1947.

¹² «Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasów pobytu w cytadeli Warszawskiej i na Syberji». Lwów, 1876.

¹³ Ibid., s. 73 (перевод мой. — Ф. Стеклова).

¹⁴ «Poezye Gustawa Zielińskiego», t. II. s. 404.

Ю. А. ЛАБЫНЦЕВ

ПАМЯТНИК СТАРОПОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В отделе рукописей библиотеки Польской академии наук имени Оссолинских во Вроцлаве хранится рукопись второй половины XVIII в. на польском и латинском языках, имеющая общее заглавие: «Копии речей, писем, выписок из городских и трибунальских книг, стихов, а также различных текстов 16—18 веков («Kopiarjusz mów, listów, wypisów z ksiąg grodzkich i trybunalskich, wierszy oraz różnych tekstów z XVI—XVIII w.»)¹. На ее листах 159 б — 215 польский текст анонимного «Описания государства Московского и революции там же в 1606 году...» («Opisanie Państwa Moskowskiego u Rewolucyi tamże in Ao 1606»)². На листе 159 б, непосредственно перед началом самого текста «Описания», дано другое, несколько более пространное его заглавие: «Москва. Дневник. Описание земель, границ, лесов, зверей, птиц, рек, озер, рыб, плодов, правления Великого Князя, религии или богослужения, войны, думных бояр или сената, обычаев, замков, городов, их жилищ, одежды, хозяйства, слуг... путей сообщения по льду и водой и всяких иных вещей... Написано на Белом Озере в январе 1607-го года... в заключении Московском» («Moskwa Dyaryusz. Opisanie ziemm, granic, lasów, ptacy, rzek, jezior, ryb, owoce, regimentu K. W., Religii albo Nabożenstwa, Wojny, Dumnych Bojar albo Senatu, obyczaiów, Zamków, miast, mieszkania jch, stroiów, gospodarstwa, sług, Dróg lasem i wodą i wszystkich innych... Pisanano na Białym Jeziorze w roku 1607 w miesiącu styczniu u zatrzymaniu albo raczej w więzieniu Moskiewskim»).

В свое время текст этого «Описания», тогда находившегося в одной из частных библиотек Вильнюса, был использован А. Гиршбергом при издании «Записок С. Немоевского»³. При этом настоящее анонимное «Описание» А. Гиршберг считал первой редакцией записок С. Немоевского, которые последний в дальнейшем «совершенно переработал и значительно ... увеличил»⁴. При сравнении имевшихся в распоряжении А. Гиршберга двух текстов: рукописи Оссолинеум первой половины XVII в. за номером 3552 (вторая редакция записок С. Немоевского по мнению А. Гиршберга) и нашего «Описания» (первая редакция по его же мнению, известная в копии второй половины XVIII в., находившейся первоначально в Вильнюсе, а ныне хранящейся во Вроцлаве), он пришел к выводу, что «первую редакцию значительно превосходит последующая, как объемом своим, так и обилием сведений в ней заключенных»⁵. Поэто-

¹ Инвентарный номер рукописи 12902.

² Это название приведено на первом листе рукописи в ее оглавлении.

³ A. H i r s c h b e r g. Pamiętnik S. Niemojewskiego (1606—1608). Lwów, 1899.

⁴ «Записки Станислава Немоевского (1606—1608)». М., 1907, с. 15.

⁵ Там же.

му текст этой «второй редакции» и был положен А. Гиршбергом в основу его издания «Записок С. Немоевского».

Таким образом, указав на «Описание» как на первую менее пространную редакцию записок С. Немоевского, А. Гиршберг тем самым как бы утвердил второстепенность текста нашего «Описания», значительно расширенного и дополненного во второй редакции, по его мнению, самим С. Немоевским. Забвению «Описания» способствовало также то обстоятельство, что сравнительно долгое время местонахождение его было неизвестным и текст поэтому, особенно в послевоенные годы, не мог быть использован.

Однако значительные особенности и отличия анонимного текста «Описания» от текста рукописи первой половины XVII в., изданной А. Гиршбергом, делают необходимым более подробное изучение первого, введение его в научный оборот и издание в качестве самостоятельного исторического и географического источника — с одной стороны и литературного памятника старопольской письменности — с другой.

В настоящей сообщении нам хотелось бы привлечь внимание исследователей к этой анонимной рукописи, представляющей несомненный интерес для советских и польских историков, а также для литературоведов-полонистов.

После подробного перечня содержания «Описания» мы укажем на некоторые существенные расхождения его текста с текстом «Записок С. Немоевского» и выскажем свои замечания относительно возможного авторства первого.

Вслед за заглавием «Описания» (лист 159б), начиная с л. 160 идет его текст. Первая дата — март 1606 г. относится к началу повествования о движении свиты Марины Мнишек в Москву. Далее на л. 162 помещается небольшая глава «Увеличение Московского государства благодаря присоединению Казанской и Астраханской Орды». Л. 163 — «Кодекс рыцарской чести», тут же на л. 163 начало главы «Главные города», содержащей краткие описания Москвы (приведены сведения о ее жителях, церквях, Кремле и итальянских мастерах, принимавших участие в его строительстве), Великого Новгорода, Пскова, Смоленска, Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Тулы. Л. 166 — «О достоинствах монарха», «Суды и главные административные учреждения». Здесь особенно интересны описания судопроизводства, упоминание о количестве дяков в государственных учреждениях и «многих переводчиках или тулмачах с каждого языка». Л. 167 — «Порядок в принятии послов от различных монархов». Л. 168 — «Епископства этого государства», кроме прочего, содержит описание порядка выдвижения митрополита, избираемого «благодаря царской воле». Л. 169 содержит сведения о русской церкви, богослужении, важнейших церковных праздниках, обрядах, иконах. Здесь же приведена интересная фраза: «Школ и Академий в государстве нет, однако печатать привыкли в Слободе Александровской».

Далее, начиная с л. 169, идет перечень «мостов с поручнями и без» от Львова и до Орши и расстояниях между населенными пунктами на пути следования. Судя по этому перечню маршрут автора этой части «Описания» мог быть следующим: Львов—Брест Литовский—Слоним—Несвиж—Минск—Орша—Москва.

Начиная с л. 170 идет текст дневника путешествия. Первая дата — 18 апреля 1606 г., относится ко времени пересечения границы. Далее дается описание путешествия по дням, с указанием проделанного расстояния. В тексте дневника немало интересных замечаний относительно быта и хозяйства русских сельских жителей, упоминаний о различных особенностях жизни москвичей, некоторые дополнительные сведения о внутри-

государственном положении России: о «200 царских немцах, живущих в Москве...» и т. д. Дается подробное описание майских дней 1606 г. в Москве, в том числе приводятся речи польских послов, описания свадьбы Лжедмитрия, восстания Москвы, убийства Лжедмитрия с приложением списка убитых «дворян» из свиты «царя и царицы».

Л. 195—«11 июня коронация Василия Ивановича Шуйского». Далее повествование о высылке поляков из Москвы.

Л. 199 — 1 сентября «Сандомирский, с Красновоставским, Саноцким... с женами... препровождены... до города Ярославля... с ними 250 стрельцов». После этого дается описание пути следования группы, в которой был автор дневника: пребывание в Ростове, выезд из Ростова, движение «через боры, поля, иногда без дороги, для того, чтобы миновать Ярославль», где содержалась Марина Мнишек; приезд в Романов и следование далее на Данилов и Вологду; приезд 14 декабря на Белое Озеро.

Л. 200 — начало описания жизни в белозерском заключении 160 польских узников. Приводятся фамилии и имена многих из них. На л. 203б—204 дан текст «Письма от московского царя», воспроизведенного по-русски, но польскими буквами: «...от Великого Государя и Великого князя Василия Ивановича Вся Руси Самодержца. Панем Мартыну да Андрею Станиславовичом Стадниким... приезжай к нам в Москву с челядью... а как у нас на Москве будешь и мы тебе пожалуем... и пожалуем тебе своим царским жалованием. А как ты Андрей у нас будешь на Москве... и тогда мы и тебя Мартына пожалуем... Писан в ...Храдце Москви лета 7115 (1607 год) 9 ноября».

Вслед за этим письмом, ничем не выделяясь, идет глава «Положение Московской земли» — л. 204. Здесь дано новое описание Москвы, несколько отличное от предыдущего. Из текста описания нам становится ясно, что автор «Положения Московской земли» и кратких записок о высылке в Белозерск — одно и то же лицо. В тексте «Положения...» приводятся результаты некоторых метеорологических наблюдений, даются краткие описания границ Московского государства, его лесов, зверей, птиц, рек, озер и т. д.

Л. 206—207 — «Правление Великого князя Московского» и «Война». Власть Великого Князя охарактеризована как «абсолютная» («Правит ими, подчиняясь только своей воле и желаниям»). Л. 208 — «Думные бояре или Сенат»; л. 209 — «Обычай»; л. 210 — «Замки»; на листах 211—213 находится еще одно описание Москвы — «Москва замок и город»; на л. 213—215 даны описания жилищ русских жителей, их одежды и хозяйства.

Таким образом перед нами своеобразный рукописный свод, объединенный общим заглавием и состоящий: 1) из историко-географического описания Московского государства (л. 162—170); 2) дневника путешествия в Москву и пребывания там (л. 170—199); 3) кратких записок о высылке в Белозерск и пребывания там в 1606—1608 гг. (л. 199—204); 4) географического описания Московского государства (л. 204—215); 5) нескольких менее объемных, но самостоятельных по содержанию отступлений (например, рассуждения о правах человека — л. 201—203).

При чтении рукописи создается впечатление, что авторам или автору нашего свода была неплохо известна основная литература о Московском государстве того времени. Так, например, сообщение о работающей в Александровой Слободе типографии очень напоминает фразу, приведенную у А. Поссевина⁶. При этом следует учесть, что к 1606 г. книгопечатание в Александровой Слободе стало делом давно минувших дней (по-

⁶ А. P o s s e v i n o. *Moscovia*. Vilno, 1586, л. 13 б.

следняя, известная нам изданная там книга,— «Часовник» может быть датирована 1577—1580 гг.⁷⁾, и центр книгопечатания вновь переместился в Москву. Таким образом, источник, из которого могли почерпнуть авторы эти сведения устарел на два десятилетия, а это как раз и подтверждает возможность использования ими труда А. Поссевина.

Вместе с тем характер текстов нашей рукописи, насыщенных живыми подробностями событий тех лет, не вызывает сомнений в том, что они в целом являются результатом непосредственных наблюдений их автора или авторов над жизнью Московского государства начала XVII в.

Возвращаясь непосредственно к вопросу об авторстве «Описания» и его сравнению с записками С. Немоевского, можно сказать, что основные расхождения текста свода с текстом «Записок Станислава Немоевского» в следующем:

1. Совершенно различна конструкция обоих описаний.

2. Отсутствуют специальные географические и исторические статьи в тексте «Записок Станислава Немоевского», имеющиеся в «Описании».

3. Тексты не совпадают в описаниях одних и тех же мест и событий.

Все это дает основание считать авторство С. Немоевского в создании «Описания» спорным. Данное положение не покажется удивительным, если учесть ту великую путаницу, которая образовалась вокруг определения авторства многих памятников письменности периода Смутного времени. Так, например, тому же С. Немоевскому ранее приписывалось авторство «Дневника Марины»⁸⁾. Нет у нас уверенности и в том, что «Описание» написано одним лицом. Вполне вероятно авторство, как это следует из характера написанного текста, по крайней мере двух лиц. Можно также допустить, что «Описание» составлено одним человеком, имевшим в своем распоряжении несколько различных дневников или описаний⁹⁾.

Тем не менее, как бы ни решался вопрос об авторстве «Описания», само оно остается одним из интереснейших, уникальных исторических, географических и литературных документов периода Смутного времени, позволяющих нам полнее и глубже представить события тех далеких лет; документов, нуждающихся в детальном изучении и скорейшем издании.

⁷⁾ Т. Н. Каменев а. Неизвестное издание московской печати XVI века. «Книга. Исследования и материалы», № 14. М., 1967, с. 133—144.

⁸⁾ «Encyklopedia powszechna», t. 19. Warszawa, 1865, s. 418.

⁹⁾ См., например, предположения об авторстве «Истории Дмитрия» в кн. Международные связи России до 17 в. М., 1961, с. 467.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. ЗЕЛЕНИН. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921. М., «Мысль», 1977

Исследование интернационального характера Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе непосредственного участия в ней зарубежных трудящихся, является закономерным и научно обоснованным в работах советских историков.

Существенный вклад в изучение ряда проблем, связанных с историей югославянских интернационалистов, участвовавших в Октябрьской революции и гражданской войне в России, внес советский историк В. В. Зеленин — автор рецензируемой монографии.

В монографии учтены все важнейшие материалы по теме исследования, использован широкий круг источников, прежде всего, неопубликованные документы ряда советских архивов (ЦПА ИМЛ, ЦГАСА, ЦГАОР СССР, ЛГАОРСС, ГАМО, ЦГА УзССР), отдельные документы Архива МИД СФРЮ, документальные публикации, мемуарная литература, а также исследования советских и зарубежных авторов, в той или иной степени освещающие отдельные страницы истории югославянских интернационалистов в России в указанные годы.

Композиционно книга построена по хронологическому принципу и делится на три главы, соответствующие отдельным этапам развития революционных событий в России с 1917 по 1921 г., очевидцами и участниками которых были тысячи югославянских трудящихся. Деятельность югославянских интернационалистов в Советской России показана в тесной связи с ходом Октябрьской революции и гражданской войны, с деятельностью Коммунистической партии, руководившей миллионами советских трудящихся, которые защищали завоевания Великого Октября и отстаивали свободу и независимость первого в мире государства рабочих и крестьян. В необходимой мере показаны и изменения в международной обстановке, рассмотрены внешнеполитические шаги Советского правительства, влиявшие на судьбы тысяч иностранцев, находившихся на территории нашей страны.

Поскольку большинство югославян, оказавшихся на территории России, были в прошлом солдатами и офицерами армии

Австро-Венгрии — одной из главных участниц первой мировой войны, в монографии освещается отношение к войне югославянских трудящихся, рассматриваются взаимоотношения между Россией и Сербией. Без рассмотрения этих вопросов не может быть понято участие югославян в революционных событиях в России, а в особенности — истоки политического и классового размежевания в их рядах, приведшего часть из них в ряды врагов Советской власти.

Весьма детально рассмотрена история югославянских добровольческих частей из военнопленных, а также политическая борьба среди югославян, попавших в Россию, по вопросу создания единого югославянского государства. В этой связи делается очень важный вывод о том, что именно в России в югославянских добровольческих частях в «наиболее острой форме проявилось столкновение двух политических концепций: каким должно стать единое государство югославян после освобождения от гнета Австро-Венгрии? Монархией во главе с династией Карагеоргиевичей, осуществлявшей планы создания Великой Сербии, или многонациональной Югославией, основанной на буржуазно-демократических и федеративных принципах, т. е. принципах, которые (правда, нечетко и непоследовательно) выдвигали хорватские буржуазные деятели, игравшие руководящую роль в Югославянском комитете? (с.23). По своей сути это было первое острое и относительно массовое столкновение по национальному вопросу, который стал одной из самых жгучих проблем в буржуазной Югославии.

Однако, исследуя сюжеты, связанные с историей добровольческих югославянских частей в России, анализируя множество факторов, оказавших влияние на политическую ориентацию югославян, автор, на наш взгляд, допускает некоторую категоричность суждений. Так, например, не совсем точным является утверждение, что «сербскому правительству не удалось создать из военнопленных югославян... вдохновленные сербскими идеями» воинские части. Ведь в октябре 1918 г. в сербской армии на Салоникском фронте насчитывалось 21 тыс. югосла-

вляя добровольцев, перебросенных туда из России¹.

Чрезмерно много внимания, часто без прямой необходимости, уделяется деятельности сербской тайной организации «Черная рука», несколько членов которой оказались в России. Существенного влияния на широкие массы югославян-добровольцев они не оказали (гл. I, § 4).

Одна из наиболее интересных и глубоко разработанных в рецензируемой монографии проблем — влияние Советов рабочих и солдатских депутатов на югославян в России. Как подчеркивает автор, Советы, «обладая реальной властью на местах, вопреки директивам и циркулярам Временного правительства», пытавшегося изолировать многомиллионные массы военнопленных от революционных событий в России, в ряде случаев проводили в жизнь меры, существенно облегчавшие их материальное положение, брали их под защиту от произвола лагерной администрации и т. д. (с. 30). Одним из важных факторов, способствовавших тому, что тысячи военнопленных, в том числе и югославян, встали на сторону Советов, на сторону Октябрьской революции была интернациональная позиция Советов и, в первую очередь, их большевистского крыла.

Исследуемый в монографии процесс перехода на сторону Советской власти не представляется упрощенно, не выглядит как безболезненное явление, развивавшееся только по восходящей линии. В книге убедительно показано, что руководство Югославянского революционно-демократической организации, возникшей на Украине летом 1917 г., — не было в состоянии разобрататься в социально-политической сути бурно развивавшихся революционных процессов, что заставило этот Союз занять позицию «нейтралитета» по отношению к октябрьским событиям на Украине.

Подчеркивая огромное идейное воздействие Ленинского декрета о мире, анализируя переплетение сложных политических событий, связанных с вынужденным заключением Брестского мира, В. В. Зеленин убедительно показывает, как непросто было для многих югославян разобрататься в ситуации тех дней. Прекращение войны, с одной стороны, отвечало чаяниям югославян и других военнопленных, а с другой — немедленное заключение мира многие связывали с угрозой возвращения под ненавистный гнет Австро-Венгрии. Не замалчивается и тот факт, что далеко не все югославяне в России были на стороне Советской власти, что деятельность многих членов так

называемой Югославянской революционной федерации, направляемая сербским правительством, была деятельностью открыто контрреволюционной и враждебной по отношению к Советской республике (с. 85—117).

Подробно рассматривается в книге вопрос отношения Советского правительства к идее образования единого югославянского государства, ибо это отношение оказало самое непосредственное влияние на идейно-политическую ориентацию югославян-интернационалистов. Советское правительство провозгласило право на свободное самоопределение югославянских областей Австро-Венгрии, очищения всех оккупированных Германией и Габсбургской монархией территорий, в противовес правящим кругам западных держав, старавшимся сохранить Австро-Венгрию.

В. В. Зеленин подробно рассматривает процесс перехода наиболее революционной и политически зрелой части югославянских трудящихся в России на позиции пролетарских революционеров. В монографии на обширном, зачастую новом, материале исследуется создание Югославянской (позднее Югославянской) группы РКП(б), показана ее разносторонняя деятельность: политическая, агитационно-пропагандистская, военная. В книге собран яркий материал об участии подразделений югославян-красноармейцев, многих отдельных лиц в вооруженной борьбе за власть Советов (с. 118—153).

Изменения в международной обстановке конца 1918 г. (разгром коалиции Центральных держав, революции в Германии, Австрии, Венгрии, создание объединенного югославянского государства и др.) существенно отразились на судьбах югославян в Советской России. Часть коммунистов вернулась на родину с горячим желанием отдать все силы делу пролетарской революции. Многие же остались в Советской России, считая своим интернациональным долгом не выпускать оружия из рук до полного разгрома белогвардейцев и интервентов (с. 154 и след.).

Югославяне-интернационалисты, их организации, объединения, воинские подразделения действовали и сражались на Украине, в Поволжье, на Урале, в Сибири, Туркестане. Обширный материал, собранный и тщательно исследованный В. В. Зелениным, позволил ему творчески, часто по-новому, осветить многие события, участниками которых они были.

Автор подчеркивает огромную роль партии В. И. Ленина в деле организации, сплочения, идейно-политической консолидации групп и объединений югославян-интернационалистов в Советской России, в формировании их революционного коммунистического мировоззрения.

Большое внимание, и это закономерно, уделено изучению судеб югославян, внес-

¹ См. Ю. А. Писарев. Сербия и Черногория в первой мировой войне. 1914—1918. М., 1968, с. 244, сн. 4.

ших большой вклад в дело защиты Октября и оставивших наиболее яркий след в истории тех героических лет. Подробно рассказывается о боевом пути Б. Агатовича, Г. Барабаша, И. Бркича, Л. Вукичевича, И. Вука, Н. Груловича, Н. Ковачевича, М. Кодрни, Д. Сердича, В. Чопича, Э. Чопша и многих других.

Особенно тщательно изучена биография героя гражданской войны Олеко Дундича. На основе скрупулезного анализа материалов В. В. Зеленин прослеживает весь жизненный путь Красного Дундича, опровергает ряд домыслов, особен-

но часто встречавшихся в художественных и научно-популярных произведениях, искажавших подлинную биографию героя.

Монография В. В. Зеленина является серьезным и творческим научным исследованием. Она во многом обогащает знания по такой широкой проблеме, как участие трудящихся многих народов, в том числе югославия-интернационалистов в Октябрьской революции и защите ее завоеваний.

В. А. Тесемников

ЦОЛА ДРАГОЙЧЕВА. Повеля на дълга. Кн. 2. «Щурмът» (Сломени и размисли). София, 1975, 580 с.

Цола ДРАГОЙЧЕВА. По велению долга. Кн. 2. «Штурм» (Воспоминания и размышления)

В конце 1975 г. в Народной Республике Болгарии вышла вторая часть трилогии, написанной славной революционеркой, членом Политбюро ЦК БКП Цолой Драгойчевой. «Штурм» — повествование о героической народной борьбе против ига монархо-фашистов. Это — не только мемуары, но и тщательно обоснованное документированное исследование всех методов, достижений и ошибок долгой, тяжелой, кровавой и неравной борьбы болгарских коммунистов за освобождение Болгарии, борьбы в защиту Советского Союза — цитадели социализма.

«Штурм» охватывает период с апреля 1925 г. до лета 1942 г. Автор ярко показала это бурное время, трудности подпольной борьбы, выстраданные победы, схватки внутри партии с представителями сектантско-догматического уклона, разоблачение предателей и провокаторов. Цола Драгойчева работала в первых рядах партии под руководством ее выдающихся деятелей: Г. Димитрова, В. Колларова, Г. Дамьянова, А. Иванова и др.

Первая часть книги — «Семь лет в преисподней» — рассказывает о том, как законная в ручные и ножные кандалы Цола мучается в тюрьмах Софии, Пловдива и других городов, подвергаясь бесчеловечному обращению жандармов, тюремщиков; но и в заключении ее поддерживает сочувствие народа, помощь друзей. Ей подбрасывают записку: «Держай! Скоро увидимся на свободе». Суд приговаривает Ц. Драгойчеву к смерти. Родившийся в тюрьме сын, Чавдар, спас мать от смерти. Под давлением народных масс Болгарии и передовой общественности Европы во главе с Анри Барбю-

сом казнь заменили пожизненным заключением.

Узница и в тюрьме продолжала борьбу. За участие в первой демонстрации заключенных она вместе с ребенком была посажена на неделю в темный карцер. Отправленная в тюрьму города Сливена, Ц. Драгойчева заболела и жители доставляли ей в камеру продовольствие и медикаменты, а сливенский депутат в парламенте добился для нее амнистии.

Во второй части книги повествуется о встрече с вождем болгарских коммунистов и выдающимся деятелем Коминтерна Г. Димитровым. Показано мужественное поведение Г. Димитрова перед фашистским судом, на котором ему было предъявлено провокационное обвинение в поджоге рейхстага. С 1933 по 1936 г. Цола Драгойчева находилась в СССР и изучала теорию марксизма-ленинизма в международной ленинской школе. Вместе с другими слушателями — болгарами она проходила практику в колхозах Куйбышевской и Ульяновской областей. Жила среди колхозников, овладевая практикой партийной и организационной работы. В 1936 г. Ц. Драгойчева снова на родине. На горе Витоша она участвует в партконференции. Приняты важные решения, вскрыты прошлые ошибки, избран новый состав ЦК. Однако через несколько дней 12 делегатов конференции приглашены в полицию, а ее начальник, издеваясь, дает им полную информацию о работе конференции. Специально созданной партийной комиссией удалось выявить предателя Милева. По его доносам были казнены или погибли в тюрьмах многие работники партии.

Много поучительного материала найдет читатель в книге Ц. Драгойчевой. Интересна история так называемой «Соболевской акции», когда в 1940 г. СССР предлагал Болгарии заключить пакт о дружбе и взаимопомощи. До 250 тыс. подписей были собраны в Болгарии под петицией о заключении пакта. Кампания за пакт показала, «кто свои и кто чужие». «Ничто не могло заставить болгарский народ выступить против своего великого советского брата», — пишет автор.

Последняя часть книги — «Утро великих испытаний» изобилует фактами самоотверженной борьбы Отечественного фронта, болгарских коммунистов и партизан против 600-тысячной армии гитлеровцев. Волнующие, незабываемые стра-

ницы посвящены гибели героев этой борьбы: полковника Цвятко Радойнова и генерала Владимира Заимова, расстрелянных в подземном бетонированном стрельбище в Софии. К расстрелу была приговорена и Цола Драгойчева. Но ей удалось бежать и скрыться. Вскоре коммунисты подняли на штурм старого мира весь болгарский народ, и самая прекрасная в истории Болгарии победа с могучей помощью Советской Армии была одержана. Огнем и кровью написана прекрасная книга Цола Драгойчевой. Она займет достойное место в ряду книг о партии и о героической борьбе за светлое будущее человечества, за коммунизм.

Н. Н. Яковлев

JÓZEF KOWALCZYK. Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936—1938 w świetle raportów posła Czechosłowacji w Warszawie i innych archiwaliów. Książka i Wiedza. Warszawa, 1976, 148 s.

ЮЗЕФ КОВАЛЬЧИК. За кулисами политических событий 1936—1938 гг. в свете донесений посла Чехословакии в Варшаве и иных архивных документов

Книга Ю. Ковальчика повествует о важных событиях в Польше предвоенного периода. Помимо польских архивов автор использовал и чехословацкие, в частности, архив Министерства иностранных дел Чехословакии, в основном донесения чехословацкого посла в Польше Ю. Славика.

Славик находился в близких отношениях с французским послом Ноэлем, а также с лидерами легальной оппозиции В. Сикорским, М. Ратаем и другими. По донесениям Славика видно, как нарастал в Польше политический кризис. Посол писал о массовых выступлениях крестьян, о разногласиях внутри легальной оппозиции, о своих беседах с генералом Сикорским. По мнению автора, материалы Славика проливают свет на еще недостаточно исследованную деятельность этого лидера буржуазной оппозиции.

Автор посвятил Сикорскому всю первую главу («Генерал Сикорский о вооружении Польши») и часть второй («После Новоселец Радавлице»). Материалы чехословацкого архива позволили Ковальчику прийти к следующему выводу: Сикорский правильно оценивал угрозу гитлеризма как для Польши, так и для всего мира, понимал необходимость тесного союза Польши с Францией и Чехословакией, положительно относился к укреплению безопасности Польши. Во многих случаях Сикорский действовал половин-

чато, обремененный балластом буржуазно-либерального образа мышления, что было характерно для деятелей «народной концентрации», группировавшейся вокруг «Фронта Моржес». Он высказывался за проведение ограниченных социальных реформ. Его замыслы находили горячий прием в среде центроправой оппозиции (с. 26—27).

Особый интерес представляет третья глава книги («Накануне Мюнхена»), в которой, основываясь на материалах чехословацких архивов, Ю. Ковальчик опровергает утверждения санации о том, что Чехословакия была оплотом коммунизма, местопребыванием средневропейского бюро Коминтерна и нелегального ЦК компартии Польши. Санация обвиняла компартию Чехословакии в том, что она морально и материально поддерживала польских эмигрантов, руководила крестьянским движением Польши, печатала антисанационные листовки, нелегальные газеты компартии Польши.

Третью часть книги составляет приложение, в котором приводятся фрагменты из четырех рапортов Славика. По нашему мнению, это наиболее интересная часть для исследователя внутренней истории предвоенной Польши.

В рапорте от 2 июля 1936 г. посол подробно описывает крестьянскую демонстрацию в Новосельцах, проходившую 29 июня 1936 г. у исторической могилы

Михала Пыжа, крестьянина, защитившего 300 лет назад свою деревню от татарского нашествия. Организаторами демонстрации были местные ячейки крестьянской партии Стронництво людове (СЛ).

В рапорте посла от 13 марта 1937 г. отражена его беседа с генералом Сикорским, касавшаяся внутренней и внешней политики санации.

В донесении от 8 апреля 1937 г. Славик докладывает о взглядах председателя СЛ М. Ратая, высказанных в беседе с послом, на дальнейшее развитие событий в Польше.

В донесении от 17 декабря 1937 г. рас-

сказывается о двухчасовой встрече Сикорского и французского посла в Польше Ноэля, устроенной Славиком, на которой обсуждались главным образом франко-польские отношения и французская внешняя политика, отчасти — внутреннее положение Польши.

Рецензируемая книга представляет большой интерес для полонистов, особенно для тех, кто интересуется крестьянским движением и деятельностью легальной оппозиции. Она существенно дополняет наши знания по этому вопросу.

И. И. Кудряцева

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И ИСТОРИЯ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Одной из важных особенностей развития исторической науки в СССР за истекшее десятилетие, без сомнения, следует признать заметно возросший интерес к проблемам историографии, к анализу основных направлений исторической мысли, к изучению творчества отдельных школ и наиболее видных ученых. Значительными достижениями в этой области исторических исследований явились обобщающие труды З. В. Удальцовой «Советское византиноведение за 50 лет» (М., 1969), О. Л. Вайнштейна «История советской медиевистики (1917—1966)» (Л., 1968), которые включают и разделы, посвященные разработке в советской науке проблем средневековой истории зарубежных славянских народов, русско-славянских и славяно-византийских отношений и связей. Научная значимость данных трудов велика, ибо до сих пор мы не располагаем сводными работами, специально рассматривающими процессы развития советского славяноведения и историографии славянских стран¹.

В соответствии с этим большой интерес вызывает книга проф. Г. Л. Курбатова² — первый в советской и зарубежной историографии подробный обзор многовековой истории византиноведения в самых широких хронологических и территориальных рамках. Предметом рассмотрения автора является развитие исследований по истории Византии (равно как и славяно-византийских отношений) в Западной Европе и в нашей стране с XIX в. до 1970 г., по истории византиноведения в разных странах Европы начиная с эпохи Возрождения, а также — что особенно важно для историков-славистов — освещение процессов становления и развития исторической науки (и, разумеется, прежде всего — в области медиевистики и византиноведения) в братских славянских странах — в Болгарии, Югославии, Польше и Чехословакии, чему автор посвящает специальные разделы книги.

Следует особо подчеркнуть, что в книге Г. Л. Курбатова развитие византиноведения во всем мире (притом на протяжении более пяти столетий) дано в неразрывной связи с характеристикой основных направлений исторической мысли, что рассмотрение главных проблем истории марксистской историографии (в СССР и европейских социалистических государствах) сочетается с убедительной критикой современных буржуазных концепций истории Византии, имеющих непосредственное отношение и к средневековой истории славянских и балканских народов. Такая структура и четкая идейная направлен-

¹ Лишь в известной мере отсутствие таких работ восполняется отдельными статьями, библиографическими обзорами. См., например, В. Д. К о р о л ю к, Н. И. Т о л с т о й, И. А. Х р е н о в, И. М. Ш е п т у н о в, С. А. Ш е р л а и м о в а. Советское славяноведение (краткий обзор литературы 1945—1963). М., 1963; И. А. К а л о е в а. Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960). М., 1963; сб. «Славянская историография». МГУ, 1966; «Историк-слависты СССР» (библиографический справочник). Харьков, 1969; сб. «Славян-

ская историография и археография». М., 1969; «Институт славяноведения и балканистики. 25 лет деятельности Института (1947—1972)». М., 1971 и др.

² Г. Л. К у р б а т о в. История Византии (Историография). Л., 1975, 256 с

ность книги помогают лучше представить все многообразие споров в историографии по ключевым вопросам истории Византии, сложные процессы становления исторической науки в славянских странах.

Вполне закономерно, что Г. Л. Курбатов, начиная свое изложение разделом о гуманистической историографии Византии (XV—XVI вв.), специально отмечает значение комплекса вопросов турецкого завоевания Византии и Балкан и оживление интереса к прошлому Византийской империи, к истории турок-османов и их экспансии, который был замечен и в странах Западной Европы (с. 19—20), и на Руси (с. 45). По нашему мнению, при освещении византийских сюжетов в средневековой русской исторической литературе, вероятно, следовало бы сказать специально о Русском хронографе (ред. 1512 г.), в котором впервые был дан законченный обзор истории Византийской империи, основанный, как известно, во многом на сербских источниках³. Однако, естественно, на том этапе развития русской и славянской исторической мысли (в эпоху феодализма) такие специальные сочинения по византийской истории были редкими исключениями, и совершенно правильно отмечает автор, что в XVII—XVIII вв. формируются лишь основы национальной южнославянской историографии, которые для той поры означали только (нередко — лишь предварительное) собрание и осмысление материала исторических источников, в первую очередь (для Болгарии, Сербии, Хорватии) — византийских (с. 67). Это отличает работы и Мавро Орбини, создателя широко известного и очень важного для развития южнославянской историографии труда «Царство славянское» (1601)⁴ и Н. Бандури (с. 29—30), сочинения Пансия Хилендарского, Йована Раича и др. (с. 68—69).

Новым этапом в развитии исторической науки южнославянских стран была эпоха подъема национально-освободительного движения балканских народов в XIX в., когда многолетняя борьба против османского владычества привела к созданию самостоятельных государств (Сербии и Болгарии), к закреплению независимости Черногории, когда укрепление русско-южнославянских культурных связей и развитие русского славяноведения нашло отражение в трудах болгарских историков Спиридона Палаузова⁵ и Марина Дринова (с. 68), получивших образование и

работавших в России, в трудах русских ученых, посвященных южнославянскому средневековью и отношениям южных славян с Византией⁶.

Следует особо подчеркнуть верную оценку автором главных направлений историографии второй половины XIX — начала XX в. (позитивистского и др.), значительных достижений русских ученых — В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского (как известно, ему принадлежат и важные работы по истории славянского средневековья) и др. (с. 106—122), трудов болгарских и югославянских ученых — вивантинистов и медиевистов — В. Н. Златарского, С. Новаковича, Ф. Рачкого и др. (с. 122—124). Специальный раздел посвящен развитию византиноведения и медиевистики в Чешских землях той поры, трудам К. Иречка и Я. Бидло (с. 124—125).

Наиболее подробно в книге Г. Л. Курбатова охарактеризовано развитие византиноведения и смежных областей медиевистики в период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней (с. 132—251). В этот период происходит становление марксистского византиноведения в СССР, а в послевоенные годы — становление и развитие марксистско-ленинской историографии в европейских странах социализма; кризис буржуазной историографии, нарастание в ней реакционных тенденций, отражавшихся, как это отмечено, и в науке зарубежных славянских стран — Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии (с. 170—176, 181—185). В послевоенный период, как весьма наглядно показал автор, перед европейской историографией в полной мере встала проблема изучения византийского феодализма, которая, как известно, во многих работах славянских ученых неразрывно связывается с трактовкой социального и политического строя средневековых славянских государств (с. 188, 171—175 и др.). Не вызывает сомнения, что в происшедшем пересмотре прежних исторических концепций южнославянского средневековья, которые были распространены в литературе 20—30-х годов XX в. (в частности, в работах Ю. Юрданова, П. Мутафчиева и др.), сыграли большую роль работы советских византинистов и славистов, исследования историков европейской социалистических

³ Ср., например, О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 183—184 (см. также с. 28 и др. — о списке византийских императоров).

⁴ См., например, С. Ђ и р к о в и ћ. Извори Мавра Орбина. В кн. М. Орбин. Краљевство Словена. Београд, 1968, с. 379 и сл.

⁵ См. Сп. Н. П а л а у з о в. Избрани трудове, т. I. София, 1974.

⁶ См., например, сербские переводы работ русских славистов А. Ф. Гильфердинга — Писма о историји Срба и Бугара, св. 1—2. Београд, 1857—1860; А. А. Майкова — История српскога народа. Београд, 1858 (второе изд. 1876), а также издание свидетельств византийских источников («Спомени народа сербског у бизантијским списатељима», изд. И. Николић. Будим, 1843), которое было подготовлено И. Г. Штриттером (о нем см. с. 50 рецензируемой книги).

стран, уделяющих особое внимание проблемам славяно-византийских отношений, феодального строя Византии и югославянских народов.

Весьма важно в данной связи отметить, что в книге Г. Л. Курбатова дана четкая оценка концепций современной буржуазной историографии, которые имеют прямое отношение и к истории славянских стран. В данной связи, например, нужно сказать об отрицании феодализма в Византии (с. 228, 230—231 и сл.), о трактовке расселения славян на территории Византии (с. 246—248), наконец, о «благодетельности» турецкого завоевания для населения Византии и других балканских стран (с. 250—251).

Нам представляется в целом весьма верным и удачным избранный автором метод изложения, структура данной работы и форма анализа основных направлений, основных изданий и исследований в области истории Византии, славяно-византийских отношений и других проблем славянского средневековья. На наш взгляд, весьма полезны и важны такие указания на наиболее важные работы, научные учреждения, публикации, оценка творчества видных представителей исторической мысли, что на наш взгляд, позволяет столь доказательно и наглядно излагать идеи и концепции, которые выдвигались в науке на протяжении более пяти столетий.

Е. П. Наумов

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЗБРАСЛАВСКОЙ ХРОНИКИ

В ЧССР вышло в чешском переводе новое издание Збраславской хроники¹, одного из важнейших источников о политической истории Чехии XIV в. Хроника была написана на латинском языке в период с 1305 по 1338 гг. двумя аббатами Збраславского монастыря. Первый автор, аббат Ота, написал лишь около одной шестой части всего свода — 51 главу первой книги, что составляет в настоящем издании 58 страниц из общего количества 378. Все остальное (хроника состоит из трех книг) написано другим аббатом того же монастыря — Петром из Житавы, так что в литературе это сочинение известно и под названием «Хроника Петра Житавского».

В Збраславской хронике описаны события шестидесяти лет чешской истории конца XIII и первой половины XIV вв. По своему объему это сочинение — самое крупное из ему подобных, написанных в догуситский период. Часть первой книги, составленная аббатом Отой, посвящена в основном периоду правления короля Вацлава II и выдержана в стиле житийной литературы. Автор поставил себе задачу восславить короля, основавшего Збраславский монастырь в 1292 г. Петр Житавский, продолжая Хронику с 1314 г., внес в повествование много новых элементов. Он расширил тематику записей, включив в них сведения не только о монастыре, но и о Чехии в целом и даже о событиях в соседних государствах. Главное внимание хрониста сосредоточено на чешских делах, свидетелем и участником которых был он сам. Материал Хроники обладает в этой части высокой степенью

достоверности, обусловленной личностью автора и его общественным положением. Петр Житавский (родился около 1260—1270 гг. — умер не позднее 1339 г.) был человеком образованным и одаренным. Он не только в совершенстве владел латинским языком, но был также незаурядным поэтом и писателем, о чем свидетельствуют литературные достоинства Хроники, в которую он включил четыре тысячи своих произведений в прозе и в стихах. Петр умел выбирать из цепи событий главное, указывал на причины и следствия тех или иных явлений — качество, весьма редкое для средневекового хрониста. Общественное положение Петра Житавского давало ему возможность получать точную информацию. Еще в качестве члена капитула Збраславского монастыря, задолго до избрания аббатом (1316), Петр выполнял важные дипломатические поручения при дворе германского императора Генриха VII и других европейских государей. Затем он фактически возглавил ту партию феодалов в Чехии, которая после прекращения мужской линии династии Пришмесловичей возвела на чешский трон Люксембургов. Влияние Петра в чешском государстве начала XIV в. ощущалось вплоть до смерти хрониста. Понятно, что при таком общественном положении он имел возможность весьма точно обрисовывать происходящие события и со знанием дела их комментировать. В тех случаях, когда Петр непосредственного участия в событиях не принимал и свидетелем их не был, он получал данные от весьма осведомленных информаторов, имена которых называет в своем сочинении, подчас вставляя в хронику полный текст их письменных сообщений. Среди корреспондентов Петра фигурируют, например, архиепископ Майнцский, секре-

¹ Zbraslavská Kronika. Chronicon aulae regiae. Praha, 1976, 597 с.

тарь чешского короля Яна Люксембургского и др.

Историческая ценность Хроники повышается тем, что в ней приведены тексты многочисленных современных папских, императорских и других грамот, которые Петр вписал в Хронику в большинстве случаев полностью. Некоторые из этих грамот сохранились и в других источниках, и тогда текст хроники ими подтверждается. Вносились в Хронику и другие документы первой половины XIV в.

Хроника Петра является чисто-средневековым произведением. Мышление автора определяется библией, из нее берутся не только цитаты и обороты; отдельные части Хроники составлены целиком на основе священного писания. В тексте содержится масса пророчеств, описаний чудес, библейских аллегорий и метафор, риторических фигур и т. п., — словом все то, что определяет не только форму, но и сущность средневековой хроники.

Збраславская хроника оказала большое влияние на чешское летописание XIV в. Более поздние хронисты переписывали из нее значительные части. Но их сочинения в целом не достигали ее уровня ни по степени достоверности, ни по литературным достоинствам.

До нашего времени Збраславская хроника дошла в нескольких списках. Полностью (все три книги) она сохранилась в так называемой Иглавской рукописи конца XIV в. Старейшим списком является Ватиканский, найденный Ф. Палацким в 1837 г. Здесь содержится вторая книга Хроники (по мнению Ф. Палацкого — автограф Петра).

Впервые Хроника была напечатана в 1602 г. Первый чешский перевод вышел в 1905 г. В 1952 г. Ф. Геррманский опубликовал новый перевод, который и переиздан в рецензируемой книге. Но в издании 1976 г. внесены некоторые фактические уточнения; после пересмотра текста заново выполнен перевод большинства

стихов, усовершенствованы родословные таблицы последних Пршемысловичей и чешских Люксембургов.

В новом издании имеется вводная статья, написанная проф. Зд. Фиалой, а исторический экскурс в события чешской истории, помещенный тем же автором в издании 1952 г., опущен. Книга 1976 г. имеет два вида примечаний. Первые — подстрочные сноски — объясняют элементарные понятия и содержат ссылки на литературу. Более обширные примечания помещены вслед за текстом Хроники. Хотя их объем и несколько сокращен по сравнению с изданием 1952 г., все же в них подробно излагается чешская история последней четверти XIII и первой трети XIV в. Напечатанные тем же шрифтом, что и весь текст Хроники, они как бы стимулируют к продолжению чтения и получению более полного впечатления об описываемой эпохе.

В книге имеется и специальный справочный аппарат. Это — объяснение слов, употребляемых ныне редко или только среди специалистов, а также подробные именные и географические указатели. Книга изобилует цветными и черно-белыми иллюстрациями. К первым относится, например, снимок начальной страницы Збраславской хроники по Иглавской рукописи, титульный лист пасюнала аббатисы Кунгуты и др. В черно-белом изображении даны печати, грамоты, здания костелов и монастырей и т. д. К тексту приложены родословная таблица последних Пршемысловичей и первых Люксембургов, четыре исторических карты.

Издание Збраславской хроники 1976 г. доступно самому широкому кругу читателей и принесет большую пользу как при научном исследовании чешской средневековой истории, так и в деле педагогического образования, распространения исторических знаний вообще.

Л. П. Лантева

R. KRAJČOVIČ. A Historical Phonology of the Slovak Language (Historical Phonology of the Slavic Languages, edited by G. Y. Shevelov. IX. Slovak) Heidelberg, 1975, 175 P.

Р. КРАЙЧОВИЧ. Историческая фонология словацкого языка

Второй (девятый по очередности) том серии вызывает особый интерес среди славистов и лингвистов вообще. Имеется уже несколько основательных трудов по истории и диалектологии словацкого языка: капитальный — Яна Станислава, в котором между прочим содержится корпус древнейших примеров словацких форм

до XV в., извлеченных из латинских грамот этого времени; первый опыт исторической фонологии словацкого языка, предпринятый Е. Паулини, но доведенный лишь до XVI в.; несколько прекрасных монографий по отдельным вопросам современного словацкого языка. Р. Крайчович и сам известный диалектолог, он

прекрасно владеет материалом и пытается осмыслить исторические изменения словацкой фонологической системы в их причинно-следственной последовательности, делая это с позиций лингвистической географии, т. е. сопоставляя современные диалектные системы и реконструируя на их основе последовательные стадии фонологического развития усредненного «словацкого языка». Это внутреннее противоречие между конечной целью исследования (описать фонологическое движение словацкого языка) и его методикой (сопоставление внутренне замкнутых систем ряда частных говоров) вообще характерно для исторических исследований методом лингвистической географии, но в данном случае оно особенно сковывает автора. Он пытается преодолеть это (вынужденное отсутствие исторических данных до XV в.) давлением материала, привлекая для сопоставления соседние славянские говоры, чешские, украинские, польские (такие сопоставления помогают ему также доказать и основную мысль работы: несмотря на различное происхождение словацких говоров, уже с X в. они представляют собою вариации одного и того же языка); он также приводит все необходимые факты в их строгой системе, устанавливая их зависимость друг от друга, чтобы определить причинно-следственную последовательность изменений; он весьма последовательно разрабатывает относительную хронологию изменений, внося в это свой вклад (ср. его мнение о взаимном отношении контракции гласных, утраты носовых и падения редуцированных в словацких говорах); в книге последовательно рассмотрены лингвистические и особенно экстралингвистические факторы изменения в языке; объективный критерий определения реальности фонемного сдвига автор пытается найти в морфологической функции фонемы, что косвенно выводит его в сферу грамматики и лексикологии (самим предметом изучения: он рассматривает смещение словесной формы во времени и в пространстве); он также говорит о «звучании», т. е. о фонетической характеристике той или иной фонемы в различные эпохи ее существования. Все указанные достоинства работы вытекают из ориентации автора на современный диалект как основной источник исторического исследования. Ориентируясь на методику лингвистической географии, автор достигает необычайной строгости исследования, но делает это за счет точности результатов.

Опрокинутая в прошлое лингвогеография неясным образом приписывает древним стадиям развития и обязательное диалектное членение языка, иногда по признакам, характерным скорее для самостоятельных языков, чем для отдельных говоров, и уж во всяком случае смещенным во времени; и, кроме того, выводит исследование за пределы собственно фоно-

логического описания, поскольку описываются результаты изменения по синхронным срезам, а не причины изменения или этапы его протекания. Все эти замечания относятся не к автору книги, а к направлению, положенному им в основу описания. Поскольку методические трудности такого рода встают довольно часто, рассмотрим их подробнее на нескольких примерах.

Уже во Введении описываются те праславянские (до X в.) говоры, которые впоследствии легли в основу современного словацкого языка. Словацкий язык сложился в географической точке пересечения праславянских говоров южной, западной и восточной ориентации, вот почему уже в X в. мы застаем существенные расхождения между западными, центральными и восточными словацкими говорами. Очень трудно говорить как о диалектах одной языковой системы о говорах, которые, начиная с праславянского, почти все изменения фонологической системы осуществляли различным, иногда и противоположным образом и притом в разное время: центрально-словацкие, которые в своих преобразованиях последовательно запаздывали по отношению к другим говорам (последовательно запаздывали и все изменения восточнославянских диалектов по отношению к западнославянским), и по некоторым важным рефлексам были близки либо к южнославянским, либо к восточнославянским диалектам (ср. юго-восточные и северо-западные говоры центрально-словацкого диалекта); восточные и особенно западные словацкие говоры, близкие по основной сумме различий к западнославянским языкам. Описание на каждом синхронном уровне проведено строго, но, как это и обычно для лингвогеографа, только по дифференциальным признакам системы, т. е. избирательно по отношению к описываемым элементам системы. Во Введении и рассмотрены те фонетические явления, которые дифференцировали праславянские группы диалектов. На древнейших фонетических явлениях постепенность перехода от чешских западнословацким, через разные западнословацкие говоры, переходные к чешским, хорошо иллюстрируются схемой на с. 34; постепенный переход от польских к украинским через различные типы словацких говоров иллюстрируется схемой на с. 36. В результате установлено, что западнословацкие говоры вовлекались в сферу развития центральнословацких говоров с X в., а западнословацкие, в свою очередь, стали основой для последующего вовлечения в общую языковую модель и восточнословацких говоров. Следовательно, центральнословацкие говоры оказались не только субстратом литературного словацкого языка, но и исторически именно они последовательно интегрировали первоначально разнород-

ные говоры в общий массив словацкого языка. Отсюда особый интерес автора к центральным говорам. Этим же объясняется и влечение его к экстралингвистическим проблемам, но характерно и отличие от традиционной лингвогеографической тематики: описывается не только последующее диалектное членение, но и первоначальный процесс конвергенции диалектов. Без использования экстралингвистических факторов здесь не обойтись, однако они выносят проблему за пределы лингвистической компетенции. Диалектное членение словацкого языка и представляет собою основной объект описания в книге; центростремительные тенденции языка оставлены в стороне и впоследствии.

К X в. автор относит все основные исходные фонематические изменения, такие, как стяжение гласных, утрата носовых, редуцированных, формирование корреляции согласных по мягкости — твердости и качественное изменение гласных, связанное с этим процессом; к этому же периоду автор относит и серию более частных изменений; например, $\tilde{z}' \geq z'$ (причем уже в начале X в., см. с. 42), и др. Столь сложных и длительных по времени изменений на протяжении одного века неминуемо привело бы к «разрыву коммуникативности» системы, без особой надобности разрывало бы устойчивые словообразовательные и семантические, а иногда и грамматические связи словоформ. На других славянских территориях все указанные изменения происходили по крайней мере три-четыре столетия, поскольку одновременно не могут происходить столь разрушительные для других уровней языковой системы изменения. В других исследованиях по исторической фонетике словацкого языка говорится, что некоторые из указанных изменений происходили до X в. (разложение аффрикаты $\tilde{z}'$), а часть — уже в XI в. (например, утрата редуцированных) или XII—XIII вв. (образование корреляции по мягкости — твердости). И прочие описанные в этом разделе общеславянские изменения (позиционное сокращение долгот, оттяжка акцентов, «метатонии») автор относит к X в., что дает ему возможность увереннее говорить о единстве говоров, образующих словацкий язык как будто уже в X в. Что касается стяжения гласных, то одновременность этого процесса для разных словацких говоров признает и автор (с. 43), причем по существующей традиции именно для центральнословацких это изменение относится к периоду после падения редуцированных, т. е. в той же хронологической последовательности, что и для восточнославянских языков, а не для западнославянских. Некоторые же явления, описываемые здесь, вообще трудно возвести к столь раннему периоду, ср. форму 3 лица мн. числа от *быти* *sa* вместо *sū* 'суть' (следовательно, из

*сать*¹), которая может восходить к форме двойственного числа *sta* $\geq$ *sa*, т. е. является заведомо поздней (с. 29). Столь же поздними являются окончания на *mo* в форме 1 лица мн. числа (*robīmo*), различные типы просодических изменений, связанных с преобразованиями гласных. В дальнейшем изложении столь же «удревлены» изменения гласных по ряду в связи с изменением количества и корреляции по мягкости — твердости (с. 65—73), которые относят обычно к XIII—XV вв. Основанием для перенесения нижней границы изменения являются некоторые написания в латинских текстах, которые вряд ли убедительны. Имеем в виду, например, название деревни *Trebeta* 1113 г. (толкуется как *Trebāta* с $\tilde{a}$ из $\tilde{e}$) и оно же в конце XIII в. *Trebatā* (толкуется как *a* в *Trebāta*, с. 67): на фоне других графических соответствий это сопоставление не убедительно, поскольку буква *e* передавала *a* и в памятниках до XV в., с другой же стороны буква *e* могла обозначать не только $\tilde{a}$. Столь же трудно согласиться с тем, что фонема *f* представлена в словацком до XIII в. на том основании, что написание с *f* встречается в топониме 1113 г. *Elefant* (с. 76) — это слово (современное название *Leľantovec*) может быть заимствованием словарного порядка, обычным в древнеславянской области; в дальнейшем автор ограничивает указанием на формирование корреляции *z* — *z'*, но без указания на время новации. Толкование примеров произношения слов для установления относительной хронологии изменения проводится и на диалектном материале. Так, *ľahký* 'легкий' (с. 83, 89), по мнению автора, показывает, что *x* перед *k* могло возникнуть лишь на месте γ , т. е. не раньше перехода $g \geq \gamma$ (иначе возникло бы произношение *ľahký), из чего можно было бы понимать, что и в севернорусских говорах, где не было перехода $g \geq \gamma \geq h$ произношение *лѣхко* или *шагнуть* 'шагнуть' отражает этап изменения взрывного *g*, что сомнительно.

В целом остается неясным, почему столь сложное лингвистическое образование, как словацкий язык, возводится во всем своем современном объеме к X в.

Хронологическое распределение материала также объясняется ориентацией автора на идеи лингвистической географии. В главе, описывающей изменения XI—XII вв., перечислены принципиально важные фонемные изменения словацкого языка, последующие же синхронные срезы достаточно укрупнены (XIII—XVI и XVI—XIX вв.), и в них рассмотрены довольно частные изменения системы, некоторые из них носят вообще диалектный характер и не отражают общесловацких тенденций. Подробность изложения

¹ По техническим причинам вместо «юса малого» в этом слове набрано «я».

этих изменений определяется наличием диалектного материала, проникающего лишь в XV в. Эта часть книги, естественно, является самой содержательной и интересной, дает интересные факты для сопоставления, а в заключительной части является весьма оригинальной, хотя и несколько схематической попыткой свести воедино все разнонаправленные диалектные изменения в общий уровень словацкого языка — в сопоставлении с литературными фактами. Всего в книге рассмотрено 35 внутренне связанных между собой фонематических изменений словацкого языка, но сверх того описаны еще и частные изменения системы. Объяснение им дается сопоставлением с соотствующими или сходными изменениями системы.

Например, изменение гласных $\ddot{a} \geq a$, $e \geq o$ и др. рассмотрены в определенных фонетических условиях, поскольку в разных славянских языках они действительно завесели либо от последующих взрывных или последующих твердых и т. д. — в словацких говорах изменение происходит перед губными и перед *l*, т. е. определенно связано с перенесением лабиовелярности указанных согласных на предшествующий гласный. Поскольку автор, как сказано, и работает по преимуществу над диалектным материалом разновременного и различного происхождения, то чаще всего он и приходит к убеждению, что рассматриваемые им изменения не обусловлены сколько-нибудь глубокой структурной мотивацией, они происходят в речи. Собственно фонологические толкования парадигматического типа здесь отсутствуют. Парадигматическая система фонем дается как итог очередного изменения — в конце разделов и книги. Основным видом изменения признается синтагматический, традиционный для диалектолога, и притом связанный с морфофонетическими чередованиями: ведь заключения о древнейших стадиях изменения делаются по более поздним фактам современных говоров, в которых эти изменения отложились уже в виде морфофонетических альтернатив. Впрочем, этот принцип привлекает автора и в других случаях.

Поскольку *ɟ* сохраняет билабиальный характер в конце морфем — делается вывод о фонетической характеристике этой фонемы в среднесловацкой системе. Новая фонема в систему включается благодаря контекстным альтернативам с другими фонемами системы, как в случае фонологизации $\ddot{z}$ в ряду *goditi : gāz'ati : gāz'eš* по типу: *rozga : roz'z'ě : raz'z'ě*. Старая фонема изменяет свои признаки по тем же причинам, ср. последовательное преобразование $g \geq \gamma$ сначала в связи с чередованиями «взрывной — целевой» (ср. *noga : nož'ka : noγa : nož'ka*), а с XII в. и $\gamma \geq h$ в связи с нейтрализацией признака голоса, поскольку возникло чередование с фонемой *x* (с. 82—84), и

т. д. Не все толкования такого рода убедительны с парадигматической точки зрения. Например, при развитии геминации в западнословацких говорах после утраты редуцированных двойные согласные вначале возникают на стыках морфем (*poddaný : podaný*) и только затем — внутри морфем. С точки зрения системы неясно, почему в других говорах, например в восточнословацких, где имелись те же условия изменения (ассимиляция взрывных *t', d'* и новая для славянских языков нейтрализация согласных по глухости — звонкости), геминаты не возникали. Автор и сам говорит, что тенденция к геминации, возникшая после утраты *ъ, ъ*, «могла стать фонологически релевантной при определенных условиях» (с. 109), но при этом обсуждает фонетические условия ассимиляции (типа *krillo* из *krídlo*) или эмфазы (типа *zlatto* из *zlato*), но ничего не говорит о фонематических условиях изменения. Однако фонетически такого типа «геминация» возможна и в других славянских говорах, например, в традиционном севернорусском возможно произношение типа *омман* 'обман', *лбно* 'ладно', исконное *мякко*, также *двѣцать*, *оцѣ* 'отца', даже *прѣснися* 'просишься', *поддал* и др., кроме, может быть, экспрессивных типа *kašša, masso* — значит ли это, что и в архаических севернорусских говорах создались условия для образования геминации? В словацких говорах, благодаря усилению вокалической системы (что несомненно связано с сохранением количественных противопоставлений) происходила элиминация некоторых консонантических оппозиций, прежде всего оппозиции по мягкости — твердости; можно было бы говорить о своеобразной «воле протеста» консонантной системы, выразившегося в усилении консонантного ряда по новому признаку некатегориального значения. В языках с реальным рядом геминат геминированными не могут быть в *с е т и п* согласных, что мы имеем в данном случае. Лучше было бы говорить о другом типе модальной корреляции — о корреляции интенсивности, обратным образом связанной с окончательным устраниением словесного ударения в древнесловацком языке. Противопоставление «тяжелых» «легким» в данном случае более приемлемо, чем противопоставление геминат простым согласным. Напомним, что описываемое явление развилось в западнословацких говорах с особым характером количественных противопоставлений (не «морное», а слабо интенсивное количество) и при отсутствии действия ритмического закона; в сходных во многих других отношениях восточнословацких говорах количественное ударение утрачено или исчезает, а его интенсивность соответственно очень повышена. Кстати сказать, историческое взаимодействие между количеством и ударением в истории словацких говоров содержатель-

но описано в книге (с. 131—135), давая новые импульсы для суждения о фонологическом статусе этих просодических признаков и вместе с тем дополнительно иллюстрируя сложное положение словацких говоров среди других славянских языков.

К сожалению, объяснение исходя из фонетического контекста слишком связывает автора, приводя его часто к фонетическому буквализму; иногда, наоборот, фонематическое изменение определяет фонетические качества фонемы. Например, нет смысла говорить о лабиализованности γ непосредственно перед его вокализацией в o (с. 48), поскольку выбор конвергенции определялся не фонетическим качеством совпадающих фонем, а положением в системе. Это прекрасно показано и в сопоставлениях автора (с. 49—54). Центральнословацкое изменение $\gamma \geq o$, $\gamma \geq e$ можно объяснить совпадением γ , γ с гласными среднего подъема в условиях корреляции по мягкости — твердости (с характерным для этих говоров запозданием и известной последовательностью изменения, напоминающей соответствующий процесс в некоторых восточнославянских говорах) и в связи с менее продвинутой контракцией гласных. Поскольку другого среднего гласного заднего ряда в системе не было, γ и совпадает с o . Указанные процессы несомненно связаны друг с другом, поскольку образование корреляции по мягкости — твердости всегда связано не только с разложением исходной палатальности согласных, но и с перенесением лабиовелярности (твердых) согласных на предшествующий гласный (поэтому лабиализованность $\gamma \geq o$ в сочетаниях типа *пльть* $\geq$ *плот* вторична и определяется переразложением фонетических признаков слога).

Таковы замечания относительно методической установки автора и некоторых его

интерпретаций. Они носят дискуссионный характер, и это ясно из строго последовательной позиции автора, он нигде не выходит за пределы заданной конструкции и, следовательно, считает ее принципиально важной. Она и важна, поскольку наглядно демонстрирует все достоинства и недостатки такого типа описания, но вместе с тем на новых, непривычных основаниях подтверждает уже известные факты или объяснения, иногда заставляя пересмотреть существующие точки зрения, особенно в части относительной хронологии изменений. Слависты найдут в трудах такого типа много свежей и полезной информации.

Книга отлично издана, безупречно набран сложный в типографском отношении текст. Тщательно обработан справочный аппарат книги. Подробный список транскрипционных знаков (всего их 120) позволяет сократить текст книги и избежать ненужных для специалиста повторений и описательных пояснений к комментариям в работе; сокращения в названиях говоров, терминов, источников также способствуют компактности и строгой документированности изложения; литература приложена к каждому разделу, а общие труды указаны в конце книги — исчерпывающий библиографический указатель восполняет содержание книги указанием на другие точки зрения, возможные подходы к теме и факты; сводный список всех использованных в книге исторических топонимов и антропонимов (с. 154—159), карты, указатели слов и форм, описанных в книге (с. 161—170), индекс обсужденных вопросов и проблем (с. 171—175) служат той же цели и помогают читателю в его попытке понять сложные построения автора — историческое развитие словацкой диалектной фонетики.

В. В. Колесов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1977 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Александров С. В. Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских фальсификаций мирового революционного процесса в условиях научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Верблян А. Независимая социалистическая Польша — наследие Великого Октября. В кн. Влияние Великого Октября на развитие мирового коммунистического движения. М., 1977.

Гиргинев Г. Национальное и интернациональное в борьбе за социализм. В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1977. ♪

Долгин В. Общность интересов, единство целей. *Междунар. жизнь*, 1977, № 7.

Зурабян К. С. Конференция Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества ученых социалистических стран. В кн. *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. М., 1977.

Ким Г. Мировой социализм и современные национально-освободительные революции. *Междунар. жизнь*, 1977, № 7.

Кудряшова М. С. Строительство коммунизма в СССР и мировой революционный процесс. *Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма*, 1977, № 2.

Миккульский К. Классовая структура общества в странах социализма. *Обществ. науки*, 1977, № 4.

Назарова Л. А. Роль мировой системы социализма в формировании антимонополистического сознания городских средних слоев. В кн. *Вопросы научного коммунизма*, вып. 8. М., 1977.

Новотны Л. В духе заветов победоносного Октября. В кн. *Влияние Великого Октября на развитие мирового коммунистического движения*. М., 1977.

Шубкин В. Н. О ходе сравнительного исследования проблем рабочей молодежи в социалистических странах. В кн. *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. М., 1977.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Андреев П. В. Вопросы мирного сосуществования и экономического соревнования государств с различным социальным строем. (О формах, содержании и сущности борьбы двух мировых систем.) *Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма*, 1977, № 3.

Великий Октябрь и современный мир. По материалам теоретической конференции в Праге. «Коммунист», 1977, № 11.

Вопросы внешней политики на XXV съезде КПСС. В кн. *История внешней политики СССР. 1917—1976*, т. 2. 1945—1976 гг. М., 1977.

Долгин В. Укрепление единства социалистических стран. *Обществ. науки*, 1977, № 5.

Жиряков И. Г. Отношение Австрии к борьбе Советского Союза и других социалистических стран за созыв и успешное проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В кн. *Актуальные проблемы международных отношений в конце XIX—XX вв.* М., 1976.

Кондрашов А. Н. Чехословацко-советское сотрудничество — важный фактор успешного претворения в жизнь решений XIV съезда КПЧ. В кн. *Актуальные проблемы международных отношений в конце XIX—XX вв.* М., 1976.

Краевская Э. Глубокие корни

дружбы советского и польского народов. «Коммунист Белоруссии», 1977, № 7.

Курбанов С. Дружба и сотрудничество социалистических стран. *Парт. жизнь*, Ташкент, 1977, № 8.

Новопашина Ю. Буржуазные фальсификации принципов взаимоотношений стран социализма. *Полит. самообразование*, 1977, № 5.

Образование мировой социалистической системы и возникновение международных отношений нового типа. В кн. *История внешней политики СССР. 1917—1976*, т. 2. 1945—1976 гг. М., 1977.

СССР и страны социалистического сотрудничества (1957—1971 гг.). В кн. *История внешней политики СССР. 1917—1976*, т. 2. 1945—1976 гг. М., 1977.

Яцко Л. Ф. Особенности ликвидации кулачества как класса в социалистических странах Европы. В кн. *Вопросы научного коммунизма*, вып. 8. М., 1977.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Авдеев Л. А. Региональные проблемы экономической интеграции стран — членов СЭВ в сельскохозяйственном производстве. В кн. *Географические проблемы экономической интеграции социалистических стран*. М., 1976.

Авдеев Л. А., Зайцев И. Ф. О теоретических основах международного социалистического разделения труда и регионального экономического сотрудничества в системе стран СЭВ. В кн. *Географические проблемы экономической интеграции социалистических стран*. М., 1976.

Алексеев О. Экономические методы управления производством (опыт стран — членов СЭВ). *Вестн. Моск. ун-та. Экономика*, 1977, № 4.

Арабаджиев В. Новые задачи — новый подход к соревнованию. *Соц. соревнование*, 1977, № 4.

Баняи Ф. Некоторые актуальные вопросы специализации и кооперирования в радиотехнической и электронной промышленности. *Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ*, М., 1977, № 3.

Башовски О., Младек Й. Территориальная концентрация промышленности и населения Словакии и проблемы окружающей среды. В кн. *Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды (Опыт соц. стран)*. М., 1977.

Богачевский Г. Социалистическая экономическая интеграция (вопросы системного анализа). *Экон. науки*, 1977, № 6.

Богдановский Г. Сибирский полигон интеграции. *Хоз-во и право*, 1977, № 7.

Богус С. Изменения социально-профессиональной структуры польского рабочего класса в условиях научно-тех-

- нической революции. В кн. Человек, социализм, научно-техническая революция. М., 1977.
- Боднар А. Сотрудничество в области развития науки и техники и укрепление экономической интеграции социалистических стран. В кн. Человек, социализм, научно-техническая революция. М., 1977.
- Бусыгин М. Стройка дружбы на Ангаре. Экон. газ., 1977, № 24.
- Буткевич В. Г. Экономическая интеграция стран социалистического содружества и соотношение международного и внутрисоюзного права. Вестн. Киевского ун-та. Междунар. отношения и междунар. право, 1977, вып. 4.
- Бух М. Трудовые ресурсы сельского хозяйства стран — членов СЭВ. Экономика сельск. хоз-ва, 1977, № 7.
- Вайс Т. Актуальные проблемы социалистического расширенного воспроизводства. План. хоз-во, 1977, № 8.
- Вардомский Л. Б. Географические аспекты интеграции стран — членов СЭВ в области транспорта. В кн. Географические проблемы экономической интеграции социалистических стран. М., 1976.
- Вертоградов А. Сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися странами в области подготовки национальных кадров. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 3.
- Веряскин Н. Н. Роль социалистического экономического сотрудничества в создании материально-технической базы стран — членов СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1977, № 3.
- Видершпиль С. Последствия научно-технического прогресса в области отношений между рабочими и технической интеллигенцией. Человек, социализм, научно-техническая революция. М., 1977.
- Воденска М. Территориальная структура организации отдыха населения Софийской агломерации. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1977, № 4.
- Ворачек В. Методика экономической оценки влияния человека на окружающую среду. В кн. Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. М., 1977.
- Воронин В. П. Вопросы сближения методологии внутреннего ценообразования стран — членов СЭВ. В кн. Система внутреннего ценообразования в странах — членах СЭВ и СФРЮ. М., 1977.
- Воронцов Н. М. Экономические отношения СЭВ с государствами несоциалистического мира. Полит. самообразование, 1977, № 7.
- Габов Ф. И. Некоторые вопросы сотрудничества и экономической интеграции социалистических стран Европы — членов СЭВ в развитии лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности. В кн. Географические проблемы экономической интеграции социалистических стран. М., 1976.
- Гаджиева В., Маркова С. По законам социализма. Соц. обеспечение, 1977, № 8.
- Гайдаров Н. Механизация сельского хозяйства в Болгарии. В кн. Сельское хозяйство Болгарии. М., 1977.
- Ганчев Т. Участие Народной Республики Болгарии в МБЭС. «Деньги и кредит», 1977, № 8.
- Гарбар М., Гейзе В. Совместные меры в области промышленного производства кормового белка и других биологически активных веществ. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 4.
- Гвишиани Д. М. Научно-технические связи СССР. Экон. газ., 1977, № 34.
- Геллен Д., Тюрин Ю. А. Методологические аспекты формирования перспективной программы научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ по решению топливно-энергетических проблем. В кн. Энергетика. Топливо. Достижения и перспективы. М., 1977.
- Георгиев Р. Б. Об управлении экономическими системами. В кн. Будущее науки, вып. 10. М., 1977.
- Георгиев Т., Стефанов Л. Моделирование условий баланса и использования рабочей силы в экономико-математических моделях по планированию структуры сельскохозяйственного производства. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 4.
- Гладкевич Г. И. Советско-польский семинар «Региональные экономико-географические проблемы территориальной организации производительных сил». Вестн. Моск. ун-та. География, 1977, № 2.
- Гребенников Б., Николаев Л. Стратегия интеграции (XXXI сессия СЭВ). Междунар. жизнь, 1977, № 8.
- Давыдов А. Перспективы развития механизации кормопроизводства в странах — членах СЭВ. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 4.
- Демек Я. Современное состояние и перспективы развития жизненной среды в ЧССР. В кн. Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. М., 1977.
- Длугош С. Производственное кооперирование между предприятиями ПНР и западными фирмами. Экон. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 3.
- Дудинский И. В. Великий Октябрь и развитие экономических связей стран социалистического содружества. «Новая и новейшая история», 1977, № 4.
- Дудчак В. И. О некоторых теоретических подходах к проблеме формирования интернациональной социалистической собственности. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Евстигнеев Р. Комплексные программы в экономике европейских стран СЭВ. Вопр. экономики, 1977, № 8.

Зайцев И. Ф. Вопросы развития экономических районов СССР в условиях интеграционного сотрудничества. В кн. Географические проблемы экономической интеграции социалистических стран. М., 1976.

Захариев И. Основные направления решения проблемы охраны окружающей среды. В кн. Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. М., 1977.

Зевин Л., Прохоров Г. Экономическое сотрудничество социалистических и развивающихся стран: проблемы и перспективы. Обществ. науки, 1977, № 4.

Иванов Н., Лощаков А. Сотрудничество стран СЭВ и выравнивание уровней их экономического развития. Вопр. экономики, 1977, № 6.

Иванов Н., Маркичев Н. Международные экономические организации — важная форма сотрудничества стран социализма. Внешн. торговля, 1977, № 7.

Иголкин М. В. Производительность труда в соревновании двух мировых систем. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1977, № 2.

Калиньш А. Аграрно-промышленный комплекс в Болгарии. Экономика сельск. хоз-ва, 1977, № 6.

Камберов И. Индустриализация строительства в НРБ. Экономика страна, 1977, № 7.

Кириченко В. Прогнозирование важнейших показателей развития народного хозяйства стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Ковалева М. Ф. Развитие материально-технической базы сельского хозяйства стран — членов СЭВ в условиях их экономической интеграции. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Коган Е. Пути повышения эффективности использования живого и общественного труда. (Научный симпозиум ученых и специалистов социалистических стран.) Вопр. эконом., 1977, № 5.

Козлов В. И. Социалистическая экономическая интеграция и развитие строительного комплекса в странах — членах СЭВ. В кн. Научные исследования экономических проблем развития строительства в зарубежных странах. М., 1976.

Колубай В. Концентрация производства как фактор повышения эффективности (на примере НРБ). В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Константинов Ю. А. Действительность против вымысла. (О научной несостоятельности буржуазных трактов

вок коллективной валюты стран — членов СЭВ.) «Финансы СССР», 1977, № 4.

Копча И. Важный фактор повышения материального благосостояния народов стран — членов СЭВ, Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Кормнов Ю. Научно-технический прогресс и интеграция стран — членов СЭВ в машиностроении. План. хоз-во, 1977, № 5.

Кушаков И. К. Сотрудничество стран — членов СЭВ в строительстве основ межгосударственных объектов — основное направление решения топливно-энергетической проблемы. В кн. Научные исследования экономических проблем развития строительства в зарубежных странах. М., 1976.

Леоненко П. М. Усиление воздействия социализма на мировое социально-экономическое развитие и эволюция буржуазных концепций социалистической экономики. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Лиферов А. П. Роль интернациональных связей в экономическом подъеме прежде отсталых районов социалистических стран. В кн. Вопросы патриотического и интернационального воспитания. Смоленск — Дрезден. Смоленск, 1976.

Лишка К. Подготовка и повышение квалификации работников химической и легкой промышленности в области управления качеством продукции. В кн. Последипломное повышение квалификации специалистов в области управления качеством. М., 1977.

Лозюк И. Характер и масштабы экономических связей социалистических и развивающихся стран. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Лозюк Н. И., Леоненко П. М. Критика буржуазных и оппортунистических концепций по проблемам экономики развитого социализма. В кн. Экономические проблемы развитого социалистического общества. Киев, 1977.

Лось И. В. Финансирование и кредитование международных хозяйственных организаций стран СЭВ. «Финансы СССР», 1977, № 6.

Мелевчик З. Проблемы оптимизации инвестиций в развитие техники. (На примере ПНР.) В кн. Проблемы развития материально-технической базы социализма. М., 1977.

Мерварт Й. Проблемы применения программно-целевого подхода в долгосрочном планировании. В кн. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материального производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Михайлушкин В. И., Яковец Ю. В. Методические рекомендации по применению экономико-математических моделей и ЭВМ для разработки прејскурантов в странах — членах СЭВ. В кн. Методические вопросы создания АСОИ цен. М., 1977.

Мороховский Ю. П. Экономическое соревнование двух мировых систем: глобальный, региональный и национальный аспекты. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Мотыка Я. Роль новых форм концентрации производства в развитии материально-технической базы сельского хозяйства. (В Польше.) В кн. Проблемы развития материально-технической базы социализма. М., 1977.

Мошна З. О ревизионистской концепции роли социалистического государства в управлении народным хозяйством. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Надь А. Эффективное сотрудничество в области цветной металлургии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Настоящий А. Планирование внешнеэкономических связей в ЧССР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Немешлаки Т. Роль сотрудничества в развитии радиотехнической и электронной промышленности в странах — членах СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Непорожний П. Новый этап сотрудничества в развитии энергетики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Несторов Н. Объединение усилий в повышении пищевой ценности продуктов питания. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Новосельцева А. А. Реализация странами социалистического сотрудничества достижений научно-технической революции во внешнеэкономических связях (на примере содействия развивающимся странам в деле подготовки национальных кадров). В кн. Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Эконом. проблемы, 1977.

Олейник И. П. Материально-техническая база социализма и коммунизма. Роль ее в строительстве социалистической интеграции. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

О. Н. Экономические методы управления производством. (Из опыта стран — членов СЭВ.) Вопр. эконом., 1977, № 5.

Палаш Л. Общественно-экономические и производственные преобразо-

вания в кооперативе Витково. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 3.

Пашинина Н. П. Проблемы и возможности экономического сотрудничества Франции со странами — членами СЭВ. В кн. Экономические, политические и социальные аспекты мирного сосуществования на современном этапе. М., 1977.

Певзнер А. Организационные проблемы управления. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. I. М., 1977.

Пейчев И. Методологические и методические проблемы формирования и планирования энергетического комплекса в НРБ. В кн. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материального производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Перельман М. Г., Фролова И. К. Структура органов управления строительством в европейских странах — членах СЭВ. В кн. Научные исследования экономических проблем развития строительства в зарубежных странах. М., 1976.

Петров Б. Орбиты творческого сотрудничества. К десятилетию программы «Интеркосмос». «Коммунист», 1977, № 7.

Петров Г. Организация снабжения аграрно-промышленных комплексов минеральными удобрениями. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 3.

Петшкевич Т., Шур М. Прогнозирование развития промышленных отраслей в процессе централизованного планирования. В кн. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материального производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Побережец К. И. Усиление комплексности в экономических связях между странами — членами СЭВ и развитыми капиталистическими государствами. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Пусенков Н. Н. Развитие народного хозяйства ЧССР в 1976 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, № 55, 1977.

Пыкат. Взаимодействие СССР и ПНР в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Пытель И., Чесаны С. Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов на примере аграрно-промышленного комплекса (АПК). В кн. Консультативное совеща-

ние специалистов институтов плановых органов социалистических стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материального производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Румянцев А. П. Научно-техническая революция и развитие промышленного производства в странах социализма и капитализма. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Рыжов И. Итоги развития народных хозяйств стран — членов СЭВ в 1976 г. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Сергеев В. П. Повышение роли международной социалистической экономической интеграции для Советского Союза и особенности его участия в этом процессе. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Смирнов М. И. Научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами в области экономики строительства. В кн. Научные исследования экономических проблем развития строительства в зарубежных странах. М., 1976.

Смоленский З. Интеграционные связи сельского хозяйства и пищевой промышленности в Польше. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 3.

Степанов В. Деятельность МИБ в 1976 году. Эконом. газ., 1977, № 20.

Степанов В. И. Углубление международного разделения труда и его влияние на борьбу двух систем. В кн. Научно-техническая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Тарасов Л. Экономика стран — членов СЭВ в 1976—1977 гг. Вопр. эконом., 1977, № 5.

Томс Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ по охране окружающей среды. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 3.

Тонконог Р. И. Аграрно-промышленная интеграция в социалистических странах. «Земледелие», 1977, № 4.

Улюкаев В. Х. Экономическая оценка угодий при коммодации земель в Польской Народной Республике. Труды Моск. ун-та инженеров землеустройства, вып. 84, 1976.

Усенко Е. Т. Комплексная программа социалистической экономической интеграции и роль СЭВ в ее осуществлении. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Устименко В. В. Охрана окружающей среды в странах СЭВ. Жил. стр-во, 1977, № 4.

Уткин Э. Социалистическое соревнование и сотрудничество производственных коллективов стран СЭВ. Вопр. эконом., 1977, № 5.

Ушкалов И. Эффективность использования трудовых ресурсов в стра-

нах — членах СЭВ. Вопр. эконом., 1977, № 4.

Фадеев Н. В. И. Ленин и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Исследования и разработки в странах — членах СЭВ. М., 1977.

Фаризов И. Научный совет Академии наук СССР по комплексной проблеме «Экономическое соревнование двух систем». Обществ. науки, 1977, № 3.

Ферриандж Я. Основные тенденции развития управления в ЧССР. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. I. М., 1977.

Филипенко А. С. Особенности воспроизводственных связей в двух мировых системах общественного хозяйства. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Філіпов В. Взаємодоповнюваність економік країн НРЄВ. «Економіка Радянської України», 1977, № 4.

Филипов В. И. Углубление международного социалистического разделения труда и воспроизводство как взаимосвязанные процессы. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Фомин В. В. Отношения Совета Экономической Взаимопомощи с ООН и другими международными организациями. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Хмельевский Н. Н. Долгосрочные целевые программы сотрудничества: методологические основы их разработки в странах и органах СЭВ. В кн. Программно-целевые методы в планировании. (Тезисы докл. Всесоюз. конф. «Программно-целевые методы в планировании и упр. в свете решений XXV съезда КПСС».) М., 1977.

Хылинский Я. Основные направления сотрудничества в производстве товаров народного потребления. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Чередниченко К. Актуальные вопросы специализации и кооперирования производства товаров бытовой химии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Чуканов О. Некоторые проблемы управления в условиях социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. I. М., 1977.

Шалашов В. Научно-технический прогресс в машиностроении для производства товаров народного потребления. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Шанина В. Транспортно-экономические связи стран СЭВ. Вопр. эконом., 1977, № 5.

Шевяков Ф. Н., Турчин Н. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в

развитии железнодорожного транспорта. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Ш и р я е в Ю. Совместная плановая деятельность — основа экономического механизма социалистической интеграции. План. хоз-во, 1977, № 5.

Э г е р м а й е р Ф. Программа подготовки и обучения работников в области управления качеством на предприятиях. В кн. Последипломное повышение квалификации специалистов в области управления качеством. М., 1977.

Я р о ш Б. О. З історії розвитку радянсько-польського співробітництва в галузі машинобудування (1950—1975). Укр. іст. журн., 1977, № 5.

Я р о ш Б. А. Интернациональные принципы Великого Октября и их воплощение в советско-польском экономическом сотрудничестве. В кн. Великий Октябрь и некоторые проблемы истории СССР. М., 1977.

4. Партийная жизнь

В е р б л я н А. Союз, сотрудничество и дружба Народной Польши и СССР — фундаментальный принцип политики ПОРП. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Г р и н ю к П. Ф. Научно-техническая революция и возрастающая роль марксистско-ленинских партий в развитии мирового революционного процесса. В кн. Научно-техническая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Г у с ь к о в А. Н. Пламенный коммунист-интернационалист. (К. Готвальд.) Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1977, № 1.

Д е р я б и н Р. Критика троцкистских извращений роли партии в социалистическом обществе. В кн. Вопросы партийного строительства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Л о с ь Й. Д. Газета польских коммунистов «Trybuna Ludu». «Журналистика», вып. 2. Київ, 1977.

О л ь ш а н с к и й П. Н., Ф а л ь к о в и ч С. М. Интернационалистская политика КПСС в советско-польских отношениях. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

С к о р о д е н к о П. Направляющая сила братского союза. «Коммунист Узбекистана», 1977, № 5.

С л ю с а р ч и к З. Совершенствование работы партийных организаций по повышению активности коммунистов на крупных промышленных предприятиях ПНР. В кн. Вопросы партийного строительства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Ц е к о в а Е. Р. Деятельность партийных организаций по совершенствованию

руководства социалистическим соревнованием в трудовом коллективе. В кн. Вопросы партийного строительства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Э р д м а н н М. Осуществление ленинского принципа демократического централизма в ПОРП на современном этапе. В кн. Вопросы партийного строительства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Ю щ и к А. Руководство ПОРП органами государственной власти. В кн. Вопросы партийного строительства в странах социалистического содружества. М., 1977.

5. Государственное строительство. Право

Б а р Л. Акты администрации, обязывающие государственное предприятие. Упр. и право, вып. 3, 1977.

Б э р Г. Правовое регулирование совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

В е л ь я м и н о в Г. М. Международные экономические организации социалистических стран. (Организационно-правовые основы.) Бюл. иностр. коммерч. информации, прил. № 1, 1977.

Г а б р и г и д з е Б. Н. Конституционный статус органов социалистического государства. Сов. гос-во и право, 1977, № 5.

Д е л о н г В., К е р н е р А. К вопросу о роли административного права в управлении народным хозяйством. Упр. и право, вып. 3, 1977.

Д и м и т р о в Д. Административные акты и методы управления экономикой. Упр. и право, вып. 3, 1977.

З а л а в с к и й В. Н. Дунайская комиссия — орган международного сотрудничества. Междунар. сотрудничество в области морского судоходства, вып. I, 1977.

К ы н д е в а Э. Акты, регламентирующие структуру органов управления народным хозяйством. Упр. и право, вып. 3, 1977.

К о с т а д и н о в Г. Акты администрации по управлению экономикой. Упр. и право, вып. 3, 1977.

Л е о в с к и Е. Развитие здравоохранения в Польской Народной Республике. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1977.

М а ш а М. Использование достижений науки государственного управления для повышения эффективности актов администрации по управлению экономикой. Упр. и право, вып. 3, 1977.

М и р о н о в Н. В. Правовые формы сотрудничества с СЭВ стран, не являющихся его членами. В кн. Правовые во-

просы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Незкусил И. Криминологические исследования в Чехословацкой Социалистической Республике. Соц. законность, 1977, № 6.

Николов Х. Генеральный арбитраж НРБ и акты управления экономикой. Упр. и право, вып. 3, 1977.

Полакова М. Воспитание молодых юристов в органах юстиции ЧСР. Сов. юстиция, 1977, № 9.

Поспешинский Р. Сотрудничество польских и советских профсоюзов. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Прокopcец Я. Развитие здравоохранения в Чехословацкой Социалистической Республике. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1977.

Сандорский Я. Правовое значение принципа товарищеской взаимопомощи. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Булат В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Буханов В. А. Роль государств Юго-Восточной Европы в военно-экономических приготовлениях фашистской Германии (март 1935 — ноябрь 1937 г.). В кн. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976.

Валева Е. Л. «Интернационале Прессе-корреспонденц» о международном движении солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа в 1925—1929 гг. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1977.

Горный В. А., Луковцева И. И. Из истории деятельности РКП(б) по вовлечению польских трудящихся СССР в социалистическое строительство (1921—1929). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Грекул Ф. А. Историография славяно-молдавского летоисчисления XV—XVI вв. В кн. Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

Григорьев И. М. Деятельность П. В. Алабина в Болгарии. Краевед. зап., вып. 4, Куйбышев, 1976.

Дьяков В. А., Миллер И. С. Традиции русско-польского революционного сотрудничества в период национально-освободительных восстаний XIX века. В кн. СССР и Польша, т. I, М., 1977.

Ермолаева Р. А. Цоляки-интернационалисты в Октябрьской революции

Синельникова Р., Кубко С. Соціалістична Конституція Польщі. Рад. право, 1977, № 5.

Систематический указатель материалов, опубликованных в юридических журналах европейских социалистических стран в первой половине 1976 г. Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, 1977, № 1.

Ушаков Н. А. О международной правосубъектности Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Финкель Н. К. Правовой режим служебных изобретений в европейских социалистических странах. Вопр. изобретательства, 1977, № 5.

Харасимович Е. Юридическая ответственность за нарушение бюджетной дисциплины в ПНР. Упр. и право, вып. 3, 1977.

Янев Я. Г. Субсидарное применение норм права. Сов. гос-во и право, 1976, № 12.

и гражданской войне (1917—1920). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Жаворонок П. И. Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218—1241). В кн. Византийские очерки. Труды сов. ученых к XV Международному конгрессу византистов. М., 1977.

Кавко А. К. Социальное значение советско-польских революционных традиций. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Касаткин Н. И. Численность югославского рабочего класса и источники его формирования в восстановительный период (1944—1947). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1977.

Королюк В. Д. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). В кн. Международный конгресс по экономической истории, 5-й. Ленинград, 1970. Доклады, т. 5. М., 1976.

Кулинич И. М. Веселозна наукова конференція. Укр. іст. журн., 1977, № 3.

Лукавский З. Поляки в российском революционном движении (1883—1898). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Манусевич А. Я. Марксисты Польши и России на пути к организационному единству. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Медоварова Т. Г. Боевое содружество Батальонов хлопских с Гвардией Людовой в борьбе против гитлеровских оккупантов в 1943—1944 гг. В кн. Вопросы германской истории и историографии. Днепрпетровск, 1976.

Мельников Г. П. Источники по социально-экономической истории чешского города первой половины XVI в. В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1977.

Мыслинский Е. Позиция ППС по вопросу о российском рабочем движении и перспективах революции в России (1893—1906). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Неволина В. С. Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и Коммунистической рабочей партии Польши (1918—1923). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Носкова А. Ф. Немецко-фашистская оккупация стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в марксистской и буржуазной историографии. (Обзор литературы 60—70-х гг.). В кн. Критика современных буржуазных исторических концепций. Горький, 1976.

Орехов А. М. Связи российских и польских социал-демократов на рубеже 80—90-х годов XIX в. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Плетнева С. А. Конференция по археологии «Праболгар». (Болгария, г. Шумен.) 15—19 окт. 1976 г. Сов. археология, 1977, № 2.

Поборникова С. Первая русская революция и революционные марксисты Болгарии. В кн. Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. (Материалы науч. конф.) М., 1976.

Полянский В. Польско-советское боевое сотрудничество. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Радляк Б. Социалистические партии Польши и Октябрьская революция. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Семиряга М. И. Советско-польское боевое сотрудничество как фактор укрепления Варшавского Договора. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Собчак Я. Участие польских социал-демократов во внутрипартийной жизни РСДРП (1906—1911). В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Топорович В. Отношение политических партий России к польскому вопросу во время первой мировой войны и Февральской революции. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Тыменецкая А. Роль КПП и левых социалистических сил Польши в борьбе за дружбу с Советским Союзом в межвоенный период. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

Чернявский Г. И. На съезде болгарских историков. 2-й съезд Болгарского исторического общества (БИО). София, 9—11 октября 1976 г. Вопр. истории КПСС, 1977, № 2.

Яблоньский Г. История и современность. В кн. СССР и Польша, т. I. М., 1977.

2. Культура и наука

Агафонов В. П. Трудовое воспитание студентов. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1977, № 3.

Анисимов И. И. Социалистический реализм и современная литература. В кн. Анисимов И. И. Современные проблемы реализма. М., 1977.

Баскаков В. Н. Русский романтизм в современной польской науке о литературе. Рус. лит-ра, 1977, № 2.

Бениеш М. Из записок болгарского режиссера. «Театр», 1977, № 5.

Блянов А. И. М. К вопросу о развитии русско-славянских связей во второй половине XIX века. В кн. Передвижники. М., 1977.

Бондар Л. П. До питання про типологічне вивчення літератури у сучасному літературознавстві. «Проблеми слов'язознавства», вип. 15. Львів, 1977.

Брежнев Л. И. Выступление на встрече с руководителями Академий наук социалистических стран. 17 февр. 1977 г. Обществ. науки, 1977, № 3.

Британишский В. «Век позднейший мне воздаст с лихвою» (Ян Кохановский в XX веке). Вопр. лит-ры, 1977, № 6.

Булаховська Ю. Л. Літературознавча україністика в Польщі. (Обзор работ 70-х гг.) Рад. літературознавство, 1977, № 4.

Булаховская Ю. Л. Новаторство — отнюдь не отказ от традиций. О преемственности и новаторстве современной польской поэзии. «Радуга», Киев, 1977, № 4.

Валек М. Социалистическая культура: проблемы и перспективы. Лит. обозрение, 1977, № 4.

В. П. В гуще жизни, среди народа. (Обзор материалов III съезда Союза болгарских писателей.) Иностран. лит-ра, 1977, № 5.

Вафаев А. Критика антимарксистских концепций культурной революции. Труды Самарк. ун-та, вып. 313, 1976.

Вервес Г. Д. Нова міжнародна організація славистів. Рад. літературознавство, 1977, № 1.

Войцеховский М. Польско-советское сотрудничество в области общественных наук. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. науч. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Вольтер В., Андриешин В., Литвиняк Ф. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области подготовки и повышения квалификации научных кадров. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Востокова С., Малевич О. Актуальность истории. (Беседа о романе-

И. Томана.) Иностр. лит-ра, 1977, № 2.

В с д і н а В. П. Польска проза на сучасному етапі. Рад. літературознавство, 1977, № 4.

Г е о р г і е в Д. Некоторые вопросы нравственного воспитания студентов в вузах НРБ. В кн. Проблемы нравственного воспитания студентов. М., 1977.

Г о р д і н а Е. Встречи с искусством Югославии. Сов. музыка, 1977, № 4.

Г р а л а М. К некоторым вопросам преподавания советской литературы. В кн. Актуальные проблемы советской литературы. М., 1977.

Г р и б о в с ь к а О. І., М о т о р н и й В. А. Велика Жовтнева соціалістична революція і зарубіжні слов'янські літератури. «Проблеми слов'янознавства», вип. 15, 1977.

Д а н М. П. Издание славяно-молдавских летописей румынским славистом Иоаном Богданом и его связи с русскими славистами в конце XIX — начале XX в. В кн. Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

Д е н и с е н к о Е. С. Советская библиотечно-библиографическая классификация в европейских социалистических странах. Проблемы внедрения библиограф. классификации, вып. 6, 1977.

Д у б е н к о В. И. По пути дружбы и братства. «Коммунист Украины», 1977, № 5.

Д ю р и ш и н Д. Источники и импульсы. Изучение контактов словацкой литературы с русской. В кн. Литература и время. Лит.-худож. критика в ЧССР. М., 1977.

Д э р э н т о в и ч М. Пути и перспективы развития информационной системы в Польской Народной Республике в 1976—1980 гг. Науч.-техн. информация ВИНТИ. Сер. I, 1977, № 4.

Ж е к о в а С. Воспитание студентов в учебном труде. В кн. Проблемы нравственного воспитания студентов. М., 1977.

З а в а д а В. Земля и люди моего сердца. (Главы из книги.) Вступление

Л. Будаговой. Иностр. лит-ра, 1977, № 5.

З а х а р к и н а Д. Педагогическое просвещение родителей в Польше. Нар. образование, 1977, № 4.

З и м а Ю. Цели, методы и формы нравственного воспитания в вузах. В кн. Проблемы нравственного воспитания студентов. М., 1977.

К а л і н і ч е в а Н. А. Чеський театр 20—30-х років і драматургія І. Томана. «Проблеми слов'янознавства», вип. 15. Львів, 1977.

К а р п о в С. П., Ф о н к и ч Б. Л. XV Международный конгресс византистов. (Афины, 5—11 сент. 1976 г.) Вопр. истории, 1977, № 4.

К е р и м о в Д. А. Симпозиум по философии права в Белграде. Международный симпозиум по актуальным проблемам

марксистско-ленинской философии, права, организованный Сербской АН (май 1976 г.). Изв. вып. учебн. заведений. Правоведение, 1977, № 1.

К и р и л ю к С. П. Український реалізм і літератури слов'янських народів у XIX ст. В кн. Кирилук С. П. Шевченкознавчі та славістичні дослідження. Київ, 1977.

К и р и л ю к С. П. Шевченко і слов'янські народи. В кн. Кирилук С. П. Шевченкознавчі та славістичні дослідження. Київ, 1977.

К и р и л ю к С. П. Шевченко і Шафарик. В кн. Кирилук С. П. Шевченкознавчі та славістичні дослідження. Київ, 1977.

К и п ч і к і н Л. С., М о т о р н и й В. А. Невідомі листи О. Л. Книшпер-Чехової. «Проблеми слов'янознавства», Львів, 1977, вип. 15.

К л е м е н т Т., М а р е в И. Преподаватель высшей школы — воспитатель и ученый. В кн. Проблемы нравственного воспитания студентов. М., 1977.

К л е м е н т ь е в С. В. Лекции о советской литературе в Польше. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1977, № 1.

К л е м е н т ь е в С. В. Русская советская проза 20-х годов в оценке современного польского литературоведения (60—70-е годы). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1977, № 1.

К л и м ч у к В. Еміліан Станев — художник, мислитель. «Всесвіт», 1977, № 2.

К о г а н Е. Охрана окружающей среды. (Симпозиум.) Обществ. науки, 1977, № 3.

К о з л о в В. П. Критический анализ взглядов Бенуа — П. Эпнера на проблему «М. А. Бакунина и славянский вопрос». В кн. Историография и источниковедение. М., 1976.

К о л е в с к и й В. Единство народов, братство культур. «Октябрь», 1977, № 5.

К о л е в с к и й В. Ленинские принципы в болгарской литературе 20-х годов. В кн. Ленин и марксистская литературная критика за рубежом. М., 1977.

Коммюнике о советах президентов академий наук социалистических стран. (Москва, 15—18 февр. 1977 г.) Обществ. науки, 1977, № 3.

К о с а н о в и ч Б. Об изучении русской советской литературы в Новсадском университете. В кн. Актуальные проблемы советской литературы. М., 1977.

К р у т к и А. Нравственный мир героя в современной польской литературе о деревне. В кн. Марксистско-ленинская концепция личности и современный литературный процесс. М., 1977.

Л а в р е н е в В. А. О стихотворении Х. Ботева «К моей первой любви» и его переводах. Вопр. рус. лит-ры, вып. 2. Львов, 1976.

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

С 20 по 24 марта 1977 г. в Варне (Болгария) проходило очередное заседание Международной комиссии по истории славистики, в котором приняли участие ученые восьми стран: Австрии, Болгарии, ГДР, Италии, Польши, Советского Союза, Франции и Чехословакии.

Заседание открыл председатель болгарского национального комитета славистов чл.-корр. БАН Э. Георгиев. «История славистики, — сказал он, — представляет собой сокровищницу идей и важных научных достижений. Настоящая научная конференция ставит своей задачей найти пути дальнейшего развития славистической мысли, развивать то, что уже сделано, собирать материал для фундаментального труда и сформировать для этой цели необходимый научный коллектив».

Председатель Международной комиссии по истории славистики чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков охарактеризовал результаты деятельности Комиссии за последние пять лет, уделив особое внимание работе над серией международных сборников по истории славистики. На московском заседании Комиссии (1972) было признано целесообразным начать издание серии международных сборников по истории славистики. Особенность предполагаемого издания состояла в суммировании всех уже имеющихся в этой области науки достижений, а также в разработке и уточнении единых методологических и теоретических методов исследования. В 1973 г. на варшавском заседании Комиссии был разработан и принят план издания пятитомной серии международных сборников, выпуск которых обязались осуществить ученые славянских стран: I том — «Методологические проблемы мировой славистики» (Советский Союз), II том — «История славистики конца XVIII и первой половины XIX века» (Чехословакия), III том — «История славистики второй половины XIX века» (Югославия), IV том — «История славистики конца XIX и начала XX века» (Болгария), V том — «История славистики периода межвоенного двадцатилетия» (Польша). В 1975 г. на пражском заседании Комиссии были обсуждены и приняты планы — проспекты наме-

ченных международных сборников за исключением III тома.

В докладе «Славяноведение как комплекс научных дисциплин» Д. Ф. Марков коснулся ряда вопросов, связанных с методологией изучения истории мировой славистики, а также уточнения терминологии, принятой в этой области науки. Основная задача, стоящая перед Комиссией, — отметил он, — это прежде всего «необходимость обобщения огромного исторического опыта исследователей-славистов, однако на данном этапе своей деятельности Комиссия стремится к постановке и освещению лишь узловых проблем истории славистики, что предполагается осуществить в издаваемой в настоящий момент пятитомной серии международных сборников. Большое внимание докладчик уделил определению содержания самого понятия славистики, трактуя его как комплекс научных дисциплин, изучающих общественную жизнь славянских народов (история и история культуры славянских народов, славянское языкознание, литературоведение, искусствоведение). Особенно важны для изучения мировой славистики принципы отбора материала, которые обеспечили бы ориентировку на общезначимые закономерные тенденции рассматриваемого процесса.

Доклад Э. Георгиева был посвящен рассмотрению основных этапов развития истории славистики в славянских странах. В начале своего выступления Э. Георгиев сказал, что значение истории славистики определяется не только результатами исследовательской работы в какой-либо одной, хотя и важной научной славистической дисциплине, но и анализом процессов, способствующих пониманию духовной жизни славянских народов в целом, раскрывающих их историческую эволюцию во всем ее объеме. Касаясь вопроса периодизации истории славистики в славянских странах, Э. Георгиев предложил выделить девять основных этапов ее развития: I период, предшествующий официально принятому началу изучения истории славистики, охватывает почти целое тысячелетие с IX по XVIII в.; II период — эпоха Возрождения; III — эпоха барокко; IV — XVIII — начало

XIX в.; V — первая половина XIX в.; VI — вторая половина XIX в.; VII — первые десятилетия XX в.; VIII — от победы Великой Октябрьской социалистической революции до конца второй мировой войны; IX — этапом в развитии славистики является наша современность.

В докладе проф. Й. Хамма (Австрия) рассмотрены вопросы специфики развития славистики в неславянских странах. Докладчик остановился на характеристике таких терминов, как «славистика», «славист», и показал значение неславянских стран в становлении и развитии мирового славяноведения. По мнению Й. Хамма, при определении предмета истории славистики следует различать два аспекта данного понятия: историю славистики в широком смысле, в которую должна входить славянская филология с ее основными дисциплинами, внутри которых следовало бы различать историю русистики, полонистики, богемистики и т. д., и историю славистики в узком смысле слова, т. е. компаративную и структурную, которая могла бы стать самостоятельной частью первой. Й. Хамм считает, что славистика должна изучать как те явления славянской филологии, которые являются общими для некоторых или для всех славянских систем, так и то, что важно и значительно только для одной системы. Докладчик высказал также мнение, что с точки зрения развития истории славистической науки между славянскими странами имеется много существенных различий. В то же время существует ряд неславянских стран, где основателями славистики стали ученые славянского происхождения, и эти страны оказали существенное влияние на процесс развития мировой славистической мысли. К славистическим центрам такого типа следует, по мнению Й. Хамма, отнести Вену, Грац и Будапешт.

Доклад проф. Г. Димова (НРБ) был посвящен характеристике основных этапов развития болгарского литературоведения, связанных с наиболее значительными событиями из истории болгарского народа, а также с развитием национальной общественно-философской мысли. Большое внимание в докладе было уделено раскрытию значения творчества и об-

щественной деятельности видных представителей болгарской литературоведческой и шире — эстетической — мысли. Г. Димов рассказал о творчестве выдающегося национального писателя Н. Бончева, о деятельности революционных демократов Х. Ботева, Л. Каравелова, И. Шишманова, о литературоведах-марксистах Д. Благоеве, Г. Бакалове, Т. Павлове и других.

Доклады вызвали большой интерес и оживленную научную дискуссию. Рассмотрение этих вопросов поможет разработке определенного круга методологических вопросов и выработке дефиниций, необходимых для написания всеобщей истории славистики.

22 марта состоялось заседание, на котором была заслушана информация редакторов о подготовке к печати сборников по истории славистики. С сообщениями выступили: д-р ист. наук В. А. Дьяков (СССР), представивший на утверждение Комиссии сборник «Методологические проблемы истории мировой славистики», подготовленный в Советском Союзе; проф. Й. Грозичек (ЧССР) — сборник, подготовленный в Чехословакии, по теме: «История славистики конца XVIII и первой половины XIX в.», проф. П. Зволинский (ПНР) — подготовленный в Польше сборник на тему: «История славистики периода межвоенного двадцатилетия»; было также заслушано сообщение Э. Георгиева о работе над сборником «История славистики конца XIX — начала XX столетия».

Комиссия приняла решение о рекомендации к печати упомянутых сборников и одобрила план и структуру четвертого сборника. Высказаны предложения о создании сборника по истории славистики, посвященного периоду после второй мировой войны, а также сборника по истории славистики в неславянских странах. Было решено провести следующее заседание Комиссии в 1978 г. во время VIII Международного съезда славистов.

По мнению участников, заседание Комиссии было весьма полезным. Оно явится важным этапом в ее деятельности.

Н. А. Прокофьева

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ

С 29 ноября по 3 декабря 1977 г. в Москве, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходила VI Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу» (ОКДА), в которой принимали участие ученые СССР, Чехословакии, Польши, Болгарии, Югославии, Венгрии, ГДР. От Советского Союза участвовали коллективы сотрудников Института славяно-

ведения и балканистики АН СССР под руководством проф. С. Б. Бернштейна, Института языка и литературы АН Молдавской ССР под руководством д-ра филол. наук Р. Я. Удлера, сотрудничающего с Институтом общественных наук АН УССР во Львове Я. В. Закревская; от Ужгородского университета — проф. П. Н. Лизанец, Черновицкого университета — канд. филол. наук К. Ф. Герман и канд.

филол. наук В. А. Прокопенко. Коллективы, работающие по данной теме в рамках международного сотрудничества академий социалистических стран, представляли сотрудники Института славяноведения ПАН проф. Я. Сятковский, Г. Поповска-Таборска, Я. Ригер, Института чешского языка ЧСАН в Брно проф. А. Вашек, Института языкознания САН И. Рипка, Института болгарского языка БАН проф. М. Младенов, профессора Краковского университета А. Заремба, Братиславского — П. Ондрус, Кошицкого — Ю. Кришакова, философского факультета в г. Нови Сад Д. Петрович, Берлинского университета К. Гутшмидт, Будапештского университета — И. Шилош.

Задачей конференции являлось обсуждение и утверждение Вопросника ОКДА, который был составлен советскими учеными на основе материалов, представленных всеми национальными коллективами, и опробован в полевых условиях летом 1977 г., а также решение ряда научно-организационных и технических вопросов.

Проф. С. Б. Бернштейн в своем вступительном слове констатировал общность взглядов, согласованность теоретических позиций на данном этапе работы: лексико-семантический характер атласа, выявление корпуса карпатизмов, решение делать диалектологический, а не комбинированный, этнографически-лингвистический атлас, включение материала балканских языков. На заседаниях выступили с отчетами руководители национальных коллективов — проф. А. Заремба, проф. П. Ондрус, проф. А. Вашек, М. Младенов, проф. Д. Петрович, проф. П. Н. Лизанец, Р. Я. Удлер, которые рассказали о проведенной за год, после Краковской конференции, работе, в частности, о проведенных экспедициях. Все выступавшие отметили необходимость сокращения Вопросника, редактирования формулиро-

вок, оформления. Окончательная версия Вопросника содержит 850 вопросов, вместо имевшихся в проекте 2000, что делает реальным сбор диалектного материала в установленные сроки, а главное позволяет получить безусловно сопоставимые данные. Вопросник представляет собой комбинацию двух традиционных типов вопросов: от слова к значению и от значения к слову; дериваты, как правило, даются внутри вопроса, относящегося к определенной лексеме. Дискутировалась также роль рисунков в процессе сбора материала, было признано целесообразным использовать их в качестве вспомогательного средства для собирателей. Была определена нумерация общекарпатской сетки пунктов в количестве 164, идущая с запада на восток и с севера на юг. Кроме того, затрагивались вопросы сбора и обработки материала, принципов и техники картографирования и комментирования, что будет одной из главных тем следующей, VII конференции в Софии в октябре 1978 г. Там же будет обсуждена и утверждена выработанная проф. А. Зарембой Инструкция для сбора материала ОКДА. В решениях сказано, что оформление Вопросника ОКДА взял на себя польский национальный коллектив, который завершит его в первом квартале 1978 г. После этого Вопросник будет разослан во все страны, участвующие в работе по данной теме. Предполагается публикация материалов конференции.

Участники отметили четкую организацию конференции, дружескую и деловую атмосферу обсуждений и выразили признательность Институту славяноведения и балканистики АН СССР. Прошедшая конференция, несомненно, явится важным этапом в создании «Общекарпатского диалектологического атласа».

И. Е. Можаява

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БУДАПЕШТЕ

С 5 по 7 сентября 1977 г. в Будапеште проходила международная научная конференция на тему «Роль Будаийской университетской типографии в общественном, культурном и политическом развитии народов Восточной Европы (1777—1848)». Конференция, организованная Будапештским университетом им. Лоренца Этвеша совместно с Венгерской академией наук, была посвящена 400-летию со дня основания и 200-летию деятельности университетской типографии в Буде. В работе конференции приняло участие около 100 ученых — историки, историки культуры, литературоведы, лингвисты и другие

специалисты из Венгрии, Австрии, Болгарии, Великобритании, ГДР, Польши, Румынии, СССР, ФРГ и Югославии.

Интерес к деятельности Будаийской университетской типографии объясняется ее значительной ролью в развитии национального движения, в распространении образования, науки и культуры среди народов Венгрии, соседних с нею и некоторых других стран. Ею было издано большое число книг на многих языках, особенно в последнюю четверть XVIII — первую половину XIX в. — в важнейший период складывания буржуазных наций, национальных культур народов Центр

ральной и Юго-Восточной Европы. Будапештская университетская типография, отличавшаяся политической и языковой терпимостью, имевшая монопольное право издания в Австрийской империи книг кириллицей, сыграла, в частности, большую роль в развитии национальной культуры зарубежных славян. Так, в числе 5500 книг, изданных ею в 1777—1848 гг., словацких книг было — 229, болгарских — 23 (в том числе почти все болгарские книги первой четверти XIX в.), сербских и хорватских — 799 и др. Печатались книги и на украинском языке, в числе которых была и знаменитая, «насквозь революционная», по словам И. Франко, «Русалка Днестровская» (1837). В типографии были отпечатаны книги многих видных деятелей славянской культуры — Д. Обрадовича, В. Караджича, А. Бернолака и др.

Открыл конференцию ректор Будапештского университета проф. Д. Адам. С приветственными речами выступили также министр легкой промышленности Я. Кешерю и зам. министра образования К. Гарамвельди. В четырех докладах венгерских ученых профессоров Э. Арато, Б. Кешеци, П. Кирай и Л. Сиклаи, про-

читанных на пленарном заседании, была охарактеризована роль Будапештской университетской типографии в развитии идеологии, культуры, литературы и литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Дальнейшая работа конференции проходила по трем секциям. На секционных заседаниях было заслушано свыше 70 докладов. В них были рассмотрены вопросы истории самой типографии и ее роли в национально-культурном развитии Венгрии, охарактеризована роль и значение изданий типографии в развитии литературы, культуры, литературных языков, книгопечатания у сербов, хорватов, болгар, словаков, закарпатских украинцев и других народов. На заключительном заседании проф. П. Кирай подвел общие итоги конференции. От имени зарубежных участников выступили проф. Э. Паулини (Братислава) и проф. Г. Витрценз (Вена), отметившие большое научное значение конференции и хорошую ее организацию. Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике.

Т. Исламов, Г. Венедиктов

ИЛЬЯ СОЛОМОНОВИЧ МИЛЛЕР

(1918—1978)

В ночь на 8 января 1978 г. скончался видный советский историк—коммунист, доктор исторических наук, профессор Илья Соломонович Миллер. Люди, близко знавшие его, потеряли сердечного, отзывчивого и доброжелательного товарища, человека высокими нравственными качествами, принципиального и взыскательного. Большую утрату понесла историческая наука.

Вся научная деятельность И. С. Миллера была тесно связана с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Он работал в Институте со дня его основания, был старшим научным сотрудником, руководителем группы, а затем — сектора межславянских связей, в 1968 г. возглавил сектор новой истории стран Центральной Европы.

И. С. Миллер пришел в Институт, уже будучи кандидатом наук. Защита диссертации, посвященной крестьянским движениям в Польше в XVII в., состоялась в 1941 г., в дни Великой Отечественной войны. И. С. Миллер прошел всю войну в рядах Советской Армии, был награжден орденом Красной Звезды и медалями СССР.

Вернувшись к научной работе, И. С. Миллер в первые послевоенные годы опубликовал ряд работ по истории Польши XVII в. Важный комплекс проблем, входивших в сферу его научных интересов, связан с освещением различных аспектов польского общественного движения середины XIX в. Много нового внес он в разработку проблем, связанных с событиями 1846—1849 гг. Им, в частности, было посвящено исследование «Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40-х годах XIX столетия)», изданное и в польском переводе.

В 1949—1956 гг. И. С. Миллер принимал самое деятельное участие в создании «Истории Польши», первого капитального марксистского труда, получившего высокую оценку в СССР и за рубежом. И. С. Миллер руководил работой авторского коллектива, был одним из создателей общей концепции труда.

В середине 50-х годов И. С. Миллер выступил с инициативой углубленного изучения русско-польских революционных связей, организовал и возглавил коллектив исследователей этой проблематики, который стал ядром сектора по изучению межславянских связей. Цикл работ И. С. Миллера, связанных с историей русско-польских революционных связей эпохи первой революционной ситуации в России и польского восстания 1863 г., составил основу его докторской диссертации, защищенной в 1965 г. Большая и плодотворная работа, проделанная И. С. Миллером, раскрыла во всей полноте характер и масштабы русско-польских революционных связей, позволила оценить их как явление громадного значения, не имеющее аналогий в предшествующей истории как русского, так и польского освободительного движения.

Будучи историком широкого профиля, И. С. Миллер принимал активное участие в работе Группы по изучению первой революционной ситуации в России и внес вклад в теоретическую разработку проблем революционной ситуации и освободительного движения в многонациональной стране.

И. С. Миллер руководил совместной работой советских и польских историков по изучению восстания 1863 г., основным результатом которой стало фундаментальное советско-польское серийное издание «Восстание 1863 года. Материалы и документы». И. С. Миллер был редактором 18 томов серии. Реализация этой многотомной публикации стала возможной благодаря созданию в Институте коллектива исследователей, организатором и руководителем которого являлся И. С. Миллер. Результатом работы коллектива стало издание в 1960—1971 гг. под редакцией И. С. Миллера 10 сборников статей. Итоги этой работы были обобщены в вышедшей в 1976 г. большой коллективной монографии «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917», одним из авторов и редактором которой был Илья Соломонович.

И. С. Миллер изучал многие вопросы истории польской литературы, главным образом исторического романа. Ему принадлежат исследования, посвященные творчеству Ю. И. Крашевского, Г. Сенкевича, С. Жеромского, К. Тетмайера. В круг интересов И. С. Миллера входила история польской общественной мысли и философии. В конце

50-х годов вышло в свет трехтомное издание «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей».

Руководя сектором новой истории стран Центральной Европы, И. С. Миллер возглавил изучение широкого круга проблем. В масштабах Института он осуществлял руководство разработкой комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму», координировал эту проблему за пределами Института, был членом Международной комиссии по истории славистики.

Как ученого И. С. Миллера отличала неизменная активность, широта интересов, глубокое проникновение в суть исторических проблем, строгая обоснованность выводов. В списке его научных трудов свыше 220 позиций; им опубликовано 7 монографий (из них 3 в соавторстве), 80 статей, 60 разделов коллективных трудов; под его редакцией издано 6 коллективных монографий (в которых он принимал авторское участие), 20 томов публикаций, 12 сборников статей. Он являлся автором более 400 статей в энциклопедических изданиях.

И. С. Миллер всегда уделял большое внимание делу воспитания научных кадров, он вырастил поколение молодых ученых. Под его руководством подготовлено и защищено 11 кандидатских диссертаций по истории Польши и Чехословакии.

Член Коммунистической партии с 1943 г., И. С. Миллер щедро отдавал свой опыт, знания и талант общественной работе. В течение ряда лет он избирался в партбюро Института, был секретарем партийной организации. Большую работу он вел в Обществе советско-польской дружбы.

Человек огромной энергии И. С. Миллер много и плодотворно работал до последнего дня своей жизни. Светлая память об Илье Соломоновиче Миллере сохранится в наших сердцах.

Сектор новой истории стран Центральной Европы

CONTENTS

- Sumarokova M. M.* Ph. Philipovich about the revolutionary movement in Russia (1905—1917). *Galaktionov I. V.* Once more about the Andrusov Treaty of 1667. *Kuchinko M. M.* Medieval towns on the Bug in the light of the annalistic and archaeological sources. *Bogomolova N.* On the Pushkinian tradition in Julian Tuwim's creative work. *Kaliganov I. I.* Textual notes about south slavonic copies of the Life of George the New. *Zelenina E. I.* Terminology of weaving in the Balkan dialects of the Bulgarian language in its correlation with literary one . . . 3

Toward the VIII-th Congress of slavists

- Kishkin L. S.* On the factors stipulating literary connections. *Lipatov A. V.* The Slavonic literatures and All-European literary process in the Middle Ages (general regularities, connections, specificity) 64

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- Steklova F. I.* In the Decembrists' circle. *J. A. Labyncew.* The monument of old polish literature 91

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Tesemnikov V. A. B. V. Зеленин.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921. *Jakovlev N. N.* Цола Драгойчена. Повеля на дълга. *Kudryavtseva N. I.* Józef Kavalczyk. Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936—1938 w świetle raportów posła Czechośłowacji w Warszawie i innych archiwaliów. *Naumov E. P.* Development of historiography of the Slavonic countries and the history of Byzantinology. *Lapteva L. P.* A new edition of the Zbraslav chronicle. *Kolesov V. V. R. Krajčovič.* A Historical Phonology of the Slovak Language 101

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1977 (continued). 112

SCIENTIFIC LIFE

- Prokofjeva N. A.* The session of the international Commission on the history of Slavonic Studies. *Mozhajeva I. E.* The International scientific conference on the All-Carpathian dialectological atlas. *Islamov T., Venediktov G.* The scientific conference in Budapest 122
I. S. Miller 126

Технический редактор *E. В. Синицына*

Сдано в набор 11.04.78   Подписано к печати 14.06.78   Т-00390   Формат бумаги 70×108^{1/16}.
 Высокая печать   Усл. печ. л. 11,2   Уч.-изд. л.12,2   Бум. л. 4   Тираж 1230 экз.   Зак. 386

Издательство «Наука». 103717, Москва, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер.. 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891